

ФЛУАР
И
БЛАНШЕФЛОР

ФЛУАР И БЛАНШЕФЛОР

Перевод со старофранцузского
АНАТОЛИЯ НАЙМАНА

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

ББК 83.34 Фр
Ф 73

Составление,
предисловие и комментарий
А. Д. МИХАЙЛОВА

Ответственный редактор
Г. В. СТЕПАНОВ

Ф 73 Флуар и Бланшефлор. Пер. со старо-
франц. Предисл. А. Д. Михайлова. М.,
Главная редакция восточной литерату-
ры издательства «Наука», 1985.

174 с.

Созданный около 1170 г. анонимный французский роман в стихах «Флуар и Бланшефлор» имеет очевидные византийские корни, демонстрируя тесные восточно-западные культурные взаимоотношения в эпоху Средневековья. Сюжет о любви сарацинского принца Флуара и пленницы-христианки Бланшефлор расцвечен изящными описаниями восточных городов; шумных торгов и диковинных товаров; двора эмира вавилонского; захватывающих рыцарских поединков.

Ф 4703000000-158
013(02)-85 183-85

ББК 83.34Фр

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

А. Д. Михайлов

Средневековый французский роман о Флуаре и Бланшефлор, его источники и его судьба

Первым серьезным опытом молодого Боккаччо в прозе стал его любовно-приключенческий роман «Филоколо» (начат в Неаполе в 1336 г.). Вместе с тем эта книга будущего автора «Декамерона» (мы к ней еще вернемся) оказалась последней значительной обработкой популярного сюжета, мимо которого, видимо, не прошла ни одна литература средневековой Западной Европы.

Речь идет, конечно, о вполне конкретном сюжете — истории любви двух молодых людей, языческого принца Флуара и рожденной в неволе христианки Бланшефлор, — а не о мотиве разлученных и потом воссоединяющихся любовников, манифестаций которого великое множество во всех литературах Востока и Запада. У нашего сюжета, а следовательно, и первой его обработки — французского средневекового романа, бесспорно, восточные корни, поэтому происхождению последнего было посвящено немало работ; в них высказывались самые различные, нередко прямо противоположные точки зрения, так как генезис интересующего нас сюжета довольно темен. Поиски источников «Флуара и Бланшефлор» очень увлекательны и поучительны, но, прежде чем обратиться к ним, следует присмотреться к самому роману, к его структуре, его «смыслу».

Роман наш сохранился в нескольких рукописях, распадающихся на две неравные группы. Одна из них, представленная четырьмя рукописями, соответствует первой версии романа (которую принято называть «аристократической»). Вторая, представленная лишь одной рукописью (к тому же не имеющей конца), соответствует второй версии (ее без достаточных для этого оснований называют обычно «народной»).

Наиболее интересна первая версия романа. И не только потому, что она представлена несколькими рукописями (и следовательно, пользовалась большей популярностью, чем вторая) и что именно она стала источником многочисленных иноязычных переработок. Как мы попытаемся показать, первая версия обладает большим структурным единством, в ней с большей отчетливостью воплощена та повествовательная модель, которая в дальнейшем легла в основу многочисленных памятников романного жанра, определяемых как «идиллические»¹.

Первая версия появилась в пору бурного расцвета французского рыцарского романа, когда каждый новый памятник жанра означал ощутимый шаг вперед в его эволюции². К этому надо добавить, что рыцарский роман не только многообразно отразил формирование широкого комплекса куртуазных идеалов³, но и сам активно участвовал в их выработ-

---

¹ См.: M. Lot - Bogodine. Le Roman idyllique au Moyen âge. P., 1913.

² Краткий обзор и литературу вопроса см. в нашей работе: А. Д. Михайлов. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976.

³ Общий очерк их формирования см. в капитальном труде: R. Bezola. Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident. V. 1—5. P., 1944—1963. См. также: G. S. Burgess. Contribution à l'étude du vocabulaire pré-courtois. Genève, 1970.

ке. Динамика этого процесса особенно зримо обнаруживается при сопоставлении двух версий нашего романа.

На стремительность и сложность литературного развития во Франции середины XII в. указывает хотя бы факт появления произведений, созданных в полемических целях или ставящих перед собой среди прочих и полемические задачи. Так, в ответ на романы о Тристане и Изольде Кретьен де Труа (самый талантливый и плодовитый французский романист XII в.) создает своего «анти-Тристана», роман «Клижес», а следом почти одновременно пишет две книги, как бы спорящие между собой, отстаивающие едва ли не противоположные взгляды на смысл любви и на понимание долга рыцаря,— романы «Ивэйн, или Рыцарь со львом» и «Ланселот, или Рыцарь телеги». Ускоренное развитие переживали и приемы раскрытия человеческих характеров. От произведения к произведению приемы эти разнообразились и усложнялись. Так, в анонимном «Романе о Фивах» (восходящем к хорошо известной в Средние века «Фиваиде» Стация) любовь еще не стала двигателем сюжета и поэтому в ее изображении нет той своеобразной пассивной «диалектики», которая уже присутствует в созданных в те же годы «Романе о Трое» Бенуа де Сент-Мора и в анонимном «Романе об Энее», где любовные переживания героев получают и более детализированную и более тонкую трактовку. Особенно показателен в этом отношении «Эней». Воздействие данного романа, как верно отметил один из его недавних исследователей⁴, было наиболее сильным как раз в середине XII в., т. е. в пору создания «Флуара и Бланшефлор».

К этому времени или, быть может, как раз в это время сложились два типа куртуазного романа. Один из них тяготел к своеобразной историчности: он претендовал на изображение всего жизненного пути героя или даже некоего социума и включение их в общий исторический ряд. Таковы

---

⁴ См.: G. Angeli. L'«Eneas» e i primi romanzi volgari. Milano — Napoli, 1971.

были перечисленные выше произведения, написанные на сюжеты античных эпосов. В них индивидуальные судьбы героев и их любовные отношения оказывались вставленными в некий исторический (псевдоисторический, конечно) контекст. Точно так же строил свое произведение и Вас, нормандский трувер, приближенный английского короля Генриха II Плантагенета и его жены, знаменитой Аленоры Аквитанской. Вас первым на французской почве (он писал по-французски, хотя и служил при английском дворе) дал обработку артуровских сюжетов, верно уловив их поэтическую привлекательность и повествовательные возможности. Уже не как история некоего легендарного социума (в «Романе о Бруте» Васа — королевства Артура), а как история трагической любви, которая становится и историей всей жизни, разворачивается повествование в серии романов о Тристане и Изольде.

Рядом с таким типом романа возникает и другой. Его создателем стал Кретьен де Труа. Он также повествует об Артуре, о его Круглом Столе, о его рыцарях. Но из всего сложного и бесконечного бытия «артурианы» он выбирает для каждого произведения лишь одного героя, а из жизни последнего — лишь один эпизод, пусть наиболее значительный и яркий. Впрочем, так построены только три романа Кретьена. Два других имеют принципиально иную структуру. Один — «Клижес» — опять повествует о всей жизни героя, доводя рассказ если и не до «конца», т. е. до его смерти (как это было в романах о Тристане), то до «счастливого конца» — до брака героя с любимой. Второй — «Персеваль» — вновь возвращается к многособытийной истории артуровского королевства, вплетая в нее новые мотивы — поиски Грааля, которые уведут нас в далекое будущее рыцарского романа, на чем мы не станем здесь останавливаться.

Что касается «Клижеса», то он во многом строится по «идиллическим» меркам и мог бы стать предметом рассмотрения среди других произведений этой разновидности рыцарского романа. Показательно, что, хотя в нем и присутствуют высокие идеалы рыцарственности (которые воодушевляют ге-

роев остальных книг Кретьена де Труа), они оказываются несколько отодвинутыми на задний план. В самом деле, герой романа бесспорно является образцовым рыцарем, но в подвигах своих прежде всего преследует личный интерес. Любовь не преображает Клижеса, не побуждает его к свершению подвигов самоотречения и великодушия. Но она неодолима и всемогуща. Она учит героя хитрить, обманывать, добиваться своего. Думается, кретьеновский «Клижес» испытал воздействие традиций идиллического романа (к которому принадлежит и наша книга). Между прочим, хитроумно построенная башня и окружающий ее скрытый от посторонних глаз прекрасный сад, описанные в «Клижесе», напоминают некоторые мотивы романа о Флуаре и Бланшефлор. Заметим сразу же, что здесь, видимо, не могло быть воздействия одного произведения на другое; сам материал — загадочные и манящие обычаи и нравы Востока, так внезапно и ярко раскрывшиеся перед удивленным Западом в период Крестовых походов, — диктовал и Кретьену, и неведомому нам автору романа о сарацинском принце Флуаре определенные сюжетные ходы и фабульные решения.

Правда, в нашем романе, по крайней мере в его «аристократической» версии, герой, в отличие от рыцаря Клижеса, вообще никаких подвигов не совершает. Удел его, как известно, безмятежная любовь, незаметно созревшая в тепличной атмосфере прекрасного весеннего сада, тоска в разлуке с любимой, неподдельное горе при известии о ее смерти и т. д.

Все это восторженное повествование о любви, не знающей колебаний и сомнений, вставлено в суровую раму «жесты». Ведь имена основных героев романа не были придуманы его автором. В первой половине XII в. они появляются в эпических памятниках, связанных со сказаниями о детстве Карла Великого. В них он оказывается внуком Флуара и Бланшефлор, венгерской королевской четы. Текст поэм, излагающих историю их дочери Берты Большеногой, матери Карла, сохранился плохо. Ранние памятники до нас вообще не дошли, поздние созданы уже под несомненным влиянием

романной традиции. Но нельзя не отметить настойчивый интерес к этим легендам. В общих чертах история Берты Большеногой такова. К молодой венгерской принцессе сватается король франков Пипин Короткий. Согласие получено, и девушку снаряжают в долгий путь ко французскому двору. Служанка Берты Маргиста задумывает недоброе: она решает выдать за невесту свою собственную дочь. Обе девушки очень красивы и очень похожи, но у принцессы одна нога чуть больше другой. Пипин в суматохе свадьбы не замечает подмены, Берту же, якобы покушавшуюся на короля, сначала хотят казнить, а потом завозят в глухой лес и оставляют там одну. Сердобольный лесник берет ее в свой дом, и она в течение восьми лет живет у него на положении простой служанки. Но вот Бланшефлор является ко двору, чтобы проведать дочь. Взглянув на ноги королевы, она тут же разоблачает самозванку. Маргисту бросают в костер, ее дочь заточают в монастырь. Вскоре во время охоты Пипин случайно встречает в лесу Берту и привозит ее во дворец.

Таким образом, наш роман оказывается включенным в цикл о детстве Карла Великого, играя роль введения в него. Эта близость к традиции жест заставляет нас, казалось бы, предположить достаточно раннее возникновение памятника. Для этого есть и иные причины. На них обратил внимание Ж.-Л. Лекланш⁵. Он отметил в романе три существенные детали. Во-первых, отец Бланшефлор погибает на пути в Сантьяго-де-Компостела; во-вторых, героям в момент их свадьбы было по 15 лет; в-третьих, во время свадебных торжеств Флуар узнает о смерти отца⁶. Точно такое же стечение обстоятельств находит ученый и в истории французского королевского дома в середине XII в. В 1137 г. принц Людовик Молодой сочетался браком с Альenorой Аквитанской. Отец ее, герцог Гильем X, тоже умер в пути, так и не до-

---

⁵ J.-L. Leclanche. La date du conte Floire et Blancheflor.— «Romania». Т. 92, 1971, с. 556—567.

⁶ Там же, с. 565.

бравшись до Сантьяго. В момент свадьбы Людовику едва исполнилось 16 лет, Альеноре же было 15. В Пуатье во время свадебной церемонии принц Людовик узнал о смерти отца, короля Людовика VI. Учитывая, что отношения между супругами были довольно сложными (что, как известно, привело в конце концов к разводу), Ж.-Л. Лекланш полагает, что наш роман мог быть написан в наиболее «идиллические» годы их совместной жизни. Таковыми он справедливо считает 1147—1149 гг., когда король и королева приняли участие в крестовом походе⁷. Эти соображения и параллели, если они верны, могли бы существенным образом сдвинуть традиционную дату создания романа, причем не только ее, но и многие другие, в частности время появления первых романов Кретьена де Труа, «Романа об Энее», «Романа о Бруте» Васа (дата окончания которого известна точно — 1155 г.). Все же версия Лекланша маловероятна. Мы полагаем, правда, что в нашем романе могли отложиться воспоминания о радужных временах в отношениях между Людовиком и Альенорой и об обстоятельствах, уже далеких, их свадьбы. Более того, если уж как-то соотносить бурную историю Альеноры с событиями нашего романа, то становится очевидным, что жизнь королевы могла послужить для его автора лишь отрицательным примером: уж очень неуживчива оказалась Альенора в обоих своих браках. Ведь можно предположить, что именно под впечатлением ее ссор и со вторым мужем, английским королем Генрихом II Плантагенетом, средневековый поэт решил рассказать о возвышенной, искренней, самоотверженной любви, любви во всех отношениях идиллической, сталкивающейся только с препятствиями, лежащими вне пределов молодых сердец.

Действительно, в нашем романе идиллически, т. е. не знают сомнений и внутренних преград, отношения молодых героев. идиллически, праздничны и финалы. Мотив необоримости любовного чувства постоянно звучит в книге, как бы являясь орга-

---

⁷ Там же, с. 565—566.

низирующим ядром отдельных ее эпизодов. Отметим также, что эмоциональная насыщенность разных частей романа различна. Различны их объем и временной охват. В этом, бесспорно, есть определенная закономерность, соответствующая творческому замыслу автора⁸.

Отдельные мелкие эпизоды книги могут быть объединены в группы. Таких групп, видимо, три. В каждой из этих групп есть свое эмоциональное ядро, каждая заканчивается оптимистически.

Первый, самый короткий эпизод — это, так сказать, экспозиция. Сам по себе недлинный, он обладает наибольшей временной протяженностью, ибо начинается еще до рождения героев. Затем повествуется о их появлении на свет, детстве, постепенном зарождении взаимной любви. Ее идиллическим описанием — на фоне цветущего весеннего сада — он и завершается.

Следующий эпизод начинается с разлуки; тут немало трогательных картин, немало печали и слез, но подлинные испытания еще впереди. И в самом деле: в отсутствие Флуара, посланного учиться, его подружку замысливают убить. Однако в последний момент сарацинский владыка сжаливается над девушкой, и ей сохраняют жизнь. Точно так же и Флуар: сначала он полон отчаяния из-за мнимой смерти Бланшефлор и готов наложить на себя руки. Но затем для него вновь вспыхивает луч надежды: его возлюбленная жива, и он снаряжается на ее поиски.

Третий эпизод — самый большой в романе. Сначала, после долгих поисков, хитростей и т. д., любовники соединяются, но их тут же обнаруживают и собираются казнить (т. е. и здесь в центре эпизода — момент величайшего эмоционального напряжения и даже смертельной опасности для героев), однако тронутый их любовью эмир не только прощает моло-

---

⁸ Более подробно о композиционной структуре романа см. в нашей небольшой статье: A. D. Mikhailov. La structure et le sens du roman Floire et Blancheflor.— *Mélanges offerts à Charles Camproux*. T. 1. Montpellier, 1978, с. 417—427.

дых людей, но и сам во многом меняется под воздействием их примера. Так, он отказывается от жестокого обычая убивать «отслужившую» ему жену перед тем, как выбрать новую среди обитательниц его переполненного красавицами гарема. Но не только: эмир решает вообще покончить с многоженством и завершить свои дни в счастливом браке с подружкой героини — Кларис. Так любовь Флуара и Бланшефлор поистине совершает чудеса: она не просто творит добро, но и преобразует людей, хоть как-то с нею соприкоснувшихся.

Думается, положение «счастливых» сцен в структуре романа не случайно. Оно полностью соответствует намерениям автора, и каждый проблеск благополучного исхода приключения как бы является обещанием грядущего счастливого конца. И вместе с тем эти счастливые «промежуточные финиши» подчеркивают безвыходность ситуаций, в которых оказываются персонажи.

«Флуар и Бланшефлор» относят обычно (и вполне справедливо) к «идиллическим» романам не потому все-таки, что у книги безмятежно счастливый конец. Дело здесь во взаимоотношениях героев, в характере изображения окружающей их среды, в тех способах, к которым они прибегают, чтобы преодолеть возникающие на их пути препятствия и трудности. Да, им многое приходится пережить, и судьба бывает к ним порой сурова. Вот, например, разгневанный эмир обнаруживает мирно спящих любовников. Им грозит не новая разлука, а мучительная смерть (недаром восточный владыка обсуждает со своими «баронами», какую казнь выбрать для безрассудных наглецов). Флуар встречает опасность не с оружием в руках, не как рыцарь. Он не пытается защищаться даже не стремится умереть достойно; он горько плачет и сетует на судьбу. И этих юных слез, этого трогательного отчаяния оказывается вполне достаточно, чтобы смягчить сердце эмира. Эта полудетская любовная идиллия не может оставить его равнодушным. Он прощает.

В таком разрешении напряженнейшей трагической ситуации можно видеть известную «демифологизацию» рыцарских

идеалов, чем оказались в той или иной мере отмеченными многие произведения романного жанра в конце XII в.⁹ Правда, во «Флуаре и Бланшефлор» эта демифологизация принимает несколько иной характер. Здесь рыцарские идеалы предстают не в искаженном, травестированном обличье, а как бы вообще вынесенными за скобки, несуществующими. Идиллический роман живописал силу чувства, а не силу сокрушительных ударов меча. Далеко не случайно в рассказе о воспитании Флуара ничего не говорится о рыцарской подготовке, об обучении владеть мечом и копьём, крепко сидеть в седле и т. п. Все эти умения ему попросту ни к чему. Это обнаруживается особенно отчетливо в повествовании о поисках исчезнувшей Бланшефлор. В свой долгий и трудный путь Флуар отправляется не в одежде рыцаря и берет с собой не боевые доспехи. Едет он в одежде купца и прихватывает великое множество разных товаров. Да и выдает он себя везде за предприимчивого торговца, а не за знатного принца. Поэтому ему совсем просто завязать отношения с суровым привратником Девичьей башни, играть с ним в шахматы, награждать богатыми дарами. Не приходится удивляться, что Флуар не штурмует башню, не взбирается в ночной мгле по ее стене, как сделал бы герой «правильного» рыцарского романа. Само проникновение юного принца в гарем эмира не только лишено какой бы то ни было героичности, но может быть воспринято как пародия на поведение рыцаря: ведь его втаскивают туда, упрятав в большую корзину с цветами.

В отличие от основного массива средневековых памятников романного жанра во «Флуаре и Бланшефлор» нет изображения «героического детства», нет также и столь типичного для произведений этой литературы мотива инициации, будь это чисто рыцарская инициация, т. е. совершение подвига повышенной трудности, или инициация, так сказать, «менталь-

---

⁹ Ср.: J.-Ch. Payen. *Lancelot contre Tristan: la conjuration d'un mythe subversif (réflexions sur l'idéologie romanesque au Moyen Age)*. — *Mélanges offerts à Pierre Le Gentil*. P., 1973, с. 617—632.

ная» — разгадывание загадок, решение головоломок, ответы на каверзные, двусмысленные вопросы и т. п. Показательно также, что жизнь, столкновение с ее трудностями не воспитывают героев нашего романа. Характеры их в общем-то не развиваются, не меняются. Они заданы изначально. Это обаятельные, искренние во всех проявлениях своих чувств молодые люди, которые достаточно рано созревают для пылкой взаимной любви. Дальше им развиваться некуда, да и не нужно. Сам их внешний вид, конечно, прекрасен, но одновременно — достаточно стандартен. Особенно трафаретно описана Бланшефлор. Это блондинка со светлыми глазами, что, как известно, было в Средние века основным критерием женской красоты¹⁰. Да и вообще рассказывается о ней крайне мало. Мало прежде всего потому, что девушка поразительно безвольна и пассивна. Безропотно покоряется она своей участи, ибо ей не дано совершать смелых, решительных поступков. Единственный раз, когда она хоть как-то проявляет активность, — это в сцене приготовления к казни. Оба несчастных любовника и не думают противиться приговору эмира, но все-таки между ними вспыхивает спор (видимо, первый и последний за все время их любви). Каждый хочет умереть раньше, чтобы хоть на мгновение продлить жизнь другого. Девушка отталкивает Флуара, проскальзывает вперед и подставляет шею под меч. Но и тут она действует молча. Вообще героиня нашего романа удивительно немногословна. Впрочем, не очень разговорчив и Флуар. Для рыцарского романа были типичны обширные монологи героев. Нередко такой монолог строился как фиктивный диалог (скажем, души и тела, разума и любви и т. п.). Нередки были в романе и прямые диалоги персонажей, подчас достаточно напряженные и живые. В нашей книге все иначе. Прежде всего, ее героям почти не о чем спорить, нечего обсуждать. Поэтому их разговоры довольно коротки и редки. Столь же

---

¹⁰ Ср.: R. Renier. Il tipo estetico della donna nel medio evo. Ancona, 1885.

лаконичны и второстепенные персонажи, например родители Флуара или все эти трактирщики, корабельщики, привратники, с кем сталкивается юноша в поисках своей любимой. Напротив, описаний в романе предостаточно. Автор «Флуара и Бланшефлор» любил описывать окружающий героев многоцветный и многозвучный мир природы. Его интересуют и суровые пейзажи Северной Испании, и причудливая прелесть Вавилона, и весеннее очарование того пленительного сада, на фоне которого так естественно и ярко расцветает любовь молодых героев романа. Не меньший интерес вызывают у автора и устройство рва с львами, куда бросается отчаявшийся Флуар, или конструкция Девьей башни, столь хитроумно придуманная эмиром. Как видим, «быт» этот не повседневен, это все диковинки, экзотика. Поэтому не приходится удивляться, что наш поэт с особенным энтузиазмом, внимательностью и изобретательностью описывает предметы искусства — драгоценный кубок, полученный отцом Флуара в обмен на прекрасную невольницу, или величественное сооружение из мрамора, драгоценных камней, золотой чеканки, воздвигнутое над ее мнимой могилой.

Автор романа описывает, таким образом, не только идиллическую, т. е. не знающую сомнений и внутренних преград, любовь, но и столь же идиллическую обстановку действия. Это прекрасная декорация, залитая южным весенним солнцем, овеянная мягким средиземноморским ветром, так живописно надувающим паруса. Отметим сразу же (и это нам еще понадобится): перед нами именно средиземноморские пейзажи, ближневосточная экзотика. В концепции автора романа идиллическая любовь, идиллические отношения оказываются возможными только лишь или прежде всего в чуждой европейскому обществу среде. Возможно, здесь им легче обнаружить себя. Поэтому во многом идеализированы, захвачены общей атмосферой идилличности и другие персонажи романа. Так, король-язычник, отец Флуара, не чужд благородных движений души. Он не изображен в книге (в первой ее версии) кровожадным злодеем. Да, он не хочет, чтобы

сын женился на прекрасной полонянке. Но он привязан к Бланшефлор, жалеет ее. Королем руководит не врожденная озлобленность, а соображения «здравого смысла»: принц должен получить невесту из своего круга. А также, конечно, верность установлениям предков: мусульманин может жениться только на мусульманке. Но с какой легкостью (и как охотно) преодолеваются эти сословные предначертания и религиозные предрассудки! Эта нарочитая легкость сообщает повествованию элемент условной игры, результат которой заранее известен.

А каким покладистым и в конечном счете отзывчивым и добрым оказывается суровый вавилонский эмир, как охотно и быстро он перевоспитывается! Что касается других, менее значительных персонажей первой версии, то все они неизменно добродушны, благожелательны и обходительны. И заморские купцы, отвалившие драгоценный кубок за юную пленницу, и трактирщик с женой, приютившие Флуара во время его странствий, и даже суровый страж неприступной Девичьей башни. Все они — это тоже яркий экзотический фон для описанной в книге идиллической любви.

Ведь подлинным героем книги, ее единственным протагонистом является Любовь. Наш роман прославляет ее все-силне, неодолимую мощь. В самом деле, это она ведет Флуара по следу любимой, заменяя ему и компас и карту. Это она приводит его в тот самый город, в ту самую таверну, к тем самым людям, где только что была Бланшефлор. Между прочим, в отличие от череды рыцарских романов, созданных в середине и второй половине XII столетия, в нашей книге совсем нет элементов загадочного и чудесного. Вряд ли можно считать таковыми, как это справедливо отметил Ф. Менар¹¹, все те фокусы, что показывает загрустившему Флуару затейник Бородач-Барбарен. Обстановка действия ярка, экзотична (как непременно бывают яркими и экзоти-

---

¹¹ См.: Ph. Ménard. Le rire et le sourire dans le roman courtois en France au Moyen Age. Genève, 1969, с. 399—400.

ческими чужие заморские земли, к тому же южные), но в то же время достаточно обыденна, повседневна. На этом фоне подлинно и единственно чудесным оказывается любовь молодых людей. Лишь ей дано совершать невозможное.

Поэтому роман наш, хотя он и не является, строго говоря, рыцарским романом, вполне укладывается в куртуазные рамки. Рыцарские подвиги лишь заменены здесь превратностями судьбы, увлекательными, но совсем не таинственными приключениями. Поэтому герои книги проявляют стойкость и последовательность не в удалом «поиске», не в рискованном поединке, а в любви; поэтому смелость заменена здесь терпением, воинская сноровка — настойчивостью и хитростью.

Таким образом, основная идея романа — это возвеличение и прославление красоты и благородства любовного чувства, которое не могут одолеть ни козни недоброжелателей, ни превратности судьбы и которое одерживает победу вопреки всем преградам. Поэтому наш роман не без оснований можно было бы рассматривать и как аллегория любви. Разрешается она через символическое истолкование цветов.

Как известно, некоторые из цветов, особенно роза и лилия, занимали в средневековой любовной символике заметное место. По этому поводу написано уже немало исследований¹², главным образом в связи с французской аллегорической поэмой XIII столетия, называемой обычно «Романом о Розе»¹³; здесь же присмотримся лишь, как цветочная символика используется в нашем романе.

Начнем с того, что само название книги уже указывает на такое отождествление: герой ее назван просто «цветком», героиня же — «белым цветком». Не раз на страницах романа красоту и юность героев (особенно героини) автор сравнивает

---

¹² См.: Ch. Joret. La rose dans l'antiquité et au moyen âge: Histoire, légendes et symbolisme. P., 1892.

¹³ Литература, посвященная этому произведению, столь обширна, что ее не имеет смысла приводить. Естественно, во многих работах рассматривается проблема аллегоризма поэмы, в частности истолкование аллегии Любви-Розы.

со свежестью и красотой распускающейся розы. Такое отождествление протагонистов соответственно с красной и белой розами (возможно также — с белой лилией) подкреплено тем, что они появляются на свет в Вербное воскресенье (Râques fleuries). Вообще образы белой лилии и алой розы как символы духовного и материального начал, в том числе возвышенной и чувственной любви, встречаются в лирике многих эпох и многих народов вплоть до Нового времени, например у Владимира Соловьева:

Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.
Тайной пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем.

Затем отметим, что мотив пробуждающейся в юных сердцах любви связан с мотивом весеннего цветущего сада, столь поэтично описанного в романе.

Отметим также, что на мнимой гробнице Бланшефлор героини романа изображены с цветами в руках: девушка протягивает Флуару розу, а он ей — лилию (ст. 567—572):

Et li ymage Blanceflor
Devant Floire tint une flor.
Devant son ami tint la bele
Une rose d'or fin novele;
Floires li tint devant le vis
D'or une gente flor de lis.

Наконец, в сцене проникновения Флуара в Девичью башню цветочная аллегория выступает особенно ясно. Герой, как известно, доставлен туда в цветочной корзине, где он был надежно спрятан среди свежесорванных цветов (они не названы, но совершенно очевидно, что это розы; так по крайней мере понял это место и перевел немецкий поэт первой половины XIII в. Конрад Флек¹⁴). Для того чтобы его было труд-

---

¹⁴ Ср.: Ch. Joret. La rose dans l'antiquité et au moyen âge, с. 323.

нее разглядеть, он по совету привратника надевает платье соответствующего цвета (ст. 2269--2270):

Por sou qu'avoit une coulor
Et li vestimens et la flor.

Роза оказывается здесь не только символом земной чувственной страсти (что так типично для средневековой лирики), но и аллегорией мужского начала в любви (Флуар == красная роза). Когда Бланшефлор на надгробии протягивает возлюбленному розу, она этим как бы напоминает ему о его любви и побуждает отправиться на ее поиски. Понятен и жест юноши: протягивая подруге белую лилию, он напоминает о ее юной чистоте. Показателен эпизод в Девичьей башне. После появления там Флуара в корзине роз и в алом одеянии влюбленные предаются любовным утехам, на которые они не решались до своей разлуки.

В «народной» версии романа эта символика цветов присутствует, но сведена до минимума. Там с меньшей изобретательностью и не так поэтично описан сад, где проводят время будущие любовники, там нет и описания надгробия с их фигурами (впрочем, в этом месте рукопись имеет очевидный пропуск), эпизод с цветочной корзиной тоже изложен довольно кратко (не сказано, что Флуар одевается в алое платье и т. д.). Все это говорит о том, что автор второй версии стремился сделать из книги подлинный «роман», т. е. повествование о рыцарских приключениях, а не лирическую повесть о всепобеждающей любви, в которой сами имена любовников становятся многозначительными символами их чувства. Насколько он преуспел в этом, мы сейчас увидим.

2

Мы уже отмечали стройность композиции первой версии романа, определенный ритм развития сюжета и, главное, подчеркнутое стремление неизвестного нам средневекового поэта создать произведение, пронизанное радостным, весенним,

юным восприятием жизни, когда и незначительные огорчения приобретают вселенские масштабы, но одновременно — когда любые препятствия кажутся (и оказываются) одолжимыми.

Этот идиллический тон романа (во многом объясняемый его греко-византийскими и арабо-персидскими корнями, о чем будет сказано ниже) резко нарушен во второй версии «Флуара и Бланшефлор».

Вторая версия называется «народной», видимо, потому, что в рукописи Национальной библиотеки соседствует с такими произведениями, у которых действительно можно обнаружить народные истоки. В том числе — с произведениями сатирическими и пародийными. Ведь в этой рукописи, изученной и опубликованной в свое время Э. Фаралем¹⁵, мы находим, среди прочего, басни Марии Французской, поэтессы второй половины XII в., стихотворный перевод на французский язык «Наставления клирика» Петра Альфонси (латинское нравоучительное и сатирическое сочинение начала XII в.), а также около тридцати фавлю, в том числе такие популярные, как «Лэ об Аристотеле» Анри д'Андели, «Обере», «Штаны кордельера», «Констан дю Гамель», «Тытам», «Святой Петр и жонглер», «О косах», «О виллане, который словопреннем добился рая» и т. д. Между тем этот рукописный кодекс Национальной библиотеки включает и много произведений иных разновидностей, совсем не обязательно сатирического плана. Красноречивый тому пример — вторая версия нашего романа.

В ней мы, естественно, не найдем ни сатирических, ни пародийных мотивов. Нет в ней и четко прочерченной идиллической интерпретации любовных отношений героев. Флуар здесь — уже не полуребенок, способный лишь на жалобы и слезы. И хотя в этой версии, как и в первой, нет описания рыцарской выучки, которую проходит юноша перед вступлением в большую жизнь, на его долю уже выпадают воин-

---

¹⁵ См.: E. Faral. Le manuscrit 19152 du fonds français de la Bibliothèque Nationale: Reproduction phototypique avec une introduction. P., 1934.

ские подвиги. Подобных, в полном смысле слова «рыцарских», эпизодов в новой версии три.

Во-первых, это поединок героя с коварным сенешалем (ст. 613—1341). Чтобы ввести этот эпизод, перед ним подробно рассказывается, как оговаривают Бланшефлор, приписывая ей попытку отравить сарацинского короля, как ее судят и собираются казнить (ст. 359--612).

Во-вторых, это схватка Флуара с задиристым сыном императора Санония (или Санона) (ст. 1838—2177). Исход этого сражения мог обернуться очень плохо для нашего героя: убив сына императора, Флуар вызвал законный гнев Санона. Тот сначала хочет жестоко покарать пришельцев. Но, выслушав трогательный рассказ юноши и, главное, убедившись в том, что он был первым атакован принцем и его друзьями, император отпускает путешественников на свободу.

В-третьих, это отражение Флуаром внезапного нападения на Вавилон войск Ионаса Гандрийского и его поединок с последним (ст. 3072—3461). Эпизод этот вклинивается в традиционное (т. е. зафиксированное первой версией) развитие сюжета в тот момент, когда молодые любовники, застигнутые перед тем в объятиях друг друга в гареме эмира, предстают перед судом. Им не избежать кары, так как восточный владыка неумолим. Появление вражеской армии кладет конец мольбам и слезам. Над городом нависает страшная опасность. В окружении эмира паника. Ионас вызывает кого-нибудь из защитников Вавилона на поединок. Но лишь Флуар принимает вызов; он побеждает пришельца и спасает город. На этом единственная рукопись второй версии обрывается. Однако легко предположить, что рассказывалось в утраченном конце романа. Несомненно, в награду за помощь эмир прощал любовников, они сочетались браком, по их примеру и эмир женился на Кларис, служанке (здесь!) Бланшефлор, отменял свой суровый обычай и т. д.

Последний поединок Флуара, описанный вполне в духе «правильных» рыцарских романов, был, конечно, подготовлен двумя предыдущими. Те поединки (особенно второй из них)

были введены в роман, чтобы финальный триумф героя не казался неожиданным. Но тем самым была решительным образом изменена тональность романа. Во второй версии перед нами уже не идиллическая любовная повесть, а если еще не до конца «правильный», то в значительной мере «выправленный» рыцарский роман. Герои его все еще путеводимы любовью, но превратностям судьбы они противопоставят теперь активно. Правда, это изменение проведено непоследовательно. С одной стороны, герои остаются почти детьми со своим юным, тоже почти детским любовным чувством. Это находим мы и в сценах их совместного взросления, и в описании их свиданий в гареме эмира. Вообще взаимоотношения героев описаны, сообразуясь с нормами идиллического романа. В то же время герой ведет себя как опытный рыцарь в тех трех поединках, о которых говорилось выше. Тем самым стройность развертывания сюжета идиллического романа и логика поведения его протагониста оказываются нарушенными. Заметную трансформацию претерпевают и образы некоторых второстепенных персонажей. Так, жестоким и несправедливым становится отец Флуара. Свирепым самодуром изображен эмир. И здесь идиллические тона «восточной сказки» уже не столь четки, как в первой версии.

Добавим, что автор второй версии не ограничивается введением трех новых эпизодов и существенной трансформацией ряда персонажей романа. Он иначе трактует и завязку книги. Она становится заметно длиннее. В ней более подробно описано нападение сарацин на паломников-христиан. Сарацины не сваливаются им как снег на голову: герцога Генриха д'Ольнуа, который вместе с беременной женой направляется в Сантьяго-де-Компостела, предупреждает один старый пилигрим. Герцог готовится к обороне, но маврам удается захватить герцогиню, и христиане, засевшие в замке, вынуждены через три дня капитулировать. Сарацинский король дарит знатную пленницу своей жене (захват такой пленницы и был целью экспедиции), и той очень нравится ее новая рабыня-христианка. Ей ни в чем не отказывают, но

она почти лишает себя пищи, дабы подкрепить мужа и других ее спутников, также томящихся в неволе.

Все эти новые эпизоды занимают более половины романа (при том же самом объеме, что и первая версия). Тем самым «остаток», т. е. эпизоды и детали, совпадающие с первой версией, оказывается в значительной мере сокращенным. Что же сокращает автор «народной» версии? Прежде всего — описания. Описания разного рода, но главным образом — предметов искусства, природы и т. п., т. е. всего того, чем отличалась первая версия и что составляло ее очарование. Впрочем, таких описаний было немало и в других романах XII в., скажем, в книгах Кретьена де Труа. Новая версия «Флуара и Бланшефлор» суховата и прямолинейна. Нет в ней ни таинственных приключений на бесконечных лесных дорогах, ни загадочных персонажей, вообще атмосферы заколдованности, что с избытком переполняло «правильные» рыцарские романы эпохи. В ней, правда, есть описания яростных поединков, но они довольно искусственно соотнесены с основным сюжетом. По крайней мере поединки эти никак не связаны с формированием характера главного героя-рыцаря. Да, Флуар совершает воинские подвиги во имя любви. В первом случае он спасает любимую от гибели и наказывает зловредного сенешаля. Во втором — просто защищается. В третьем — вообще вызволяет из отчаянного положения и Бланшефлор и себя. Но все это никак не влияет на внутреннее содержание любви молодых людей, не становится рубежом или этапом их сердечных взаимоотношений.

Ж.-Л. Лекланш называет вторую версию «романом»; первую он предлагает называть «повестью» (*conte*)¹⁶. Думается, такое разграничение не вполне верно. Вторая версия все-таки не стала «рыцарским романом» в том смысле, как понимали этот жанр Кретьен де Труа и его очень многочисленные и нередко довольно талантливые последователи. Их книги рассказывали о любви и о рыцарских приключениях,

---

¹⁶ J.-L. Leclanche. La date du conte Floire et Blancheflor, с. 556.

но и то и другое было тесно между собой связано. Характер рыцаря раскрывался в опасных поединках и в любви к даме; при этом любовь делала его и более смелым, и более великодушным, испытания в бою просветляли и возвышали любовь. Во второй версии нашего романа этого не получилось. Книга не стала вполне приключенческой и вполне рыцарской; идиллическая атмосфера не выветрилась из нее до конца. Она осталась — и в изображении любви двух молодых существ, и в рассказе о странствиях героя в поисках возлюбленной. Осталась, находясь в противоречии с новыми рыцарскими эпизодами, которые кажутся какой-то ненужной, не очень обоснованной добавкой.

«Народная» версия «Флуара и Бланшефлор» остановилась, таким образом, на полпути. Но, даже признавая ее не очень удачной, нельзя отказать ей в том, что она указывает на определенную тенденцию развития романного жанра. Сказалось это не только в повышающемся интересе к рыцарским приключениям, но и в стремлении сгустить отрицательные черты в обрисовке ряда второстепенных персонажей, которые лишаются теперь безмятежной идилличности. Что касается первой версии романа, то ее можно, конечно, называть «повестью», но это вряд ли что-нибудь меняет.

3

Как уже говорилось, источники нашего сюжета разыскиваются настойчиво и давно. Вряд ли стоит излагать историю этих поисков. Она достаточно подробно (хотя и не всегда исчерпывающе полно) изложена в статье Марио Каччалли¹⁷. Укажем лишь основные направления этих разысканий.

Все они так или иначе связаны с Востоком, как бы направлены на восток от места создания книги. Причем, как увидим, восток оказывается здесь не только географическим, но и историко-культурным понятием.

¹⁷ См.: M. Cacciaglia. Appunti sul problema della fonti del Romanzo di «Floire et Blancheflor». — «Zeitschrift für romanische Philologie». Bd 80, 1964, с. 241—255.

Среди источников «Флуара и Бланшефлор» назывались прежде всего поздние греческие романы. В самом деле, в произведениях Лонга, Гелиодора, Ахилла Татия, Ямвлиха, Харитона и других немало мотивов, повторяющихся в нашей книге. Все греческие романы рассказывают о любви двух юных существ, о тех препятствиях, которые им приходится преодолеть, о разлуках, поисках, мнимой смерти героини (у Ахилла Татия этот мотив повторяется трижды), о временном попадании одного из героев (а чаще — обоих) в рабство, наконец, о их соединении в финале повествования. Почти во всех греческих романах действие разворачивается в тех же географических пределах, что и в «Флуаре и Бланшефлор»: это Восточное Средиземноморье, т. е. Греция, Ближний Восток, Северная Африка. В ряде романов описан Вавилон (у Ямвлиха, Харитона и др.). Нередко случается (например, у Лонга), что юная любовная пара выросла вместе; это дает возможность автору рассказать о их пробуждающейся любви, расцветающей, как и в нашем романе, на фоне благодатной щедрой природы. У Гелиодора мы находим сцену ложного обвинения героини в попытке отравить одного из действующих лиц и суда над ней. Ахилл Татий описывает чудесный источник, с помощью которого можно проверить, жжет или нет испытываемая женщина. У Гелиодора мы встречаем отмену человеческих жертвоприношений, что сопоставимо с финалом нашего романа, где эмир отказывается от жестокого обычая убивать жену перед тем, как выбрать себе новую. В большинстве греческих романов ослепительная красота юной героини заставляет всех окружающих мужчин домогаться ее любви. Среди них — и могущественные восточные цари (вроде нашего эмира), и их военачальники, и дерзкие пираты, и простые горожане¹⁸.

---

¹⁸ Некоторые из этих примеров приводит Э. дю Мериль в обширном предисловии к изданию нашего романа. См.: E. du Ménil. Introduction.— Floire et Blanceflor. P., 1856, с. ХСVII—CV.

Но вот что примечательно. Ни в одном из греческих романов, что нам известны, мы не найдем более или менее близкого соответствия интриге нашего романа. Совпадают средиземноморская атмосфера, тональность, наконец, основной мотив разлученных и затем соединяющихся юных любовников. Но не более.

Точно так же нет таких совпадений с византийскими любовными романами XII в. (Никиты Евгениана, Феодора Продрома, Евматия Макремволита), о которых говорит Э. дю Мериль¹⁹.

И все-таки, хотя многие исследователи оспаривают греко-византийские истоки «Флуара и Бланшефлор», совсем не обращать на них внимание нельзя. Как верно отметила в свое время М. Лот-Бородина²⁰, романы эти были, видимо, достаточно популярны в Византии, причем имели хождение также и в устной передаче.

Еще существеннее, что сходные мотивы можно обнаружить в «соседней» литературе — у арабов. Еще П. Парис на заре изучения нашего романа говорил об «испанских» его корнях²¹, имея в виду прежде всего арабо-испанскую культуру.

П. Парис обратил внимание на то, что действие «Флуара и Бланшефлор» в первой своей части протекает на территории Испании (как подтвердили новейшие исследования²², в прологе несомненно проглядывает знание реальной обстановки: нападение арабского отряда на христианских паломников описано достоверно и точно). Не следует забывать, что именно через Испанию, завоеванную арабами, многие восточные сюжеты попадали в Европу.

---

¹⁹ Там же, с. CV—CVII.

²⁰ M. Lot-Borodine. Le Roman idyllique au Moyen âge, с. 267.

²¹ См.: P. Paris. Romancero français. P., 1833, с. 55.

²² См.: C. François. «Floire et Blancheflor»: du chemin de Compostelle au chemin de la Mecque.—«Revue Belge de Philologie et d'Histoire». Т. XLIV, 1966, с. 833—858.

Дальнейшие исследования (Р. Бассе²³, О. М. Джонстона, Г. Юэ²⁴ и др.) показали, что очень многие мотивы романа имеют параллели в арабской литературе, в частности в сказках «Тысячи и одной ночи». Мы находим там, например, рассказ о сооружении надгробия мнимо умершей девушки, которую любит легендарный халиф Харун ар-Рашид, находим мотив переодевания знатного человека в торговца перед тем, как отправиться на поиски любимой; есть в арабских сказках и молодые герои, буквально с детства любящие друг друга. Пылкая юношеская любовь, пронесенная через короткую жизнь, была одной из излюбленных тем ранней арабской лирики, особенно лирики поэтов узритской школы. Рассказы о такой любви широко представлены в легендарных биографиях узритских поэтов (ср. историю Маджнуна и Лейлы²⁵). Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани сообщает также в «Книге песен» о страстной любви поэта Урвы ибн Хишама к его двоюродной сестре Афре, с которой он вырос в одном доме и к которой на заре юности проникся сильным чувством. Афра тоже полюбила его. Но когда мать девушки заметила это, она отослала Урву в отдаленные края. Тем временем Афру выдают за богатого сирийского купца. Вернувшемуся поэту показывают мнимую могилу возлюбленной. Он совершенно безутешен, но когда ему открывают правду, он тут же отправляется на поиски своей милой²⁶. Наконец, в средневеко-

---

²³ R. Basset. Les sources arabes de Floire et Blancheflor.— «Revue des Traditions Populaires». Vol. XXII, 1907, с. 241—245.

²⁴ G. Huet. Sur l'origine de Floire et Blancheflor.— «Romania». Т. 28, 1899, с. 348—359. Ср.: J. Reinhold. Floire et Blancheflor: Etude de littérature comparée. P., 1906, с. 119—145.

²⁵ См.: И. Ю. Крачковский. Ранняя история повести о Маджнуне и Лейле в арабской литературе.— Избранные сочинения. Т. 2. М.—Л., 1956, с. 588—632.

²⁶ См.: R. Basset. Les sources arabes de Floire et Blancheflor, с. 242; M. Cacciaglia. Floire et Blancheflor, с. 249—250.

вой арабской литературе был популярен рассказ о том, как молодой любовник хитростью проникает в тщательно охраняемый гарем. Между прочим, последнее стало самым веским доводом сторонников арабского происхождения нашего сюжета. Ведь тщательно охраняемый гарем — это типичный атрибут мусульманского общества, совершенно неведомый на Западе. Но вот было неопровержимо доказано, что ключевой для «Флуара и Бланшефлор» мотив проникновения героя, да еще в цветочной корзине, в надежно охраняемый гарем — еще более древнего происхождения, чем предполагалось, — он уже присутствует в древних индийских джатаках²⁷. Таким образом, данный мотив не является исключительной принадлежностью арабской литературы, хотя и был в ней очень популярным. Не приходится удивляться, что он попал также в литературы других народов Ближнего Востока, в том числе персидскую.

Здесь нужно прежде всего указать на еще недостаточно изученную романическую поэму Айюки «Варка и Гюльшах»²⁸, созданную в XI в. Как полагают, в основе ее лежит также история Урвы и Афры. Мы находим в поэме распространенный мотив совместного воспитания героев, когда детская дружба естественно и неизбежно перерастает в юношескую любовь. Есть здесь и выдача героини, помимо ее воли, за могущественного заморского царя. Есть рассказ о сооружении мнимой могилы девушки, есть напряженные поиски, в которые пускается герой, и т. д. Но в поэме описаны также многочисленные племенные столкновения, удалые ночные рейды летучих отрядов всадников, нападение на спящий лагерь противника и т. п. Все это верно отражает некоторые черты

---

²⁷ См.: J. W. Spargo. The Basket Incident in Floire et Blanceflor.— «Neuphilologische Mitteilungen». Bd XXVIII, 1927, с. 69—85. Ср.: Джатаки. Из первой книги «Джатак». Пер. с пали Б. Захарьина. М., 1979, с. 143—151.

²⁸ См.: A. S. Melikian-Chirvani. Le roman de Varque et Golšâh: Essai sur les rapports de l'esthétique plastique dans l'Iran pré-mongol. P., 1970.

домусульманской истории арабов, но не имеет параллелей в нашем романе. Основная структура сюжета поэмы Айюки истожественна сюжету «Флуара и Бланшефлор»; у Айюки нет, в частности, тех препятствий — социальных и конфессно-нальных, которые разделяют героев нашего романа.

Поэтому, как справедливо заметила Ф.-К. де Фрис²⁹, у «Флуара и Бланшефлор» нет и не может быть какого-то одного, непременно единственного источника. Попытки отыскать его неизбежно обречены на неудачу. Так, не была принята медиевистикой гипотеза И. Рейнхольда, видевшего истоки нашего романа в истории Амура и Психен, рассказанной Апулеем, и в библейской Книге Есфири³⁰. По подсчетам И. Рейнхольда, 16 мотивов интересующей нас части «Метаморфоз» Апулея совпадают с «Флуаром и Бланшефлор». Совпадает, что значительно важнее, их последовательность. Но сами эти эпизоды, как признает и сам исследователь, подчас настолько общи, настолько относятся к самым распространенным повествовательным моделям, что не могут считаться принадлежностью одного сюжета. При этом и последовательность их подчиняется логике повествования, а не прихотливым извивам конкретной фабулы. Так, например, известие о смерти возлюбленной непременно повергает героя в отчаяние, и он пытается наложить на себя руки, а открытие истины, т. е. признание кого-то из окружающих, что она жива, побуждает его немедленно отправляться на ее поиски. Точно так же любовь молодых людей, принадлежащих к разным общественным кругам, неизбежно вызывает недовольство старших и т. д.

Что касается библейской Книги Есфири, то в ней настолько мало сходных с нашим романом мотивов, что сам И. Рейнхольд высказал лишь очень осторожное предположение о ее влиянии на «Флуара и Бланшефлор». Если вопрос о том, на-

---

²⁹ F.-C. De Vries. Introduction.— Floris and Blancheflur: A Middle English Romance Edited with Introduction, Notes and Glossary. Groningen, 1966, с. 65.

³⁰ J. Reinhold. Floire et Blancheflor, с. 146—163.

сколько хорошо знали в средневековой Европе сочинения Апулея, видимо, неразрешим, то Книгу Есфири, конечно, знали, и отдельные мотивы ее могли быть использованы автором нашего романа.

Завершая рассмотрение источников «Флуара и Бланшефлор», приходится, пожалуй, заключить, что это произведение средневековой французской литературы возникло под влиянием ряда памятников античности (греческий роман эллинистического периода и отчасти Апулей) на фоне популярности их в Византии и при несомненном использовании восточных мотивов и сюжетов, которые получили широкое распространение в Европе XII в. благодаря многообразным контактам с Востоком (в результате Крестовых походов и через арабизированную Испанию). Арабская литература стала основным посредником в этих контактах, но далеко не всегда она являлась создателем этих сюжетов: многие из них бесспорно принадлежат к более широкому индоевропейскому фольклорному фонду.

Воспользовавшись всеми этими архетипическими моделями (подчеркнем, что они могли распространяться прежде всего изустно), неизвестный французский трувер создал на подобной разношерстной основе вполне оригинальное произведение, связав его содержание со сказаниями о детстве Карла Великого и искусно (но не искусственно!) вплета свой сюжет в предания о христианско-сарацинских столкновениях, контактах и связях, столь типичных для определенного этапа Средних веков.

4

Если источники романа о Флуаре и Бланшефлор, видимо, пестры и многообразны, то именно французская книга положила начало длинной череде обработок этого сюжета на разных языках Европы. Изучение их не менее увлекательно, чем поиск источников романа. Между тем изучены они еще очень неравномерно. Так, первые германоязычные переводы

и переделки обследованы и опубликованы достаточно хорошо³¹. Наиболее ранней из них следует считать нижнерейнскую обработку, от которой сохранилось всего несколько фрагментов. Датируют ее 70-ми годами XII в. Это говорит как о быстром распространении сюжета, так и о его популярности в немецких землях. Ульрих фон Гутенбург, миннезингер рубежа XII и XIII вв., в одной из своих песен упоминает героев романа как образцовых любовников. В это же время их имена мелькают в стихах провансальских трубадуров (у графини де Диа, Арнаута де Марейля, Гаусельма Файдита, Раймбаута де Вакейраса), став устойчивым сеньялем (наименованием, символом) для обозначения верных и нежных влюбленных.

В следующем столетии история Флуара и Бланшефлор становится особенно популярной. Она входит в обязательный репертуар жонглеров³² и вместе с ними кочует из страны в страну.

Вряд ли стоит перечислять все упоминания прославленных любовников — в лирике, в куртуазном романе, в аллегорической поэме. Остановимся на других свидетельствах популярности нашего сюжета. В первой половине XIII в. создаются два примечательных произведения, отмеченные воздействием романа о Флуаре и Бланшефлор.

Одно из этих произведений — французская «песня-сказка» «Окассен и Николетт», прозаическая повесть, перемежающаяся стихотворными вставками. Здесь влияние «Флуара и Бланшефлор» сказалось в самой структуре сюжета. Это тоже рассказ о беззаветной любви, преодолевающей все преграды. Молодых людей тоже разлучают и их социальное положение (он — графский сын, она — пленница-сарацинка), и вера (он — христианин, она — мусульманка), и воля роди-

---

³¹ Там же, с. 16—41.

³² См.: *Recueil général et complet des fabliaux*. Т. 1. Р., 1872, с. 4.

телей юноши, мечтающих о подходящей, с их точки зрения, невесте для сына. Как видим, ситуация тождественная нашему роману, хотя и зеркально перевернутая (от этого, однако, структура сюжета не меняется). Не менее знаменательно, что Окассена совершенно не привлекают ратные подвиги, хотя юноша и отменный воин. Да и их ему просто и не приходится совершать — любовникам препятствуют лишь сопротивление старших и стечения обстоятельств: блуждания в лесных дебрях, нападение на корабль Николетт морских пиратов и т. п. Поэтому молодые герои целиком поглощены своим чувством, которому (это тоже стоит отметить) сочувствуют второстепенные персонажи книги — горожане, стражники, корабельщики, пастухи, землепашцы, изображаемые, как правило, с большой симпатией и заинтересованностью.

Другое произведение — это провансальский стихотворный роман «Фламенка». Здесь сходства с «Флуаром и Бланшефлор» меньше, хотя мы найдем в книге мотивы заточения героини в тесную башню, под надежный присмотр стражи, установления героем дружеских отношений с местным горожанином, хозяином ванного заведения, куда иногда приводят Фламенку для целебных омовений. Как и Флуар, Гильем Неверский не штурмует башню, не перехватывает возлюбленную на коротком пути от мужнего замка до ванн. Он нанимает работников, и те прорывают длинный подземный ход от дома, где поселился рыцарь, до терм: и проще, и безопасней.

Но во «Фламенке» связь с нашим романом обнаруживается не только в некоторой демифологизации рыцарских идеалов. На страницах провансальской книги французский роман появляется как таковой — в виде рукописного кодекса, который лежит на столе в комнате героини, который листают, берут в руки, передают друг другу. И, видимо, не случаен, а глубоко символичен тот факт, что этот том, полный описаний пылкой любви, исполняет роль богослужебной книги, когда Фламенка рассказывает подругам, как ей удалось во время мессы подать тайный знак возлюбленному.

Но роман о Флуаре и Бланшефлор переходил не только из рук в руки, но и из одной литературы в другую.

Скандинавские литературы с их повышенным вниманием к заходящим сюжетам разрабатывали ее старательно и упорно. Так появляется исландская сага, содержащая концовку, не зафиксированную другими версиями. Здесь вместо суда над любовниками устраивается судебный поединок, причем по его условиям в случае победы Флуара эмир должен возместить ему все те расходы, что он понес в путешествии. Не приходится говорить, что юноша одерживает в этом поединке верх. Он еще год живет в Вавилоне, затем возвращается в Испанию, где сочетается браком с любимой. Какое-то время спустя молодая чета совершает путешествие в Рим, отсюда — в Париж. Там Бланшефлор в порыве благочестия понуждает мужа принять христианство. Эта сага легла в основу других скандинавских версий.

Немецкий поэт Конрад Флек около 1220 г. написал на наш сюжет обширную поэму. Как заметил Б. И. Пуришев, «ароматом весны, благоуханием цветов овейна эта лирическая повесть, прославляющая верность и стойкость в любви»³³. Флек, как это нередко случалось с немецкими куртуазными поэтами, по меньшей мере удвоил объем произведения. У него появилось много посторонних описаний и пространных рассуждений; рассказывать коротко он не умеет, да и не хочет: ему все интересно, обо всем хочется поведать обстоятельно и подробно.

Если Конрад Флек нередко далеко уходил от оригинала, то в большей мере следовали ему неизвестный английский переводчик и голландец Дидрик ван Ассенеде. Их переработки появились в середине XIII столетия. В том же веке наш сюжет стал очень популярен в Испании. Вообще одно время полагали, что именно испанские обработки разнесли историю Флуара и Бланшефлор по всей Европе. В действительности было сложнее. Так, Боккаччо в своем «Филоколо»

---

³³ История немецкой литературы. Т. 1. М., 1962, с. 82.

опирался прежде всего на итальянские поэмы рубежа XIII и XIV вв., восходящие к французским, а не испанским версиям³⁴, причем здесь нельзя исключать и устной передачи. В то же время первые печатные публикации романа восходили, видимо, как раз к испанским обработкам сюжета (по крайней мере так указано во французском лубочном издании 1554 г.). Впервые же на печатный станок наша книга попала в 1499 г. в Меце, где она была издана на немецком языке. Следует также упомянуть испанское издание первых лет XVI в., итальянское — 1505 г., датское — 1509 г., чешское — 1519 г.

Среди относительно поздних обработок нашего сюжета заслуживают внимание две.

Одна — это роман молодого Боккаччо. Его принято считать почти неудачей писателя. Но такая оценка вряд ли справедлива. Этой книгой Боккаччо закладывал основы итальянской ренессансной прозы, жанра ренессансного романа, который, однако, не оставил великих образцов, хотя представлен большим числом памятников (это и «Диана» Монтемайора, и «Аркадия» Сидни, и «Галатея» Сервантеса). Боккаччо осваивал также опыт классиков, в частности Вергилия и Овидия³⁵, и, что еще важнее, — Данте³⁶. Пусть он не всегда справлялся с композицией, и, например, эпизод с Филено, неудачливым соперником героя, занял в книге неоправданно много места. Но писатель не только щеголял своей гуманистической ученостью, он сумел придать индивидуальные черты образам средневекового романа, сделать их более емкими, их переживания — более разнообразными и сложными. Так, Флорио — уже не просто верный возлюбленный, одержимый всепоглощающей страстью. Он знает минутные сомне-

---

³⁴ См.: V. Crescini. Il cantare di Florio e Biancifiore. Bologna, 1889.

³⁵ См.: B. Zimbini. Il Filocolo del Boccaccio. Firenze. 1879.

³⁶ См.: A. E. Quaglio. Tra fonti e testo del «Filocolo». — «Giornale storico della letteratura italiana». Vol. 139, 1962, с. 321—369, 513—533.

ния, он может на какое-то мгновение увлечься другой, чтобы тут же с еще большим самозабвением устремиться на поиски своей подруги. Но он также — отважный рыцарь и любознательный путешественник, присматривающийся к тем городам и землям, через которые пролегает его дорога. Более изменчивой и прихотливой в своих чувствах стала и Бьянчифьоре: она преданно любит своего суженого, но не чужда чисто женского кокетства, желания нравиться и увлекать. Появляется у Боккаччо и примечательный образ рыцаря-язычника Аскальоне, мудрого советчика и верного спутника героя. И еще: не будем забывать, что, когда автор работал над книгой, ему было далеко до тридцати. Юный задор и молодое чувство к Марин-Фьямметте водили его пером и тогда, когда он описывал прелестные черты своей героини или милые его сердцу пейзажи Тосканы (особенно Черतालдо) и повествовал о подчас совершенно фантастических приключениях, на которые взирают с Олимпа античные боги и, если надо, вмешиваются в ход событий. Книга намеренно автобиографична, и это сообщает ей свежесть юности и любви³⁷.

Оставляя в стороне ряд обработок сюжета нашего романа, вроде беспомощной поэмы плодового Лудовика Дольчи (1532) или интересной комедии не менее плодового Ганса Сакса (1551), упомянем в заключение византийский стихотворный роман «Флорий и Платцафлора» (конец XIV — начало XV в.), основывающийся, как и книга Боккаччо, на итальянской стихотворной версии. Литературные достоинства византийского романа невелики. Но он — примечательное свидетельство популярности нашего сюжета, который после долгих блужданий по литературам Европы вернулся туда, откуда в какой-то мере и вышел — в Византию и на Ближний Восток.

---

³⁷ См. подробный анализ содержания и стиля книги в известной работе А. Н. Веселовского «Боккаччо, его среда и сверстники»: А. Н. Веселовский. Собрание сочинений. Т. 5, М., 1915, с. 192—264.

ФЛУАР И БЛАНШЕФЛОР

В

земли мне, всякий, кто влюблен
И терпит от любви урон,
Сеньоры, рыцари, девицы,
И молодцы, и молодницы:
Которым слушать не наскучит,
Тех мой рассказ любви научит.
Вас о Флуаре юном речь
И Бланшефлор — должна увлечь.
(Владела франкскою короной
Их дочка Берта: сыном оной
Был тот, кто Майна стал владыкой
И Франции,— сам Карл Великий.)
Флуара, речь о ком, отец —
Король язычников, простец;
Отцом же Бланшефлор прелестной
Был граф-христианин известный;
Тот — от язычников свой род,
Она — от христиан ведет.
Но превозмог он верность роду,
20 Крестившись Бланшефлор в угоду
(С ним родилась день в день она,
Зачатья ночь у них одна).
Флуар, пойдя на этот шаг,
Добился почестей и благ,
Ибо владел венцом он царским
Венгерским, так же как болгарским:

Страною венгров дядя правил,
Наследников он не оставил,
Флуар — его сестры был сын,
Благой и славный властелин.

Но я свой путь продолжу к цели,
Речь складно поведаю о деле.

На этих днях, точнее в среду,
Я, должное воздав обеду,
Пошел развлечь прелестниц, коих
Нашел сидящими в покоях.
Средь комнаты, поверх постели,
Ковры алели и синели —
Столь тонко вышитой парчи
40 Теперь уже не ткут ткачи,
И из Фессалии не слал
Никто столь дивных покрывал.
Сев в уголок, с благоприличием
Я стал внимать речам девичьим:
Любви касался разговор,
Мной слышанный, двоих сестер.
И старшая сестрице милой
Поведала, с какою силой
Друг друга те любили дети.
И хоть минуло два столетья,
Но клирик то преданье слышал
И, чтоб рассказ достойный вышел.
Все записал, как подобало:
Теперь послушайте начало.

В Испании король один
Цвет рыцарских собрал дружин,
И корабли их, выйдя в море,
Галисии достигли вскоре.
Язычник, он Фелисом зван,
60 Приплыл напасть на христиан,
Чтоб взять добычу в тех краях
И города повергнуть в прах.

Заняв страну их, пробыл в ней
Он месяц и пятнадцать дней
И, что ни день, велел отряду,
Сам возглавляя кавалькаду,
Нещадно грабить города,
Свозя добычу на суда:
На лье пятнадцать от причала
Коров, как и быков, не стало,
Ни замка нет, ни городка,
Не ищет селянин быка,
В разоре земли, опустели,
Зато язычники в веселье.
Созвав людей перед отплытьем,
Король все корабли грузить им
Велит добычей, а пока,
Избрав бойцов до сорока:
«К оружию! — молвит. — Не обуза
80 Для нас еще немного груза:
Меж гор — паломников пути,
Скачите ж, им не дав уйти».
И те немедля скачут в горы,
Прикованы к лощинам взоры,
И вот уж видят из засад,
Как вверх паломники спешат.
Те скатываются по склону,
Не дав занять им оборону:
В испуге скарба своего
Не защищает большинство.
Но был среди них один француз,
Учтивый рыцарь и не трус,
Он брел к Иакову святому,
Взяв дочь, которая из дому
Родного в дальний путь пошед,
Поскольку умер муж, обет
Такой апостолу дала,
Быв от супруга тяжела.

Решает рыцарь защищаться,
100 В плен, жив пока, не хочет сдаться,
И вот, сражен, лежит в пыли,
И в гавань дочку повели.
Когда, с собой поставив рядом,
Фелис ее окинул взглядом,
То по лицу заметить мог,
Что род ее весьма высок
И что, пожалуй, эта дева —
Тот дар, который королева
Просила, чтобы ей был сделан,
Раз за добычей плыть хотел он.
На борт отряд их поднялся,
Вмиг натянули паруса:
Дул ветер им благоприятный,
И был отраден путь обратный,
И за два дня всего дошли
Суда их до родной земли.
На берег сходит с корабля
Король и свита короля.
Уже в Неаполь достославный,
120 Отряд опережая главный,
Весть принести гонцы успели
Об их прибытие и веселье.
Всем городом встречать отряд
Выходят, каждый встрече рад:
Еще бы, наконец друзья
В родные прибыли края.
Вот в городе король и вскоре
Велит сподвижникам быть в сборе:
Явив при дележе добычи
Верх куртуазного величья,
Он одарил и королеву,
Отдав ей в услуженье деву,
И королева, весела,
В покои пленницу ввела.

- Ее менять не хочет веры,
Велит служить ей, чтит манеры,
Играет с ней и ловит связь
Речей, французскому учась.
В ней вежество и благородство:
- 140 Чтит королевы превосходство,
Ей, как самой себе, служа,
Со всеми, кто вокруг, дружа.
Однажды девушке в покоях
У дамы (частым гостем в коих
Король был, тем жену доля),
Стяг вышивавшей короля,
При королеве стало плохо:
Бока, не сдерживая вздоха,
Сжимает вдруг, болезнен вид,
Она бледна, ее тошнит.
Тем ведома ее истома,
Кому такая боль знакома.
И, тотчас спрошена, давно ли
Страдает от подобной боли,
Сказала, сколько точно дней.
На это королева ей
Поведала, что носит бремя
Сама такое ж ровно время,
И можно больше не гадать,
- 160 К какому сроку родов ждать.
В цветущий праздник предпасхальный,
Как в части сказано начальной
Повествованья, срок один
Обеим выпал для родин.
Но прежде, боль терпя, трудиться
Пришлось, чтоб детям дать родиться:
Дочь христианкой рождена,
Сын — некрещеной. Имена
Обоим дали без затей,
В честь праздника назвав детей;

- Для христианки выбор скор —
Цветок на праздник, Бланшефлор;
Сын назван королем Флуар
(Зачислен в школу в Монтуар).
Отцом ребенок — а подавно
И матью — любим был равно.
Он отдан пленнице, чтоб та,
В ком светел ум и красота,
Растила с самого начала
- 180 Дитя, но грудь чтоб не давала:
Как их повелевал закон,
Язычницей был вскормлен он.
А та его растила в холе,
Оберегала чуть не боле,
Чем дочь, не зная, кто же ей
Из двух дороже и родней:
Делилось ею образцово
Все, кроме молока грудного.
Одно и то же пили, ели,
Ложились спать в одной постели.
Когда по пять им стало лет,
То обойти могли б весь свет,
Но равных им бы не нашли вы,
Столь были взрослые и красивы.
И вот, как увидал король,
Что юный сын развился столь,
То и подумал, что ему
Учиться бы пора письму.
Назначил начинать с Гедоном,
- 200 Учителем весьма ученым,
Как всякий из его родни —
Все знатоки наук они.
Ребенку о решенье этом
Сказал король; ему ответом
Был плач: «Ужели, господин,
Учиться должен я один?»

- Без Бланшефлор не будет прока,
Я не смогу понять урока». **Король** ему: «Столь ваш напор
Силен, что пусть и Бланшефлор
С тобой займет досуги школой». **Вновь** у обоих вид веселый:
Вдвоем уходят и приходят
И в радости любви проводят
Часы; в ученье не ленивы —
Друг друга ради, всем на диво.
Любя друг друга, красотой
Как бы делились меж собой;
Ни дела не сокрыл, ни слова
- 220 Один ни разу от другого.
Из всех природных сил — любви
Пристрастья отдали свои:
Ученье им не тяжело,
К высоким мыслям их влекло.
Был книг языческих сюжет
Любовный — темой их бесед,
Такое чтение им немало
Познаний о любви давало.
От этих книг они выросли;
Вели обоих прямо к цели
(А цель — сильнее любить друг друга)
Любовь и общность их досуга.
В ученье, в чтение сообща
Любовной радости ища,
Друг другу, чуть конец занятья,
Лобзанья дарят и объятья.
В отцовском цветнике, который
Засажен густо мандрагорой
И множеством цветов и трав,
- 240 Все краски их в себе собрав,
Дерев цветущий строй ветвится,
И о любви поют в них птицы.

Сюда спешат к утехам дети
Пред трапезой и на рассвете,
Чтоб слушать, как, над ними сев,
Им дарят птицы свой напев,
Пока они едят и пьют,—
Обоим этот мил прият.
Поев, идут бродить по саду —
Прогулка дарит им отраду.
Когда же в школу путь их вел,
Там, из слоновой кости стол
Заняв, стихи на воске пишут
Иль письма, что любовью дышат.
Серебряным иль золотым
Велят писать стилетом им;
Другого нет у них желанья:
Слагают о любви посланья,
О птицах и цветах они
260 И славно так проводят дни.
Всего в пять лет и две недели
Латынь усердем одолели,
А на пергамене письмо
Как бы давалось им само,
И был латинских их бесед
От всех вокруг сокрыт предмет.
Взор короля весьма остер:
Заметив сына к Бланшефлор
Любовь, он негодует с жаром,
Поняв, что справиться с Флуаром,
Когда придет жениться срок,
Едва ли бы уже он мог,
И к королеве за советом
Идет: пусть разберется в этом
Та, положившись на чутье;
А сына он, убив ее,
Женил бы на высокородной,
Происхожденьем с ними сходной.

У мужа, видит королева,
280 Кровь бросилась в лицо от гнева,
Окрасив щеки в алый цвет.
Ее он просит дать совет:
«Я, дама, тем обеспокоен,
Что сын неладно стал настроен:
Коль мер не примем мы тотчас,
Потерян будет он для нас».
— «Но почему?» — «Он с неких пор
В дочь вашей пленной, в Бланшефлор,
Влюбился, и твердит молва,
Что, будь она и впредь жива,
Любви мы этой не отменим
И на другой его не женим.
Подобный дела оборот,
Боюсь я, наш унизит род.
Нет, право, должен без отсрочки
Я с ней покончить ради дочки
Эмира или короля,
Связь эту более не для».
И королева, поразмыслив,
300 Заводит — наперед расчислив,
Как можно девушке помочь,
Притом что ублажить не прочь
И господина, — разговор,
Спасти желая Бланшефлор:
«Сеньор мой, сына мы наставить
Должны, чтоб мог страной он править
И не был им укор заслужен
За то, что с Бланшефлор он дружен.
Но предпочла б я для себя
Достигнуть цели, не губя
Бедняжки, право же, при этом».
На что король спешит с ответом:
«Согласен, дама, я вполне,
Как вам то мило, так и мне».

- «Сеньор, поедет пусть Флуар,
Наш сын, учиться в Монтуар.
Сеньоре города Себиле,
Моей сестре, лишь угодили
Мы б тем. Она, коль выйдет случай,
320 Так сделает, чтоб ради лучшей
Невесты отвратил он взор
От христианки Бланшсфлор.
Больным пусть скажется Гедон,
Мол, их учить не может он.
А сыну будет план представлен
Так, что учиться он отправлен
И ехать вскоре вслед за ним
И Бланшефлор мы разрешим.
Учителю должно стать плохо,
Чтоб не заметил сын подвоха:
Влюбленные необычайно
Легко разгадывают тайны.
Сын, приуныв от этой вести,
Захочет с ней поехать вместе:
Но скажем, мать ее больна
И остается с ней она,
А ехать вы велите ей
К нему через пятнадцать дней»
Сошлись во мнении едином
- 340 Они: король послал за сыном.
Сперва, однако, сделав вид,
Будто совет им предстоит,
Он все ему поведал вскоре.
Отцу Флуар ответил в горе:
«Сеньор, ужель возможно это:
Ей оставаться, мне быть где-то?
Со мной пусть едет Бланшефлор»
Король, что бесполезен спор,
Сказал, и сыну выбрать,
Живой иль мертвой видеть мать.

Флуар испытывает боль.
За камергером шлет король,
И окружен большою свитой,
Как должно, отпрыск сановитый.

- Он видит, в Монтуар прибыв,
Что замок крепок и красив,
Что герцог сам, Йорас, прием
Дает, души не чая в нем,
Что встрече тетка очень рада,
360 Но ничего ему не надо:
Нет Бланшефлор любимой здесь,
Постылым сразу мир стал весь.
Он в школу отведен Себилой,
Решившей, что забыть о милой
Ему удастся, углядев
Замену ей средь местных дев.
Он их не слышит и не видит,
Отрада на него не снидет.
Хоть знал довольно, от науки
Великие терпел он муки.
Взращен — то было делом рук
Любви, дарительницы мук,—
В его душе цветущий сад,
Чей столь изыскан аромат,
Что глушит запах всех услад:
И урожай им будет снят,
Срок близок, дня он не просрочит.
Пусть Бланшефлор возлечь захочет
С ним рядом, пусть к нему прильнет,
380 Им будет тотчас сорван плод.

Флуар дождался еле-еле,
Измучившись, конца недели:
И вот, что та не едет, видя,
Что выставлен он в глупом виде,
Ища, причина какова,
Кричит он, что она мертва.

Не хочет выходить к обеду,
Забыл забаву и беседу,
Не ест, не пьет, лишился сна,
Нет жизни, коль мертва она.
Весть, разъяря и печалая,
Летит к отцу от сенешаля;
Дав на проезд согласие, в гнев
Велит прийти он королеве:
«С девицей вашей дрянь дела,
Случившееся приняла
Так, что на сына моего
Наслала, видно, колдовство
Любовное. Довольно бредней,
1) Я нанесу удар последний:
О мертвой память и кручина
Томить недолго будут сына».
Но королева вперекор:
«Помилосердствуйте, сеньор!
Купцов из Вавилона тьма
В порту, богаты все весьма.
Пускай ее уведут живо
И продают: она красива,
Ей будет высока цена;
Знать о себе не даст она;
Так избавленье мы получим,
Притом что жертву не замучим».

План королю хлопот доставил:
В порт горожанина отправил,
Что и в торговле был толков,
И знал немало языков.
Король, продать ее спеша,
В том больше видел бариша,
Чтоб с делом порешить проклятым,
420 Чем в корабле с червонным златом,—
Греха боится. Наконец,
Приходит в порт один купец,

Затеять с коим можно торг;
Но девушка его в восторг
Приводит: он платить согласен
Тотчас (столь вид ее прекрасен).
Он злата тридцать марок дал,
Сребра же двадцать; покрывал
Десятка два; плащей из белки,
Блю изысканной отделки —
По столько ж; кубок — нет цены —
Из императорской казны
Украден в Риме был: едва ли
Вы из подобного пивали.
Весь золотой, искусно кован
И тонко чернью разрисован
Кругом. Его ковал Вулкан —
На это дар ему и дан;
Картиной кубок был украшен:
440 Вид Трои и высоких башен,
Где к стенам греческая рать
Идет, чтоб штурмом город брать;
Близ них — увозит в плен Елену
Париc, склонивши на измену
(Их лица белизной эмали
Волшебнo в золоте сияли);
Чтоб их догнать, выходит в море
Ее супруг в глубоком горе;
Плывет все войско греков вслед,
За Агамемноном пошед.
Чеканка внутренняя взгляду
Узнать Венеру и Палладу
С Юноною давала: суд
Все трое выслушать идут
Париса, яблоко неся,
Из-за чего и тяжба вся;
Как писано, златой сей плод
Прекраснейшая пусть возьмет.

Парису дав его, мольбою
460 Склоняют к милости: любую
Обещан в будущем успех,
Коль назовет красивей всех.
Так награжден он каждой будет,
Которой первенство присудит:
Юноной — домом изобильным,
Палладой — знанием всесильным,
Венерой же — прекрасной дамой,
Жемчужиною яркой самой.
И яблоко Парис дал ей,
Прося добыть жену скорей:
Небрег он ради дамы милой
Богатством, разумом и силой.
Любовь и ратные дела,
То, как он морем плыл, как шле
Пред этим судна подготовка,
Изобразил художник ловко.
Карбункул редкостный у края
Висит, глубь чаши озаряя:
Будь помещен он в темноту
480 Подвала, на его свету
Вина б оттенки разглядел
После иссопа винодел.
Над ним — жемчужина лучится
У золотой черпеной птицы
В когтях: не видел равной ей
Никто из жен, ни из мужей;
Смотревший, глаз не отрывая,
Мнил, что летит она, живая.
Сей кубок царь Эней с собою
Увез, когда покинул Трою;
В Ломбардии был им вручен
Лавинии с любовью он;
В свою чреду владели им
Все те, под властью чьей был Рим,

До Цезаря, а после кражи
Привезен воров для продажи,
В конце концов купцу был продан,
И вот, за Бланшефлор им отдан.
После торговли справедливой
500 Он шел веселый и счастливый,
Ибо дороже мог вдвойне
Продать ее в своей стране.
    Так взялся добрый ветер дуть,
Что был до Вавилона путь
Недолог. Вот уж их страна,
К эмиру дева введена:
Груз злата — за нее цена —
В семь раз тяжеле, чем она.
В ней сердце чисто, лик приятный,
И род ее, как видно, знатный:
Красой пленясь, он дал приказ,
Чтоб не спускали с пленной глаз.
Купцу на то глядеть отрадно,
Ведь заработал он изрядно.
    А горожанин тот вручил
Все королю, что получил.
Тут королева захотела
Вот что сказать, обдумав дело:
«Сеньор, что сыну мы ответим,
520 Когда Флуара вскоре встретим?
Что на вопросы, почему
Любимой нет, сказать ему?
Ведь нам весьма придется туго,
Когда он спросит, где подруга.
Боюсь я, как бы он, скорбя,
Не пожелал убить себя».
Король в ответ: «Вы сыну мать,
О дама, вам и утешать».
— «Сеньор,— та молвит,— я решила,
Пусть будет сделана могила

Богато: мрамор и хрусталь,
Сребро и золото и эмаль.
Что Бланшефлор мертва, откроем
Ему, а после успокоим».
— «Что ж, сделать так есть смысл прямой,
Флуар уж на пути домой».
Поручен лучшим камнеделам
И златокузнецам умелым
Сей труд: могилы столь чудесной

540 Не видел человек телесный.
Надгробье тонко мастера
Из золота и серебра
Сковали: всех зверей подобья
И птиц украсили надгробье,
Змей, чьи известны имена,
Рыб, коих прячет глубина.
Оно под деревом, пред храмом
Стоит, увенчанное самым
Прекрасным мрамором, на коем
Был выбит фризским златобоем
Узор. Все мрамора цвета
В себе соединив, плита,
Черно, лазурно, желто, ало
Блестя на солнце, ослепляла.
Орнамент же со всех сторон
Словно иссек сам Соломон:
Легла узорно на хрусталь
Меж злата и сребра эмаль.
Поверх всего на той могиле

560 Две детские фигуры стыли:
Глазам не верит тот, кто зрит их,
Детей, из золота отлитых.
Один из них с Флуаром схож
Так, что отличья не найдешь.
Столь же другой необычаен,
Он в виде Бланшефлор изваян,

Дарящей милому цветок
С тем, чтоб Флуар его берег:
Пред другом, как бы расцветая,
Клонилась роза золотая;
Ему ж к ее лицу милее
Поднести цветок златой лилеи.
Так каждый пред другим стоит,
И вместе их изыскан вид.
Над головой Флуара вделан
Карбункул был, и так горел он,
Что видеть все могли в ночи
Уже за лье его лучи.
Четыре тонкие трубицы
580 Четыре ветра внутрь гробницы
Впускали: с каждого угла
Тот веял, чья пора пришла.
Детей лаская, ветры дули:
Целуясь, те друг к другу льнули
И, словно силой колдовства,
Сливали с чувствами слова.
Просил у Бланшефлор Флуар:
«Лобзанье дать молю мне в дар»,—
И отвечала та, целуя:
«Сильней всех смертных вас люблю я».
То ветра налетал порыв,
Их в пощелуе долгом слив,
То прекращал внезапно дуть,
Давая детям отдохнуть.
Казалось, глядя в очи нежно,
Они смеются безмятежно.
И дерево на той могиле
У изголовья посадили:
Тянулись ветки в высоту,
600 И было все оно в цвету,
И сквозь листву густую кроны
Белели свежие бутоны;

Эбеновым звалось, сей вид
В огне нимало не горит.
В ногах же, солнце где вставало,
Рос терпентин, цветущий ало,
Не уступая в красоте
Цветам на розовом кусте.
Бальзамник справа рос, а слева
Молочное стояло древо,
Цветы которых аромат,
Нет равных коему, струят;
Из одного бальзамный сок,
А из другого млечный тек.
Те, кто сажал их, заклинали
Всех ведомых богов вначале,
Чтоб все четыре из земли
Всегда цветущими росли:
Был пышен их расцвет. С дерев
620 Слетал бесчисленных птиц напев.
Внимавший был захвачен песней,
Которой не слышал чудесней.
И так певуньи этих трели
В том месте сладостно звенели,
Что нет ни юношей, тех птиц
Там услышавших, ни девиц,
Собравшихся друг друга ради,—
Чтоб не пленились и к усладе
Лобзаний нежных и утех
Не повлекло и тех, и тех.
Чуть только кто их слушать станет,
Уж мыслью о любви он занят
И, нежным пеннем пленен,
Как будто видит сладкий сон.
Едва ль с какой другой сравнится
Меж четырех деревьев гробница:
Нигде не сложен был подобный
Для девы памятник надгробный.

Узоры зренье поражали
640 И драгоценные эмали.
Усыпан весь он был красиво
Камнями, яркими на диво:
И халцедон, и жемчуг тут,
Сапфир, сардоникс, изумруд,
Рубин, кораллы и топазы,
И аметисты, и алмазы.
И аравийским золотом были
Покрыты буквы на могиле,
И золотилась надпись вся,
Тем, кто ее читал, глася:
«К здесь спящей Бланшефлор прекрасной
Пылал Флуар любовью страстной».

Король предупредить велел
Жене всех бывших в курсе дел,
Чтоб те молчали и случайно
Флуару не открылась тайна:
Узнай о ней он что-нибудь,
Отправился бы отрок в путь,
Дал истомить себя заботам,
660 Найдя же, в жены взял с почетом.
Распоряжение таково:
Не говорить всем ничего.
Отпущен в школе, раньше срока
Флуар примчался издалека.
С коня он спрыгнул близ дворца,
Увидел короля-отца:
Его и мать приветив, сразу
О милой начинает фразу,
Мол, где она. Они молчат.
Он пробегает длинный ряд
Покоев, мать ее находит
И тотчас разговор заводит:
«О дама, дайте мне ответ,
Подруга где?» — «Ее здесь нет».

— «Так где ж?» — «Не знаю». — «Позовите».
— «Откуда?» — «Иль она в укрытье?
Я одурачен?» — «Нет, увы».
— «Как шутите жестоко вы!»
Тут больше чувств она не прячет
680 И, жалости исполняясь, плачет
И, плача, молвит: «Дочь мертва».
— «Как могут правдой быть слова
Такие?» — «Правда все, сеньор,
Скончалась, знайте, Бланшефлор».
Так потому она лгала,
Что клятву королю дала.
Флуар, отчаяньем охвачен
От вести горестной, стал мрачен
И бледен, сердце болью сжало,
На камни он упал средь зала.
Был христианки столь велик
Испуг, что испустила крик,
Который короля привлек:
Бросается со всех он ног
Бежать, с ним королева рядом —
Нельзя быть столь жестоким с чадом!
Он три припадка перенес,
Восстав же, пролил много слез:
«Ах, смерть, зачем прошла ты мимо
700 Меня, взяв ту, что мной любима?
Ах, господин, скорей пойдем
К могиле, коль вам путь знаком».
Король ведет его к гробнице,
Злой мукою Флуар томится:
Прочтя о Бланшефлор прекрасной,
Любимой им любовью страстной,
Три раза, чувств лишился снова,
Промолвить не успев ни слова.
Затем на камень надмогильный
В тоске он опустил сильной

И, не удерживая слез,
 Рыдая горько, произнес:
 «Ах, Бланшефлор, ах, Бланшефлор!
 В одну мы — словно договор
 У матерей был — ночь зачаты,
 Совпали и рожденья даты:
 Мы были вместе возвращены
 И вместе были бы должны
 Исчезнуть из земной юдоли,
 720 Дай смерть законные нам доли.
 Ваш чистый лик в глазах стоит,
 Нет девы ваших лет, в ком слит,
 Как в вас, с умом прекрасный вид,
 Пусть род ваш и не знаменит.
 Жемчужина из редких, где вы?
 Не видел свет прелестней девы.
 Кто б описать мог, как красивы
 Вы были и добролюбивы!
 Чтоб взяться за такой предмет,
 Ни у кого уменя нет.
 Коль кто твой лик, головку, локон
 Опишет, знать, умом глубок он.
 О краски нежные ланит!
 Нет той, чей образ вас затмит:
 Приз красоты носим был вами
 И целомудренности знамя.
 Блюли в смиренье честь, благая,
 Нуждающимся помогая.
 Большой и малый, вас узнав,
 740 Любили за радушный нрав.
 Как мы друг другу были близки
 И слали нежные записки,
 Для многих приспособив тем
 Латынь, неведомую всем!
 Ты, смерть, завистлива безмерно
 И с каждым поступаешь скверно:

Тебя зовут — проходишь мимо,
Не любишь тех, кем ты любима,
И, ненавидящих любя,
Уводишь тех, кто гнал тебя.
Кто доблестен, кто жить готов,
Тех ты ввергаешь в тесный ров.
Того, кто юн, кому приспела
Отрада, ты крадешь умело.
На нищего же набредешь —
Хоть видишь старческую дрожь,
Призывному не внемля крику,
Жить оставляешь горемыку,
Поскольку уstraшенных лишь
760 Берешь; его же — не страшишь.
Со всеми поступаешь так.
Впрямь, ты пошла на подлый шаг,
Ту у меня взяв бессердечно,
Которой жить пристало вечно.
И хуже: умереть желая,
Зову тебя — не слышишь, злая.
Смерть, убегай — я догоню,
Таись — поставлю западню.
Ничто для тех, кто сгнуть хочет,
Конца надолго не отсрочит.
Хоть к тем, чьи слышишь голоса,
Не повернешь ты колеса,
Тебе не надоем мольбою,
Покончив к вечеру с собою.
С тех пор мне этот свет не мил,
Как милой он меня лишил.
По расцветающему лугу
Душа пойдет искать подругу,
Что рвет цветы, как в оны дни:
780 Мне предназначены они.
Там вскоре я ее замечу
И, побежав стремглав навстречу,

Соединиться с ней смогу
На расцветающем лугу».

Томит, сеньоры, скорбь Флуара.
С тех пор как он из Монтуара
Домой вернулся, день и ночь
Был мрачен, жить ему невмочь.
Будь меч при нем, немедля в грудь
Он был бы рад его воткнуть.
Но отнят меч, он не заколет
Себя. Король смириться молит,
Боль та же королеву гложет:
Все ни к чему. Забыть не может
Он Бланшефлор и слезы льет
Все дни и ночи напролет.

Король послал за чародеем:
Не мог бы найден быть нигде им
В то время лучший чародей.
800 Он заставлял дрожать людей
От страха; камень делал сыром.
Быков летать, ослов же к лирам
Склоняться и касаться струн
Искусный заставлял колдун.
За дюжину денье готов он
Снять голову с себя; взволнован
Был тот, кому ее он нес
И задавал, вручив, вопрос:
«Так головы моей владетель
Отныне ты?» — «Да, бог свидетель», —
Ответствовал простак, держа
В руках лягушку иль ужа,
Чем изумлен бывал бедняга:
Вот какво искусство мага.
В собранье многолюдном им
Из носу выпускался дым
Так, что из виду исчезали
И сам, и все, кто были в зале,

Когда он делал сильный вздох,
820 То возникал переполох:
Вмиг был дворец объят пожаром,
Как тем, кто поддавался чарам,
Казалось; чтоб спастись скорей,
Выскакивали из дверей.
Но, оказавшись за дверями
И оглянувшись, видеть пламя
Переставали: всякий трус
Испытывал тогда конфуз,
И выглядел глупцом мудрец.
И, возвратившись во дворец,
Дивились все такой промашке.
Глядь, ан монахи и монашки
Вокруг: монашкой взят монах
За ворот; нож в ее руках.
То полон зал, то — никого.
Хоть и пугало колдовство,
Все знали, что их маг дурачил.
«Брат Бородач, — король так начал,—
Своим искусством нас уважь;
840 Я щедро оплачу мираж».
Тот отвечает: «Я готов.
Велите-ка без лишних слов
Всем, господин король, садиться.
Сейчас влетит, глядите, птица».
Все сели. В комнату впорхнув,
Та птица кружит; все на клюв
Голубки смотрят: чудеса,
В нем что-то вроде колеса,
И блещет в самой серединке
Топаз прозрачней тонкой льдинки,
Размером же двенадцать футов,
Словно бы маревом окутав
Страшнейшую из образин:
Сей **златоковный** исполнил

Играл на арфе, сам Орфей
Владел которой; после к ней,
Струн коей сладкогласны звуки,
Ничьи не прикасались руки.
Вдруг всадник на лихом коне

860 Является как бы извне:

Мослами в землю он уперся,
Которые, коль брать от торса,
Длинней полутора туаз;
И льется песни дивный глас.

Флуар, как маг их ни забавил,

Все без внимания оставил.

Покуда восторгался двор,
Он вспоминал о Бланшефлор
И, созерцать не в силах чудо,
На воздух выбрался оттуда,
Что тотчас углядел король:
«Брат Бородач, кончать изволь,
Вели исчезнуть миражу».

— «Вам в просьбе сей не откажу».

И тотчас он разрушил чары,
Избавив вмиг гостей от мары.

Зато теперь, они глядят,

Дворец их пламенем объят,

И вся земля, им мнится, в дрожи,

880 Самих трясет от страха тоже,

Храбрец ведет себя, как трус,

Вдруг сон их, несмотря на трус,

Свалил. Один Флуар вне дома,

Его лишь не объяла дрема,

О милой память душу мучит,

И возвращаться не наскучит

К ее словам: «Зачем, Флуар,

Должны вы ехать в Монтуар?»

Их повторяет он неволью,

И сердцу страждущему больно:

Сознание теряет он.

Очнувшись же, кричит сквозь стон:
«Будь, Бланшефлор, в моей то воле,
Немедля б умер я от боли».

В раздумьях горестных своих
Бредет Флуар. Дворец затих,
Все дремлют, и большой, и малый.
Флуар лишь бодрствует, усталый
От мыслей, как убить себя:

900 Не хочет жить он, так скорбя.
И вот, снедаемый скорбями,
К весьма большой выходит яме:
Двух яростных и злобных львов
Король держал в ней. Он готов
В нее спуститься, ни минуты
Не медля: так как звери люты,
Их без труда заставит съесть
Себя он. Перед тем как слезть,
У самого замедлил края,
Молитву скорбно сотворяя:
«Отец всевышний, всеблагой,
Ведомо все твоей рукой!
Людей по своему подобью
Ты создал, по благоутробью
Взрастив для всякой их нужды
Разнообразные плоды
И в изобилие сем несметном
Лишь яблоко назвав запретным!
Греховно съедено оно;

920 С тех пор нам веденье дано,
И сумрак нас объял с тех пор.
Молю, меня и Бланшефлор
Вдвоем введи на луг цветущий,
Господь, благой и всемогущий!»

Молитву кончив, сделал шаг
В глубь ямы он, воскликнув так:

«Из-за любви, подруга, к вам
Лишаюсь жизни я». Ко львам
Спускается без промедленья,
Но преклоняют львы колени.
(Мы знаем о таком примере
В истории.) Целуют звери
Флуара с головы до пят
Так, словно каждый встрече рад.
Он изнывает, это видя,
И к ним взывает в злой обиде:
«Набрасывайтесь, львы, чтоб мне
Не видеть тех, по чьей вине
Я оказался в Монтуаре.

- 940 Львы, позаботьтесь о Флуаре.
Будь к королю приведен вор,
Он станет жертвой вас, обжор,
Иль я не пища вам, несатым?
О львы, насытитесь мной убитым!»
Мяется сердце от тоски;
Он в ход пускает кулаки,
Ибо другого ничего нет,
Но ни один его не тронет,
Как ни трудись. «Ублюдки львы,—
Кричит,— достойны кары вы,
Коль пренебречь решили мною:
Я много больше вора стою,
Да и вкусней. Как можно снеть
Такую съесть не захотеть!»
Терзает скорбь его все злее.

- Теперь опять о чародее.
Вот им волшба прекращена.
И рыцари, восстав от сна,
Вновь не поймут, что происходит,
960 Но видят, что он их проводит.
Король сказал Вородачу:
«Знать, где юнец Флуар, хочу».

— «Боюсь, что вами он потерян
Навеки, коль расчет мой верен:
Спустился в яму он ко львам».
Без чувств упали, вняв словам,
Сам властелин и все вассалы,
Так им за принца страшно стало.
Король, очнувшись, сразу в крик:
«Бежим, бароны! Сей же миг
Заколоты должны быть львы.
Беда! Что делать нам? Увы,
Коль чудом не избег напасти
Флуар, ужасней нет несчастья,
Непоправимей нет беды.
Ах, львы! и горше сей еды
Не едено доселе вами».
Нет никого, кто б тотчас к яме
Не бросился бежать стремглав;
980 Глядят, Флуар там жив и здрав.
Ликуя шумно, двор весь занят
Тем, что его из ямы тянет.
Приводят к матери: она
Встречает в зале их, бледна.
Отец и мать безмерно рады.
Сын вне себя от злой досады,
На то лишь у него расчет,
Что к вечеру себя убьет.
Он тяготится тем, что жив:
Исчез восторг, угас порыв.

И тотчас, чтоб без проволоочки
Любви достичь и без отсрочки,
Стилет он вынул из футляра
Серебряный: ценней он дара
Не знал, чем сей, что Бланшефлор
Дала в последний разговор
Перед поездкой в Монтуар.
Стилету так сказал Флуар:

«Стилет, ты для того утончен,
1000 Чтоб труд мой был скорее кончен.
Ты дан мне, чтоб о ней напомнить
И все, что нужно мне, исполнить:
Что должен, совершить сумей,
Отправь меня немедля к ней».
Себе он прямо в сердце метил,
Но материнский взор заметил:
Шагнув и у него стилет
Отняв, бранит, но в брани нет
Суровости — мать это мать,
Нельзя страданий умножать.
«Фу, ты совсем еще дитя,
Мой сын, коль, умереть хотя,
Так смерть торопишь. Тот, кто б мог
Кончины отодвинуть срок,
Согласен все терпеть недуги
Вплоть до проказы, жить в лачуге,
Как вор, чтоб только в смерть нейти.
Со смертью, сын мой, не шути.
Кто так, как **в**, с собой поступит,
1020 Тот на цветущий луг не ступит,
Свиданья с Бланшефлор не выйдет:
Кто согрешит, туда не внидет.
В ад, и без жалоб, милый сын,
Пойдете тотчас, путь один.
Там Радамант, Минос, Эак,
Что судят низ, за этот шаг,
Как всех, **к**ому они выносят
Свой суд, в пучину мук вас бросят.
Дидона с Библидой, кончины
Приняв из-за любви, кручины
Не прячут там: забота их —
Искать возлюбленных своих;
Но их старанья — тщетный труд:
Искали, ищут — не найдут.

Теперь же пусть светлеет взор твой:
Есть средство стать живой из мертвой.
Его пойду я поищу
И деву к жизни возвращу».

- Приходит, плача, к королю
1040 И молвит: «Господин, молю,
Чтоб состраданья хоть немного
Имел ты к сыну, ради бога.
Убил бы он себя стилетом,
Но, к счастью, я была при этом:
Он им вооружился вдруг,
Я вырвала стилет из рук».
— «Что ж, потерпите, дама, горе
Забудется, поверьте, вскоре».
— «Да, но по смерти лишь: умрет
Он от страданий и забот.
Лишись мы нашего дитяти
Единственного, об утрате
Тотчас весь край заговорит,
Решив, что нами он убит».
— «Коль так, ему вы изложите,
Как вам угодно, все события».
И дама, чувствуя отраду
В душе, спешит к родному чаду:
«Любезный сын мой, все обман,
1060 Твоим отцом и мной был план
Придуман этот: нет в могиле
Ее; мы сделать так решили,
Желая, чтоб, забыв о ней
И нас послушав, в брак младней
Вступил ты с королевой знатной,
Почтительной и всем приятной;
И не внушала Бланшефлор
Тебе любви чтоб с этих пор
К себе, безродной христианке
И бесприданной чужестранке.

Купцом сторгована она
И в дальний край увезена.
Я все сказала, богу слава,
Знай, каждое здесь слово право!
Нет скорби, не к чему скорбеть:
Живи спокойно дома впредь».

Вместить не в силах доброй вести,
В нем ум и сердце не па месте,
В сомнение он глядит на мать
1080 И ей спешит вопрос задать:
«Могу ль поверить я рассказу?»
— «Но ты все сам увидишь сразу».
Плиту приподняли с земли,
Под ней подруги не нашли,
И благодарности слова
Творцу за то, что та жива,
Он шлет. Что будет жить, что сыщет
Ее, клянется, что изрыщет
Весь свет теперь, имея цель,
Что диких нет таких земель,
Куда б не мог им быть затеян
Поход, и что вернется с ней он.
Забуть, сколь эта тяжела
Затея,— радость помогла.

Не удивляйтесь же, сеньоры:
Те своротить готовы горы,
Любовью кто руководим,—
Как людям не дивиться им!
Читаем в книге у Катона,
1100 Что не пойдут на мысль препоны
Тому, кто страстью вдохновен:
Сверх меры хочет сделать он.
Сын счастлив, что она живая:
О слушающих забывая,
Кричит он, что старался зря
Король, столь тяжкий труд творя.

- Вот к королю идет он снова.
Рад видеть сына дорогого
Король, но тотчас стал сердит:
Лишь об отъезде сын твердит,
Не ведая, в каком та месте,
И не имея даже вести,
Не зная, где и каково
Пролягут странствия его.
В душе ругая королеву,
С совета коей продал деву,
Король клянет сам час продажи:
Та в нетях, сын теперь туда же;
Тысячу б марок серебра
- 1120 Он дал и сколько есть добра,
Чтобы нашлась; ибо с пути
Дитя не сбить, как ни хоти.
«Мой сын, остаться бы могли вы».
— «О, как же вы несправедливы!
Чем будет мой отъезд скорей,
Тем раньше встретите нас с ней».
— «Что ж, если так вы захотели,
Пускай! Каков же будет к цели
Ваш путь, обдумайте — тогда
Все дам, в чем есть у вас нужда:
Ковры, расшитые богато,
Коней и слуг, серебро и золото».
— «Внемлите, ваша милость, мне:
Я был бы снаряжен вполне,
Когда б с собой, купцам под стать,
Семь вычюных лошадей мог взять;
Сребра и злата две поклажи;
Сосудов, в дар и для продажи;
В чеканенной монете треть
- 1140 Всех денег, вдоволь чтоб иметь;
Две штуки самых лучших тканей
Найди, не пожалев стараний:

И шкурки соболя из тех,
Что поценней, и куний мех;
Семь стражей — каждый при копе,
И трех оруженосцев мне,
Чтобы торги искали рьяно
И чтоб коням была охрана.
Пусть ваш поедет камергер
Со мной — определять размер
Продаж и куплей и при этом,
Коль надо, помогать советом.
Предпримем верные шаги,
Чтоб нужные найти торги:
Какая ей ни будь цена,
Мы — столь она для нас ценна —
Заплатим, тратя торовато,
И ждите нашего возврата».

Тут разговору и конец.
1160 Великодушен был отец,
Все просьбы мальчика исполнил
И, с ним уже прощаясь, вспомнил
О том, который при покупке
За Бланшефлор был отдан, кубке.
«Вот, — говорит он, — спрячь-ка в кладь,
Чтоб, может быть, на ту сменять,
Которой он и был ценою».
— «Как? Бланшефлор, любимой мною?»
— «Да, покажи господь меня».
Дает парадного коня,
Чей бок один, как кровь, был ал,
Другой же — белизной блистал.
Стал чепраком густой ковер,
На нем был шахматный узор.
Изогнута лука седла
Из рыбьего ребра была;
Седло изящных было линий,
Цвета его — рдяной и синий,

- И выложена золотая
1180 Насечка тонкая вдоль края.
Попону сверху постелили —
Ковер багряный из Кастильи,
Весь в золотых цветах он сплошь,
Впрямь королевский, так хорош.
Как путлища, так и подпруги
Из шелка свиты; троки туги,
Искусно связаны шнуром.
Сияют пряжки серебром,
Черненым златом — стремяна,
Не меньше замка их цена.
Узды подобной и удил
Из рыцарей не заводил
Никто. Вся сбруя золотая,
Камнями редкими блистая,
Сокровищ стоила: эмали
На ней то там, то здесь сверкали.
Нет слов у нас об их красе
Поведать, описав их все.
Из золота уздечку кто-то
1200 Испанского ковал: работа
Ценней, чем матерьял. На ней
Бесценных множество камней.
Поводьев золотых колечки
Изящно крепятся к уздечке.
Все приготовлено: Флуар
От короля приемлет дар.
А королевою надето
Кольцо ему на палец: «Это
Кольцо храните; будь при вас
Оно, не страшен лютый час:
Дождетесь исполненья плана
Любого поздно или рано».
Благодарит он, перстень мерит
И, что вернет подругу, верит.

- И знака ждет начать поход.
Король в слезах, но знак дает;
Прощаясь, успеваеи мать
Его сто раз поцеловать.
Биенье в грудь, потоки слез
- 1220 И пряди вырванных волос —
Вот горьких проводов картина:
Как будто мертвым видят сына.
И, всеми препоручен богу,
Пускается Флуар в дорогу.
Уже за городской стеной
Он намечает путь дневной,
Посоветовавшись с камергером.
Несут их лошади карьером
Сначала в порт, откуда в море
Те с Бланшефлор уплыли; вскоре
Прибыв туда, просторный дом
Нашли и спешились, а в нем
Жил горожанин, что готов
Всегда был приютить купцов.
В коношине накормив досыта
Коней овсом и сеном, свита,
Которой отдан был приказ,
Обходит город весь тотчас.
Им удастся присмотреть
- 1240 У мясника на славу снедь,
Шлют за вином, и хлеб им нужен,
Богатый собирают ужин.
Упоминают в разговоре,
Что на торги плывут чрез море,
Но всем добром Флуар один
Владает, он — их господин.
Все это обсудив в беседе,
Приготовленье кончив снеди,
Умывшись, сели вокруг стола,
Который скатерть облегла.

Учтив хозяин достославный,
Усажен отрок им как равный:
Оказывая гостю честь,
То то, то это просит съесть.
Стол сервирован был нехудо,
За блюдом подавалось блюдо.
Но главный слуг умелых труд —
То красным там, то белым тут
Вином серебряный сосуд

- 1260 Наполнить: гости вволю пьют.
Умаяла купцов дорога:
Питья и яств вкушают много
И молвят, всех отведав виц,
Что их хранит святой Мартин.

Флуар, веселью чужд и шуму,
О Бланшефлор лелеет думу,
Не забываясь от вина:
Нет милой — жизни грош цена.
Волнение душу извело,
И он, вздыхая тяжело,
Не знает, кушанье какое
Взял в руку, хлеб или жаркое.
Хозяйка, на подушке сидя,
Толкает мужа, это видя:
«Сеньор, взгляните, каково
Все поведение его:
Дитя гнетут раздумья; яства
Нетронуты; вздыхает часто.
Нет, благороден сей пришлец —

- 1280 Скиталец он, а не купец».
Затем нифанту молвит то же:
«Сеньор, томиться так негоже.
Гляжу, решил ты предпочесть
Все время думать, а не есть —
Такое насыщение пищей
Оплатит и ледящий нищий.

На днях был столь же скорбен взор
Здесь у девицы Бланшефлор,
Как назвалась она, и смею
Сказать, что вы похожи с нею:
На вид таких же лет, как ты,
И очень схожие черты
Лица, и за столом унылой
Была, скорбя, что отнят милый
У ней, что далеко Флуар.
И, что теперь она — товар,
Во время торга понимая,
В порту стояла, как немая.
Купец же радовался: он
1300 Сказал, что едет в Вавилон,
Где заработает с лихвою,
Взяв за нее с эмира вдвое».
Флуар, подруги слыша имя,
Слова о ней, настолько ими
Обрадован и поражен,
Что речи вдруг лишился он
И нож так резко отодвинул,
Что кубок полный опрокинул.
Хозяин в крик: «Пропал напиток,
Пусть будет возмещен убыток!»
— «Что ж, справедливо», — слышен тех,
Кого забавит это, смех.
Немедля кубок золотой
Преподнести, но не пустой,
С вином, — желание Флуара:
«Вот, дама, в дар за то вам чара,
Что вами начат разговор
Был о девице Бланшефлор.
Всю трапезу о ней я думой
1320 Томился и вздыхал, угрюмый,
Ведь неизвестно было мне,
В какой исчезла стороне

Опа. Теперь, чтоб в Вавилон
За нею ехать, нет препоп». —
«А что пролил, то вот причина, —
Добавил, — заказать вам вина
По вкусу: пусть несут их мне,
Чтоб не было нужды в вине». —
Четыре взяв семерика
У челядина-бедняка
Вошедшего, его сначала
Понт за труд, затем попало
Вино к хозяину, и тот,
Пригубив, кубок отдает
Другим: свою имеет долю
Всяк домочадец, пьется вволю,
Чтут богачами бедняки
Себя, хвалясь вперегонки.

Пока так забавлялись, ветер
1340 Успел перемениться, вечер
Спустился, день собой сменив,
И начался в порту прилив.
Прозрачен воздух, свеж и светел;
И корабельщик уж приметил,
Что прояснились небеса:
Поймают ветер паруса.
В дорогу, чтоб не длить безделье,
Пуститься тотчас захотели.

Флуар, узнав, повеселел:
К отъезду сделать много дел
Успел, но вот конец работе,
И он с хозяином в расчете.
Судовщнка ему с собой
Хозяин, тронутый мольбой,
Дает, чтоб одолеть дорогу
В порт, коль угодно будет богу,
Быстрее, откуда в Вавилон
Путь верный указал бы он.

Поскольку через месяц там
1360 Назначен сбор всем королям,
С эмиром чья земля граничит:
Он их к себе на праздник кличет —
Все ко двору придут его.
Флуар сказал: «На торжество
Товары привезу: глядишь,
Продам и получу барыш».
Дул ветер ровно, даль прозрачна,
Прошло отплытие их удачно:
В отливный час, при ветре свежем,
Суда простились с побережьем.
Вот отданы все паруса,
До марсов каждый вмг взвился,
Поймали ветер на просторе,
И вот Флуар в открытом море.
Снасть и убранство корабля
Как раз для сына короля.
Так плыли восемь суток кряду,
Земли не открывалось взгляду,
Но на девятые пришли
1380 К Балдаху прямо корабли:
Построен город сей огромный
Над портом на скале был темной;
Тем, в ясную погоду кто
Плывет, он видел лье за сто.
Умелым моряком направлен,
Корабль с Флуаром был доставлен
В порт, шла у них о коем речь
Пред тем, как море пересечь.
Отсель пути четыре дия,
Коль, краткий зимний день кляня,
Скакать им в Вавилон, гоня
С утра до вечера коня.
Доволен кораблевожатый
Флуаровой обильной платой —

По двадцать злата и сребра
Дал марок он, рука щедра,
Еще бы: кажется, что рая
Достиг, попав в пределы края,
Куда, он верит, не зазря

1400 Слешил чрез земли и моря.

Они причалили под башней,
И, после суеты всегдашней
С разгрузкой, мог войти отряд
В конце концов в желанный град.
Им горожанном богатым,
Что был купцом, судовожатым
И в курсе всех торговых дел,
Приют был дан; еще владел
Он ходким кораблем торговым,
Товар принять на борт готовым:
На нем через морской простор
И плыл купивший Бланшефлор,
Из-за кого лишен покою
Флуар и поражен тоскою.
Вот провести в чьем доме почь
Морские странники непрочь.
Распаковать велели кладь,
Коней немедля расседлать,
Ни кровом их не обездолить,

1420 Ни кормом, охранять и холить.

И сразу все нашлось в дому,
Потребовалось что кому:
Овес, цыплята, сено, вина,
Парное мясо, солонина.
Обед торопят принести,
Утомлены после пути.
То был эмира порт морской,
В нем шла работа день-деньской:
Груз, будь ты прав пль в чем-то грешен,
Осмотрен должен быть и взвешен,

- Чтоб, всю ль ты правду про него
Сказал, определил прево.
Но вот возвращены им вьюки,
Еда готова, моют руки
И наконец садятся есть:
Флуару предложили сесть
На место видное. В веселье
Они за блюдом блюдо ели;
Один Флуар не ест, он мрачен,
1440 О милой мыслями захвачен.
Внимаешь обратив на вид
Его, хозяин говорит:
«Знать, про товар не перестали
Вы думать: как не быть в печали,
Большую пошлину платя!»
— «Совсем не то»,— в ответ дитя.
— «Унынье вашему сродни
Я видел в этом доме в дни
Недавние: купцов собранье,
В наш порт как будто из Испаньи
Приплывших морем, было тут.
И вот, слова мои не лгут,
Сидела дева между ними,
Звать Бланшефлор, я слышал имя:
На корабле моем такой,
Как ваша, истомясь тоской,
Здесь, точно так же, ела мало
И лишь о друге все вздыхала».
Флуар обрадовался вести:
1460 «В каком же ныне дева месте?»
Ответ: «Они ушли отсель,
Сказав, что Вавилон — их цель».
Красивый теплый плащ и чара
Серебряная — дар Флуара.
Он молвит: «Это вам, сеньор,
Благодарите Бланшефлор:

Ее ищут, увезена
Из края моего она».
Тот отвечает добрым словом:
«Пусть Иисус вернет ее вам!»
К концу обеда каждый сыт,
Снять скатерти слуга спешит,
Немедля стелят им постели:
Все, утомившись, спать хотели.
Душа Флуара разговор
Ведет бессонный с Бланшефлор,
А сам он хоть и спал, но мало:
Чуть брезжил день, едва светало,
Когда отряд был им разбужен.
1480 Готовы все, товар погружен,
Взят с первых же шагов разгон,
Пряма дорога в Вавилон.
Им в замке в эту ночь приют
С большим радушием дают.
Назавтра рано встав, с утра
Они съезжают со двора,
А ночь проводят вновь под кровом
Приютным в городе торговом,
О том услышав от людей,
Что здесь-де проезжали с ней.
На третий день, в пути пробыв
До вечера, в морской пролив
Уперлись: Ад — название края.
Над берегом дальним назирая,
Встал замок Монфелис, где тот,
Кого не миновать, живет.
Моста не видно над протокой,
Глубоководной и широкой,—
Доски нет даже. В берег вбит
1500 Лишь кол, и рог на нем висит.
Чтоб перевозчик, трубный зов
Заслышав, встретил пришлецов.

Вот те трубят: он торопливо
Пришел тотчас после призыва.
Работу кормчий знал свою:
Сажает отрока в ладью,
Оруженосцев всех и слуг;
И лошади, и каждый выюк —
Все принято на борт, и вот
Плывут купец и мореход.
Определяет кормчий взглядом,
Что благороден тот, кто рядом
Сидит с ним. «Кто вы?» — наконец
Спросил. — «Как видите, купец.
Кой-что мы в Вавилоне купим,
Кой-что из своего уступим.
Коль в этом замке место есть,
Приняв нас, окажите честь».
— «Клянусь, — ответил тот, — я сам
1520 Приют в нем вам охотно дам.
Но чем же объяснить, друг милый,
Ваш вид задумчиво-унылый?
Я видел столь же скорбный взор
(Полгода не прошло с тех пор)
У девы, проезжавшей здесь;
Таким, как ваш, и вид был весь.
Не знаю, вам она сама
Знакома ль: схожи вы весьма».
Услышав, голову он вскинул
И: «Где ж та дева?» — не преминул
Спросить. — «Эмиру продана
По въезде в Вавилон она».
И все пересказал с начала,
Пока доплыли до причала.
Гостям хватило на ночь мест,
А утром, торопя отъезд,
Флуар, сто солей за постой
Дав кормчему, спросил, к какой

Мог обратиться бы персоне
1540 За помощью он в Вавилоне,
Чтоб, знак подав, совет всегда
Услышать, коль придет нужда.
«Должны, сеньор мой,— тот в ответ,—
Вы, к Вавилону подошед
И повстречав большую реку,
Близ моста выйти к человеку,
Ибо владеет им как раз он:
Мне предан и со мною связан,
И знатный господин притом,
Имест башню-он и дом.
Меж переправами мы связь
С ним держим, прибылью делясь.
Кольцо вот это вы представьте
И, что прошу его, добавьте,
Вам лучший оказать прием.
Он даст приют — уверен в том».

Уехав от него, успели
Они достичь к полудню цели:
Близ переправы и нашла
15 Зладельца; древо псевдали
Росло, под коим стул был сделан
Из мрамора: на нем сидел он.
Одет изысканно, весь вид
О благородстве говорит.
Со всех, на мост входивших, строго
Четыре брал денье налога,
Который точно же таков
Был и с коней. Флуар, богов
Призвав, пред знатым столь лицом
Предстал с приветом и с кольцом,
То бишь от компаньона знаком,
Чтоб помогал он в деле всяком
И оказал такой прием,
Как если бы не чаял в нем

Души Был перстень в руки взят,
 Узнать его весьма он рад.
 Затем, сняв перстень свой, направил —
 С тем, чтобы гость его представил
 Жене и принят был,— к жилью,
 1580 На башню указав свою.
 Вот замок: был прием радушен
 Благодаря кольцу; конюшен
 Хватило — так что новоселье
 Пришельцы справили в веселье.
 Итак, Флуар во граде том,
 Куда был страстию ведом,
 Живет в дому мостовладельца.
 Нужда в совете у пришельца,
 Однако, есть: хоть смог попасть
 Туда, куда манила страсть,
 Но как, не взяв совета, сможет
 Все совершить он, мысль тревожит.
 На ум приходит, что свою
 Оставил далеко семью,
 Уйдя из дому безрассудно.
 «Сойтись с чужими,— шепчет,— трудно,
 Флуар. Несет простой вопрос:
 Что ищешь? — множество угроз;
 А чуть намек ты пронзнес
 1600 На правду, в шутку иль всерьез,
 Узнает тотчас от любого
 В безумье брошенное слово
 Эмир, а суд его поспешен:
 Утоплен будешь иль повешен.
 Вернись назад, коль не глупец,
 И женит там тебя отец
 На деве из семьи известной,
 Высокородной, доброчестной».
 — «Я вне себя,— Amor в ответ.—
 Вернуться, милой не нашед!

Иль прибыл ты не за любимой
Сюда, покинув край родимый?
Или забыл ты, как на днях,
Стилет свой выхватив, замах
Им сделал, чтоб убить себя?
И вспомнить вдруг про дом, скорбя!
Вернись: из-под родного крова
Сюда за ней приедешь снова.
Жить врозь — неисполнимый план.

- 1620 Коль думашь о том, ты пьян.
Все злато, все, что мир так ценит,
Тебе подруги не заменит.
Останься; что за нетерпеж!
Быть может, ты ее вернешь:
Предотвратить побег иль кражу
Такого зверя — трудно стражу.
Узнав, что здесь ты, хитрый шаг
Предпримет; даст, коль может, знак:
Интриг искусных много начал
Амор и многих одурачил.
Ведь делает, коль хочет, бог
Немало дел за малый срок».

Так шло сражение, в котором
Верх постепенно за Амором.

Вошел хозяин между тем
К Флуару; видя, что стал нем
Он по причине неизвестной,
Сказал: «Благой и многочисленный
Сеньор, грустите вы о чем?

- 1640 Иль не по вкусу вам прием?
Что плохо, коль могу, исправлю,
Чего недостает, добавлю».
— «Как вы любезны,— тот в ответ.—
Но, ваша милость, жалоб нет,
Всего довольно, все исправно:
Дай бог вознаградить мне равно

Вас за гостеприимный кров
И благосклонность ваших слов.
А думаю о том, готов ли
Я к предстоящей мне торговле:
Боюсь, что в сделку не вступлю,
А и вступлю, продешевлю».
Хозяин — человек любезный:
«Пора нам сесть за стол трапезный,
А после вам совет я дам,
Всем поделюсь, что знаю сам».
Хозяин, кончив так беседу,
Жену, пока все шли к обеду,
Позвал: «Вам отрок столь красивый
1660 Встречался ль? Будьте с ним учливой».

Флуар меж ним и ясноликой
Хозяйкой с почестью великой
Усажен. Стол накрыт богато:
В сосудах из серебра и злата
Кларет и пенистые вина,
И старые, и медовина.
Все блюда, кажется, в налицье
Из птиц домашних и из дичи;
Кабанье мясо и олень
Несут на стол без промедленья.
Гусей, и журавлей, и дроф,
И цапель, и перепелов,
И уток подано немало.
Когда наелись до отвала,
Дайрес-хозяин, чтоб заесть
Обед, велит плоды принести:
Гранатов, смокв и груш в избытке
(Для освеженья — к ним напиток),
Каштаны, персики — в том крае.
1680 Обильны фруктов урожая.
Вкусив плодов, изведав вин,
Все веселы. Флуар один

На кубок тот глядит в упор,
Который дан за Бланшефлор,—
Поставлен был пред ним на стол он,
Вином прозрачней влаги полон.
В картину, где Елены друг
Парис никак ее из рук
Не выпустит, вперенный взор
Поймал и начал вновь Amor:
«Зажгись желаньем, коль ты видел,
Как милую Парис похитил!
О, дотерплю ль до тех я пор,
Что ты похитишь Бланшефлор?
Давай! Флуар, конец обеду,
Вступи с хозяином в беседу».

Томится он, не рад застолию
Столь долгому. Что тайной болью
Он мучим, смутен и уныл,
1700 Не раз хозяйки взгляд ловил.
Струился книзу с нежных щек
Из глубн сердца слез поток:
Ткнув мужа, чтоб взглянул, печали
Она не прячет. Гости встали,
Скатерки сняты: за столом
Остались лишь они втроем.
Муж начал: «Юноша благой,
Коль вы заботой и тоской
Измаяны, признайтесь в этом,
Потщусь я вам помочь советом.
Откройте, что заботит вас,
Ведь взято для отвода глаз
Сукно: вы не торговлей мелкой
Займетесь, а иною сделкой».
— «С ним,— Ликорис тут говорит,—
Сижу, а предо мною вид
Прелестной Бланшефлор-бедняжки,
Уж не его ль сестры-двойняшки?

Как у нее, все естество,
 1720 Лицо, фигура у него,
 Меж ними близкое родство,
 Поскольку сходство таково.
 Пятнадцать дней здесь утешений
 Иных не знала, кроме песней
 И слез, все о Флуаре днем
 И ночью плача, все о нем.
 Как повели ее отсюда,
 Чтоб продавать эмиру, худо
 Ей стало; здесь она, у нас
 Жила». Флуара так потряс
 Рассказ, что, растерявшись, вдруг
 Он выпалил: «Не брат, а друг».
 Опомнясь, тотчас на попятный:
 «Нет, брат: в ответе смысл превратный;
 Забудьте; дан он невпопад:
 Она сестра мне, я ей брат».
 Дайрес ему: «Нет для испуга
 Причин. Что ваша цель — подруга,
 Признавшись, правду бы могли нам
 1740 Сказать, чьим будете вы сыном».
 Тот молвит: «Я, мой господин,
 Бог видит, королевский сын.
 За Бланшефлор, подругой милой,
 Увезенной из дома силой,
 Гонюсь по этой я стране,
 И тяжко, и тревожно мне.
 Имею я сребра и злата
 Довольно: щедрой будет плата
 За ваш, сеньор, совет уместный.
 Но в деле сем конец известный:
 Ее отсюда заберу
 Иль с горя от любви умру».
 Дайрес в ответ: «Жалка кончина,
 Безумье какой причина.

Не обнадёжу похвальбой,
Что дать могу совет благой,
Но разберу я, как умею,
Удастся ль выполнить затею.
На мой взгляд, дело безнадежно,
1760 Зато лишиться жизни можно:
Эмир, про то узнав, тотчас
Велит предать мученьям вас.
Нет королей у нас в краю
Таких — от вас не утаю,—
Чтоб, к золоту ль в подобном деле
Прибегнув, к силе ль, преуспели.
Ни хитрость здесь, ни колдовство
Не стоят, право, ничего.
Коль у эмира все, кто ныне
Жив и кого уж нет в помине,
Ее старались умыкнуть,
Не удалось бы им отнюдь.
Имёт под рукой своей
Сто пятьдесят он королей,
Что в Вавилон готовы сразу
Явиться по его приказу.
По двадцать лье наш Вавилон
Имеет с каждой из сторон:
Кто стены строил, те работу
1780 Вели по тонкому расчёту.
Цемент столь прочен, что едва ль
Его пробьёт любая сталь.
А высота тех стен с оградой
Пятнадцать ростов: их осадой
Не взять. Внутри — сто сорок врат,
А сверху — мощных башен ряд,
Под коими царит веселье
Торгов все восемь дней недели.
А внутренних коль башен счет
Вести, их больше семисот,

- И в каждую вселен вассал
С тем, чтобы город охранял:
Слабейший — даст врагу отпор,
Будь то король иль альмансор;
Сам римский император страшен
Не больше их владельцам башен.
Ни приступом, ни силой тать
Не может Бланшефлор забрать:
От всех уловок есть защита,
1800 От всех воров надежно скрыта.
Есть в центре башня кладки древней,
По высоте, знать, сотни две в ней
Туаз и сто туаз длина,
Вся круглая, как печь, она.
Зеленораморные плиты
По стенам деревом не крыты.
Как колокольня, свод высок,
Верх кровли — золотой конек.
Все шесть десятков футов шпиля
Сверкают золотом Пюиля,
Да весит золото конька
Уж марок сто наверняка.
Карбункул в край искусно вделан,
Чтоб негасимо там горел он:
И впрямь, с той высоты лучи,
Подобно солнцу, он в ночи
Струит по городу всему,
Столь ярко озаряя тьму,
Что ходят слуги здесь не зря
1820 Без факела и фонаря.
Коль путь купца, иль пилигрима,
Иль рыцаря проходит мимо
Стен города, отыщет всяк,
Застань его полночный мрак
На суше где-нибудь иль в море,
Дорогу правильную вскоре;

Кто хорошо ее изучит,
Тот знаний множество получит,
Участье предков там достойных
Увидев в подвигах и войнах.
И спальню каждую готовой
Эмир для девы держит новой,
Веля принять и чтить их всех,
Прибывших для его утех.
По лестнице проходят ближней
На верхний там этаж иль нижний.
А в центре этажа проход
Через беседку вниз идет
Ступенями, пробиты кои
В стене, в эмировы покои.
И лишь по этой из всех лестниц
На зов его ведут прелестниц.
Сто сорок дев всегда в наличье
1880 В той башне: сладостны обличья
У всех красавиц без различья;
Название башни той — Девичья.
Кто получает в ней приют,
Все службу по двое несут:
Избрашницы стоят при ложе
Пред сном и при подъеме тоже,
Одна — умыться предлагая,
И с полотенцем ждет другая.
Трех, башню сторожить пригодных,
Мужей без членов детородных
Нашли: по стражу на этаж,
Плюс самый хитрый — главный страж.
Всем страх внушает, так он зол:
Давать сигнал, что сесть за стол
Пора, ко сну иль на побудку
Доверено лишь псу-ублюдку.
Стоят с оружием сторожа,
Копье или кинжал держа

И чьи за двадцать лье стези
Лежат, все видят, как вблизи.
Три этажа всего в высокой
Той башне; в зодчестве был докой
Стронтель: мрамором мощен
Весь низ; два верхних без колонн
Опорных сладить удалось —
К столбу, идущему насквозь
Вверх от фундамента до шпиля,
Их посредине прикрепили.
Пробита в мраморе столба,
Прозрачном, как хрусталь, труба:
По ней, прозрачна и свежа,
1840 Фонтаном вверх до этажа
Последнего восходит влага.
Искусный зодчий всем на благо
Так сделал, чтоб лилась струя
Вниз с третьего через края:
Водою столб питает влажный
Всех в этой башне трехэтажной,
И дамам, коль есть нужда,
Берется на втором вода,
Где спальни их, числом сто сорок,—
Воздаст хвалу без оговорок
Всяк, кто увидит, их красе.
Из мрамора колонны все.
Пошла чинара на перила,
Чтоб дольше дерево не гнило.
А для оконных взято рам
Эбеновое древо там
И мирт: свозить, откуда можно,
Велел их в башню неотложно
Эмир — ни гадов нет, ни змей
1860 Теперь, ни насекомых в ней.
Цвет золотой примешан к сини
На скрывшей потолок картине;

В руках: и днем и ночью кто-то
1900 Сей башни стережет ворота,
И не простак отнюдь несет
Ту службу в нише у ворот.
Впрямь не до шуток: даже птица
Не сможет, пусть хоть как стремится,
Попасть туда — ее полет
Прервать он способы найдет».
Привратник этот, правду скажем,
Был опытным и верным стражем,
Так что весьма владыке мил;
Но если б как-то уловил
Он стража в том, что тот слукавил,
Его бы там он не оставил.
Но был привратник гордецом
И вел себя глупец глупцом
Порой, в чем убедить я вас
Осмелюсь, изложив рассказ
О том, как преуспел в обмане
Флуар, быв щедрым на даянье.
Стеречь оставим стража дверь:

1920 Напомню вам о том теперь,
Что все хозяин хочет честно
Поведать, что ему известно.
Подбадривает он опять:
«Флуар, не надо унывать:
Хоть бдителен и зорек страж,
Но разговор не кончен наш.
Пусть кем-то даже ход разведан,
Чтоб пошпионить, но коль не дан
Был допуск в башню лишь самим
Эмиром, тотчас он судим.
Эмир схватить его велит,
И будет он нещадно бит.
Четыре часовых, которым
И день, и ночь ходить дозором

Поручено, коль их встревожит
 Чье приближенье, внутрь доложат.
 Эмир завел обычай: год
 Быть с той женою, изберет
 Которую, затем отставка
 1940 И к палачу на казнь отправка:
 Пусть ту никто из лиц ученых
 Иль рыцарей не держит в женах,
 Кого решил он предпочесть;
 Затем другой такая ж честь.
 Когда же повую из дев
 Он выбирает, повелев,
 Чтоб в сад их выводили слуги,
 То стынет каждая в испуге:
 Та, коей честь окажут, сгинет
 И гибели никак не минет.
 Теперь пора сказать про сад
 И для чего прийти велят
 Туда им. Чтобы цвел столь пышно
 Сад столь большой, нигде не слышно.
 Наложен на глухой забор
 Лазурно-золотой узор,
 И ряд, поверх его зубцов,
 Сидит диковиных птенцов,
 Из бронзы сделанных: едва ли
 1960 Подобных где-нибудь видали.
 Дунь ветер, испускают трель,
 Какой не слышал мир досель.
 И тигр, и леопард, и лев,
 Все звери дикие, напев
 Услышав этот, понемногу
 В тоску впадают и тревогу.
 Звучит над садом, в нежный час,
 И явственно певуний глас,
 И неправдоподобно сладко:
 Скворец, и соловей, и славка

Звенят, и с жаворопком дрозд,
И зяблик с иволгой, и клест.
То беззаботную отраду
Певуни разольют по саду,
То, всполошась, споют куплет
О том, что милых рядом нет.
С другого там, я знаю, края —
Река: она течет из рая
И называется Евфрат.

- 1980 Так ею окружен весь сад,
Что внутрь попасть сумел бы кто-то
Посредством разве что полета.
И множество таится в ней
Редчайших дорогих камней:
Сапфиры есть и халцедоны,
И сардониксы, и цирконы,
Рубины, бирюза, опалы,
Хрусталь и яшма, и немало
Других — название каково
Их, не слышал ни от кого.
Все время сад стоит в цветенье,
И не смолкает птичье пенье.
Деревья всех на свете стран:
Инжир, боярышник, платан,
Эбеновое, видов всех
Кустарник, персик и орех,
Все, что приприсит ценный плод,
В избытке в том саду растет.
Корицы, перца, розмарина,
2000 Гвоздики, кардамона, тмина
И прочих пряный аромат
Благоуханьем полнит сад.
Нет человека — хоть на запад,
Хоть на восток пойти, — чтоб запах,
Нечаянно туда понав,
Вдохнул цветов и пряных трав,

Увидел, как вокруг красиво,
 Услышал трелей переливы
 И щебетанье птичьих стай
 И не сказал, что это рай.
 Среди сада, луг напосвая,
 Струится влага ключевая
 По стоку: сделан сток с бугра
 Из хрусталя и серебра.
 Над ним раскинуло свои
 Побегн дерево любви —
 Так, всех днвя, оно зовется.
 Всегда в цветах: один сорвется,
 Другой немедля расцветет.

2020 В том, как стоит оно, расчет
 Искусный виден, ибо ало,
 Когда ни посмотреть: немало
 Знал о природе, кто сажал,—
 Достоин замысел похвал.
 Луч солнечный его с рассветом
 Раскрашивает алым цветом,
 А переменные ветра
 Колышат с самого утра.
 И повисают в гуще кроны
 Все время новые бутонь.
 И, цель преследуя свою,
 Эмир велит, чтоб шли к ручью,
 Который из ключа струится
 По золотому дну, девицы.
 Им желоб перейти веля
 Из серебра и хрусталя,
 Следит, как те поочередно
 Идут, притом ему угодно
 Чтоб были и из присных судьи

2040 При вот каком великом чуде:
 Проходит дева вдоль ручья —
 Прозрачна и чиста струя,

Но стоит женщине шагнуть
К воде, в ней закружится муть.
Кто уличен, судьбы не мишет:
Палач убьет и в воду кинет.
Когда же, наконец, всем девам
Велят пройти под дивным дровом,
Он выберет на этот год
Ту, на кого цветок спадет.
Прост весь избранья ритуал:
Ту, на кого цветок упал
На первую, тотчас венчают
И дамой царства величают.
После чего он в брак с ней вступит,
Воздаст ей почести, пролюбит,
Напомню, как супругу, год,
Затем замучит и убьет.

При этом, если удостоит
2060 Кого внимаем, то устроят
Так, чтоб упал по волшебству
Цветок ей первой на главу.
И в день, что через месяц ровно
Настанет, всех он поголовно
Баронов царства своего
Здесь соберет на торжество.
И на себе, по слухам, женит
Он Бланшефлор; всех больше ценит
Ее: среди ста сорока
Нет столь прекрасного цветка.
Чтоб приступила к службе, хочет,
Скорей, и даты не отсрочит
И, медленность часов кляня,
Не верит, что дождется дня».

Флуар ответил: «Что ж, спасибо,
Считайте, что я умер, ибо,
Коль сделает эмир женой
Ее, все кончено со мной.

Дайрес, как дело я расстрою?
2080 Нет, брошу вызов! Головою
Клянусь, что жизни соглашусь
Лишиться, милой коль лишусь».
В ответ хозяин: «Если столь
В душе из-за подруги боль
Сильна, что, потеряй ее вы,
Жизнь потерять саму готовы,
То слушайте: совет подам,
Все вам открыв, что знаю сам.
Пойдите завтра к башне; зодчим
Прикньтесь: как бы между прочим,
Длина в ней сколько футов вся,
Измерьте, вверх глаза кося.
К вам подойдет привратник злобный
Тотчас — изложите подробный
И убедить его способный
План о строительстве подобной
В пределах собственной земли:
За тем сюда, мол, и пришли.
Решив после таких речей,
2100 Что, верно, вы из богачей,
Он с вами сблизится, быть может,
И в шахматы сыграть предложит,
Ибо от шахмат без ума
Он и партнерам рад весьма.
Кладите, чтоб платить ему,
Сто унций золота в суму —
Нет смысла, денег не имея,
Идти, провалится затея;
Достигнута же будет цель,
Наоборот, через кошель.
Коль выиграть удастся что,
Верните все плюс ваших сто,
Сей ход его обескуражит:
Вновь пожелав играть, он скажет,

- Чтоб завтра вы пришли опять,—
Тут вам согласие надо дать.
Возьмите золота запас
Двойной, и выигрыш тотчас
Верните плюс что есть у вас,
2120 Как бы сыграв в последний раз.
Он, в изумленье от такого
Поступка, пригласит вас снова.
Охотно, скажете, мне мил
Прием ваш, я вас полюбил;
И золото, и серебро
Есть у меня: за то добро,
Что сделали вы и сказали,
Вознаградить смогу вас вмале.
С утра, имея в кошельке
Четыре унции, в руке —
Ваш кубок, к двери шахматиста
Явитесь. Выиграйте чисто,
Но куш и золота запас
Отдайте; он на кубок глаз
Положит и сыграть тотчас
Предложит на него: отказ
Дадите вы. Он, чтоб беседу
Продлить, вас пригласит к обеду,
Ликуя, что его казна
2140 Вдруг стала золота полна.
Учтивый оказав прием,
Он вам услужит за столом,
Но, будучи лишь кубком занят,
Чтоб продали, просить вас станет:
Мол, торговаться хоть горазд,
Но марок тысячу отдаст.
Скажите, что без всяких марок
Получит он его в подарок.
Так тонко будет проведен
И златом одурманен он,

Что ниц падет, предложит дружбу
И к вам пойти захочет в службу.
Извольте службу и присягу
Принять, что будет вам ко благу,
И дар любви подобоострастной
Он принесет как вам подвластный.
Тут можете открыть вы вдруг,
Какой терзает вас недуг:
Коль сможет, помощь вам предложит,

2160 Не сможет, так никто не сможет».

Такой совет Дайресом дан;
Флуар благодарит за план,
И оба требуют вина,
Лишившись от раздумий сна.

Встав поутру, Флуар Дайресом
В дорогу собран. С интересом
На башню стал со всех сторон
Глядеть, придя к подножью, он.
Но резкий окрик стража страшен
Был столь, что он им ошарашен:
«Кто вы, что башню озирать
Пришли, лазутчик или тать?»
— «Нет,— отвечает,— растолкую
Причину вам: хочу такую
Построить у себя в стране,
Лишь бы в нее вернуться мне».
Сколь разговор его приятен,
Услышав и, сколь видом знатен
Он и прекрасен, разглядев,

2180 Меняет тот на милость гнев:
«Нет, вы не кажетесь шпионом»,—
И в шахматы другим уж тоном
Зовет играть. Сыграв, Флуар,
Как научил хозяин, дар
Вручает; верно план рассчитан:
Весьма смутясь, благодарит он

И просит приходить опять
Сюда с ним в шахматы играть.
На сей раз вложено в суму
Две сотни унций, и тому
Пришлось поставить двести на кон
Флуара верх, играет так он:
Турой фигуры быстро бьет
И молвит *Шах*. Удачный ход!
Привратник, видя, что пора
Ему сдаваться, что игра
Проиграна, весьма расстроен,
Но вмиг Флуаром успокоен:
Не взял тот выигранных ставок
2200 И отдал, что принес, вдобавок.
Играть мне больше не с руки
Сказал — и встал из-за доски.
О расставанье сторож слушать
Не хочет и зовет откушать
К себе и чтит того, полна
Чьим золотом его казна.
Но сам всецело кубком занят
И молвит, что купить так тянет,
Что хоть и дорог, без торгов
Дать унций тысячу готов.
«Зачем мне золото! — Флуар
В ответ.— Примите кубок в дар,
Что приведет к не меньшей мзде,
Узнай вы о моей нужде».
Клянется, кубок взяв, что верен
Он в службе будет; неумерен
Его восторг: немедля в сад
Свести развлечься гостя рад.
Пал ниц; Флуар спешит присягу
2220 Принять: послужит-де ко благу.
И тот в любви подобострастной
Клянется как вассал подвластный.

Флуар ему: «Теперь могу
Открыться, верного слугу
В вас видя. Мне нужна услуга:
Тут в башне у меня подруга,
Та, Бланшефлор кого зовут.
Так мучусь страстью, что за труд
Не счел в столь дальние края
Путь из земли испанской я.
Сеньор, прошу у вас защиты!
Вам все дела мои открыты.
Конец таков: иль заберу
Ее с собой, иль здесь умру».
Привратник, выслушав, стал мрачен,
Ибо узнал, что одурачен:
«Задумав хитрость, вы сумели
Достичь посредством денег цели:
Мой алчный нрав виной тому,
2240 Чрез деньги ваши смерть приму.
Я дела не могу ни справиться,
Ни, вами связанный, оставить.
Удача ждет или беда,
Вам клятва данная тверда,
Но мнение мое такое,
Что здесь погибнем мы все трое.
Пока ступайте в свой приют,
На третий день вновь будьте тут:
Обдумать все — моя задача».
Флуар ему на это, плача:
«Чрезмерно срок велик», — сказал.
В ответ привратник: «Мне он мал;
О смерти мыслей не откинуть,
Коль суждено наверно сгинуть.
Сеньор Флуар, какой здесь ход
Найти, не ваших суть забот:
Вы ждете лишь с подругой встречи,
Не так ли, нет о прочем речи».

- Флуар уходит. Ум напряг
2260 Привратник, как бы сделать так,
Чтобы флуарова товарка
В день третий дождалась подарка.
В большие — план его таков —
Корзины пусть нарвут цветов.
Инфант Флуар, веселья полон.
В срок появляется. Пришел он
Одетый в алое блио:
Условье стража таково,
Чтоб у того, во что одет,
И у цветов один был цвет.
Подарки страж велит отправить,
Чтоб к месту их скорей доставить:
Подарки же корзины суть.
В одну Флуар спешит шагнуть:
Глаза закрыты, недвижим;
Уладил страж цветы над ним.
Готовы двое слуг к работе:
«Корзину в башню понесете,
Наверх, и с ношею такой
2280 К юнице Бланшефлор в покой
Близ лестницы войдете дальней,
Соединяющей со спальней
Эмира. Скажете, что я
Послал: клянусь, должна моя
Затея быть ему приятна.
А вы — немедленно обратно!»
Цветы взвалили; пригнела
К земле их кладь, так тяжела:
В том, что цветов полно, причину
Находят и клянут корзину.
Взошли по лестнице крутой,
Но к комнате идут не той:
Где Бланшефлор томится дева —

- Направо, а они — налево.
Цветы сгрузивши, преподносят
Той, что стоит пред ними, просят
Принять подарок, говорят,
Кто их отправил,— и назад.
К корзине подбежав, девица
- 2300 И радуется, и дивится
Цветам, признательна за дар.
И тут-то выпрыгнуть Флуар
От радости, что близ подруги,
Наружу вздумал. Та в испуге,
Но все ж, преодолевая страх,
Кричит: «Ах, чудо вижу, ах!»
Не чудом поражен, а страхом,
Флуар вскочил в корзину махом
Одним: попав в чужие стены,
Решил, что жертвой стал измены.
В цветы мгновенно весь он влез:
Как бы и не было, исчез.
Стремглав подружки на разведку
Сбежались, услышав соседку,
И любопытствуют: небось,
Уж что-то, коль кричит, стряслось.
Та успокоиться успела,
И лишь до Бланшефлор ей дело:
Дружа с ней, знала, каково
- 2320 Тоскует и из-за кого.
Итак, она, поняв, в чем дело,
Заводит разговор умело:
«В цветах сидевший мотылек
Вспорхнул, моих коснулся щек
Крылом, и, что к чему, сначала
Не разобрав, я закричала».
Смеясь, уходят все: она
Вновь остается с ним одна.
Она была дочь короля

Германского: они, деля
Плененье с Бланшефлор, и дружат,
И в срок эмиру в паре служат;
Хоть красотою не равна с ней,
Но прочих в башне — всех прекрасней.
Мгновенный сделала расчет
И к Бланшефлор в покой идет.
Живет напротив та; не сразу
Сказать о главном должно фразу:
Без милого ей жить невмочь,
2340 О нем тоскует день и ночь.
Покои разделялись дверью,
И, по взаимному доверью,
Одна к другой, в нее прошед,
Ходили часто для бесед.
Кларис ту звали; в разговор
Она вступает с Бланшефлор:
«Хотите ль, Бланшефлор, дружок,
Взглянуть на сладостный цветок,
Вмиг восхититесь вы которым,
Когда его коснетесь взором?
Такой — не здешних мест былье».
Не верит та словам ее.
«Узнав, его сдадитесь чарам,
И вам моим он будет даром».
— «Кларис,— ей Бланшефлор,— увы,
Зачем так зло язвите вы?
Клянусь, что место среди грешниц
Вам, самой дерзкой из насмешниц».
— «Юнице, коей цель — отрада
2360 В любви, цветок увидеть надо».
— «Сестрица милая Кларис,
Жизнь на исходе, срок уж близ.
Эмир сказал, что вступит в брак
Со мной: он попадет впросак.
Уж если Бланшефлор Флуаром

Потеряна, лишь время даром
Он тратит: на обман любой
Пойду — покончу я с собой.
Жить без него с другим ли милым,
С другим ли мужем — не по силам».

Испытывая жалость к ней,
Та умоляет лишь нежней:
«Цветок, коль движимы любовью,
Должны увидеть — вот условие!»
Заклятье это услышав,
С ней Бланшефлор бежит стремглав.
Флуар, внимая этой речи,
Не в силах долее ждать встречи
С подругой, из цветов возник:

- 2380 Открыто сердце, ясен лик;
Красавцев нет, сравнимых с ним.
Вот узнан вмиг и въяве зрим
Он Бланшефлор, им въяве зримой:
Любимый с нею, он с любимой.
Бросаются друг к другу, в речь
Не могут свой восторг облечь,
Но чувств нахлынувших не прячут
Флуар и Бланшефлор — и плачут.
Сливает их в одно порыв,
Целуются, себя забыв,
И страстны столь такие вспышки,
Что делать надо передышки.
Им каждый поцелуй давал
Понять, каков любви накал.
Остыв, хотят не разговором,
Но вздохом выразить иль взором
Любовь. Кларис глядит, как страстью
Захвачены они, и счастью
Их рада; говорит со смехом:
2400 «Как, Бланшефлор, цветок? Утехам
И радости предались вы,

А были чуть ли не мертвы.
Чтоб исцелить, цветку потребен
Был малый срок, столь он целебен.
То поглядеть не шли его,
То вам дороже он всего.
Лишь если б длить хотела муку,
Я длить должна была б разлуку».
— «Глянь!— молвит Бланшефлор.— Кларис,
Флуар мой это, вот сюрприз.
Потом ему: «Благодарите
Ее за дивное открытие».
Наперебой благодарят
Кларис, и каждый, плача, рад
Сказать, что без ее защиты
Мертвы уж были б иль убиты.
Та отвечает благородно:
«Прочь беспокойство! Да угодно
Вам будет знать, что огражу
2420 (Клянусь вам всем, чем дорожу)
От бед, предавшись вам всецело,
Как если бы себе хотела
Помочь, будь мой таков удел».
Флуар тотчас повеселел.
И вот уж Бланшефлор введен
В ее покой роскошный он.
Проходит сразу с ней в альков он,
Который шелком драпирован,
Чтоб обсудить, сев на постель,
Вдвоем все бывшее досель.
Сперва звучит Флуара слово:
«Я счастлив, что конца такого
Дождался, завершен мой труд,
Мне удалось найти вас тут.
· Был к смерти близок я, был тяжек
Мой подвиг, я себе поблажек
Не делал и не знал забав,

- Вас так внезапно потеряв.
Но, ныне обрета, подруга,
Уже не чувствую недуга».
- 2440 — «Да тот ли это, впрямь, Флуар,
Что был отправлен в Монтуар
И разлучил коварно с кем
Король-отец меня затем?
Узнайте, нежный друг и милый,
Что вас люблю я с прежней силой.
С тех пор отрадной у меня
Ни ночи не было, ни дня.
Ужель вы здесь после всего?
Должно быть, это волшебство:
Вот взглядом я сейчас вас мерю,
А в то, что это вы, не верю;
Но вас люблю, кто вы ни будь;
Приблизьтесь, к вам хочу прильнуть».
- Он в замешательстве не стынет,
Но льнет — и нежно ею принят.
Теперь привольно их житье:
Вкушают пищу и питье
И предаются без помехи
- 2460 Отраде всякой и утехе.
Кларис, покой их сторожа,
Обоим ревностно служа,
Еду себе и им попутно
Несет, чтоб было всем уютно.
Длись жизнь и дальше таково,
В ней не менять бы ничего.
Флуар и Бланшефлор в любви
Все проводили б дни свои.
Но нет, по праву то Фортуне,
Чтоб их любовь пропала втуне:
В жизнь вторгшись и в любовь, бесстыдно
Открыла всем, что ей завидно.
Забавы ради ей ничуть

Не жалко колесо толкнуть
И, чтоб исполнить свой каприз,
Обоих сбросить сверху вниз:
Уж таковы ее забавы,
Заботы, естество и нравы,
И испытал, кто жил в миру,
2480 Всяк на себе ее игру.
Фортуны неустойчив нрав:
У тех отняв, а этим дав,
Семь раз сменив стезю свою
Между одним и девятью,
Не смотрит вовсе на обличье,
На доблести или величье,
И попадает дуралей
В число князей и королей,
В епископы выходит нищий,
А добрый клирик скудной пищей
Довольствуется. Тот, кому б
В ней мнилось постоянство, глуп;
Кто примет дар ее на веру,
Тот примет за любовь манеру.
То насылает плач, то смех,
То вдоволь тягот, то утех:
Предав отраде и покою,
Вдруг ранит гневом и тоскою.

Была уж на ногах с рассвета
2500 Кларис благая, и одета.
Вот Бланшефлор она зовет;
Та ей: «Идите, я вот-вот».
Пробормотала эту фразу
Сквозь сон и вновь заснула сразу.
Меж тем Кларис к эмиру входит,
Тот о подруге речь заводит:
Из-за каких таких причин
Нейдет. Та молвит: «Господин,
Читала книгу до рассвета

- Всю ночь про то, как жизни лета
Продлить вам; не сомкнула глаз
И спит, хоть день настал, сейчас».
— «Кларис, да так ли, в самом деле?»
— «Да, господин». — «Прекрасны цели
Ее, коль хочет, чтобы жив
Я дольше был, и благ порыв».
Но про себя жалеет оы,
Что общества ее лишен.
Назавтра все опять сначала:
- 2520 Кларис с постели первой встала,
Речь к Бланшефлор ее нежна:
«Вновь мы заспались допоздна».
Та молвит: «Я почти готова,
Успею с вами, право слово».
Тут друг ее в объятьях сжал,
Она — его; от страсти шал,
В лобзанье к ней приникнул он,
И вновь сморил обоих сон:
Хотят уста с устами слиться,
Касаются друг друга лица.
К столбу, взяв таз, идет Кларис
Набрать воды, бегущей вниз,
И кличет вновь, придя обратно:
«Подруженька!» — четырехкратно;
Не слыша ничего в ответ,
Подумала, что той уж нет.
Идет к эмиру; тот с постели:
«Куда же Бланшефлор вы дели? —
Ей молвит. — Плохи, знать дела,
- 2540 Коль, перемешкав, не пришла».
Кларис не знает, что ответить:
«Я думала ее здесь встретить,
В одно мы время с нею встали.
Коль не пришла, придет едва ли:
Пойдя, не сбилась бы с пути».

Другой причины не найти».
Эмир прибегнуть к срочным мерам
Решил и шлет за камергером:
«Пойди за Бланшефлор: я ей
Велю спуститься поскорей».
Кларис не замечая, тот
Немедленно наверх идет.
У самой спальни с ним оплошка
Случилась; чрез стекло окошка
Глядит в альков и видит: спят
В постели двое, и, на взгляд,
Кларис и Бланшефлор то лица.
Как, спросите, мог ошибиться?
Но у Флуара не растет

- 2560 Усов еще, он безбород,
И в башне нет столь нежных лиц
Ни у единой из девиц.
Тот, видя, как во сне лелеет
Одна другую, их жалеет,
Смущается, назад идет,
Чтобы эмиру дать отчет:
«Мне кажется, я видел чудо,
Ибо такой любви покуда,
Как меж Кларис и Бланшефлор,
Еще ничей не видел взор.
Так обе спят они прелестно,
Друг к дружке прижимаясь тесно,
Лицо к лицу и рот ко рту,
В объятьях эта нежит ту.
От жалости мне неохота
Будить их стало, столь дремота
Их сладостна и вид пригож».

Кларис тотчас бросает в дрожь.

- Сошли с лица эмира краски
2580 От слов, что с кем-то делит ласки
Она. «Подайте, — молвит, — меч,

Взгляну, кто с ней посмел возлечь.
Кларис-то здесь; твоя промашка».
Эмир встает, на сердце тяжко;
Не знает, как теперь поступит,
Что скажет, раз другого любит
Высокородная столь дева.
Едва сдержался он от гнева,
Затем, на камергера зол,
С ним вверх по лестнице пошел.
Вот в спальню, вынув меч из ножен,
Вступил, весьма быв осторожен,
Окно, чтоб солнце внутрь вошло,
Открыл, и сделалось светло:
Два отрока, друг к другу нежно
Прижавшись, спали безмятежно,
И рот ко рту во сне приник.
Сражен сильнейший из владык!
Ну что ж, он радость их предложит
2600 В печаль, коль бог им не поможет.
Уж солнцем комната полна,
До мелочей освещена:
В разгаре день. Эмир подавлен,
На спящих взор его направлен:
Вмиг Бланшефлор узнал, но с кем
Она, не знает он совсем.
Флуар лежит с подругой рядом,
Но в нем мужчину беглым взглядом
Не угадаешь: не растет
Усов еще, и безбород,
И, кроме Бланшефлор, в красе
Ему уступят в башне все.
Эмир узнать, кто с ней, не может,
Его жестоко ревность гложет;
Вот стиль любви и существо:
Чего боишься, жди того.
Он молвит камергеру: «Грудь

Откройте им, хочу взглянуть.
Кто это, по грудям рассудим,
2620 После чего их и разбудим».
Открыл: доказывает вид,
Что все ж мужчина там лежит.
От мук лишился дара слова
Эмир; к убийству все готово;
Потом решил, что, кто же тот,
Узнает и тогда убьет.

Тем временем они проснулись
И, изумившись, ужаснулись:
К эмиру их прикован взгляд,
От страха отроки дрожат
И понимают, видя меч
Вблизи, что смерти не избежь.
Льют Бланшефлор с Флуаром слезы:
От смертной не спастись угрозы.
Допрос тут начат: «Кто вы есть,
Хитрец, дерзнувший в башню влезть
И в этом оказаться мөсте,
Чтоб с Бланшефлор улечься вместе?»
Клянусь богами, вы без чести

2640 Умрете, не избегнув мести.
Убью и вас, и потаскуху,
Чтоб вашего не стало духу!»
Те плачут, так друг друга жаль,
В их взорах слившихся печаль.
Флуар ему: «Не надо так.
Бог видит, наш поступок благ.
Друг другом издавна любимы,
Ко встрече неуклонно шли мы».
Отсрочить казнь эмира молит,
Пусть, дескать, если и заколет,
То, для суда созвав весь двор,
Сперва выносит приговор.
Приказ таков: с одра совлечь;

Связать; чтоб не ушли, стеречь;
Вассалы же, о чем тут речь
Узнав, свой суд должны изречь.

- Давно уж в городе, все в сборе
Бароны, ибо праздник вскоре,
То бишь тот день, в который он
2660 Торжественно меняет жен.
Тут император, альмансор,
Граф, герцог, короли, весь двор.
К молчанью знак дает баронам
Эмир: сейчас откроет он им
Свое желанье. Всякий звук
Умолк, безмолвны все вокруг.
Тоску и гнев едва снося,
На свой этаж он поднялся:
«Сеньоры, выслушайте дело,
Чтоб прямо рассудить и смело
О нем; чей будет суд не прям,
Тех смерти, не смутясь, предам,
Поскольку будет совокупно
И цель, и речь его преступна.
Вы все, сеньоры, весь наш двор
Наслышаны о Бланшефлор,
Той, за кого изрядной плата
Была, ибо я отдал злата
Груз тяжелей ее в семь раз:
2680 Два месяца она у нас.
Ей в красоте, как ни пригоди,
Все уступают; мне дороже
Она без всяких оговорок
Всех в башне дев, а их сто сорок.
Служить ей, чтить ее велел,
Завидным был ее удел:
Она, возлюбленная мною,
Мне стать должна была женою.
Мне улаживать было угодно.

Ее за то, что благородна.
Прислуживала мне она,
Когда вставал я ото сна.
Но вот вчера ее при ложе
Не оказалось, нынче тоже,
И камергер был, наконец,
Мной послан. С ней лежал юнец,
Которого за деву счесть
Он вздумал. Я, услышав весть,
Взбежал наверх и, разглядев
2700 Обоих, впал в ужасный гнев:
От мук лишился дара слова,
К убийству было все готово.
Вот мой рассказ, сеньоры. Ради
Творца, молил он о пощаде:
Пусть-де убью, но прежде двор
Собрав, чтоб вынес приговор.
Впрямь, я свершил бы зло из зол,
Коль без суда их заколол.
Вы ж, это выслушав известье,
Отмстите за мое бесчестье».·
Встает тотчас король один:
«Сеньоры, вот, наш господин
Поведал о своем бесчестье.
Послушать стоило б известье
О том противной стороны,
Пока не приговорены
Они. Не дав сказать ни звука,
Нельзя судить, ведь ждет их мука.
Суд без ответчика не суд,
2720 А обвинить их — что за труд».·
Гайфьер Нубийский, видом дик,
Жестокий самый из владык,
Тотчас вскричал: «Довольно басен,
Сеньор король, я не согласен.
Преступник схвачен был на месте,

И право заколоть из мести
Имел наш господин, как вора,
Его без всякого разбора
За очевидностью вреда,
И пусть бы умер без суда.
Коль так унижен благодетель,
Как сказано, и есть свидетель,
То господин наш, их призвав,
Чтоб сжечь обоих, будет прав».

- Другим слова по нраву эти,
И призваны немедля дети:
Ведомы слугами двумя,
Те в скорби слезы льют ливня,
Взор обратив друг к другу нежный
- 2740 И полный жалости безбрежной.
И слышит Бланшефлор Флуара:
«Красавица, страшит нас кара
Не зря: уверены мы в том,
Что без отсрочки днесь умрем.
Я в этом виноват всецело,
Ибо вовлек вас в это дело.
Ведь не проникни в башню я,
Не знать бы муки вам. Моя
Затея принесла вам горе,
Расстанемся мы с жизнью вскоре.
Мне надо б дважды умереть,
Сумей Природа то стерпеть:
Раз за себя и раз за вас;
Сгубил обоих, а не спас.
Вот вам кольцо: к его защите
Прибегнув, смерти избежите».
Та молвит, плача: «Как могли вы
Быть, друг мой, столь несправедливы!
Ведь в гибели твоей одна
- 2760 Я виновата, я грешна,
Ибо, меня ища по свету,

В страну приехали вы эту.
Я, только я всему виной;
Вы в башню поднялись за мной;
Вас не было бы здесь сейчас,
Не будь меня; пусть я за вас
Умру; судить меня одну
Должны. Я вам кольцо верну:
Спаستись я не хочу, коль вы
При этом были бы мертвы».
Он брать назад кольцо не хочет,
Смерть первому себе пророчит.
Вздыхает тяжело Бланшефлор,
Ибо не может кончить спор,
Взять перстень так и этак нудит,
Тот отвечает, что не будет.
Так убедить и не смогла
И наземь бросила со зла.
(Был герцог, чей на перстень взгляд
2780 Упал, весьма находке рад.)
Ждать больше нечего: укор
Флуару сделан Бланшефлор:
«Грешно вам пребывать в надежде
На то, что вы умрете прежде:
Вас умертвив, меня от смерти
Избавят за красу, поверьте».
— «Нет, первым сгинуть дайте мне,
Все вышло по моей вине».
В такой беседе слезной, руки
Сцепив, идут они на муки;
Из глубины сердец летят
Их вздохи; страхи их долят;
Шлют жалостный друг другу взгляд;
А все ж из тех, кто жизни рад,
Вы б им подобных не сыскали,
Прекрасны столь они в печали.
Когда бы с Ледой дочь Елена,

И Антигона, и Исмена,
 Партенопей, Авессалом,
 2800 Парис, Ипомедон в своем
 Предстали самом лучшем виде,
 Их были б эти, на смерть идя,
 Красивей. Зрелой красота
 Флуара в юные лета
 Была: пятнадцати достиг
 Годов, а ростом был велик.
 Не передать достойно в слове,
 Как черные точены брови.
 Глаза от слез отяжелели:
 Никто, когда он был в веселье,
 Их созерцаньем не был сыт;
 От плача же негож их вид.
 Лица румянцем небывалым
 Сравним с рассветным солнцем алым.
 Усов под носом не растет,
 И подбородок безбород.
 Блио пурпурное умело
 Зашнуровав, прикрыл он тело:
 Едва одет, стоит близ той,
 2820 Что так же блещет красотой.
 Она, едва одета, плачет:
 Им казнь на сей же час назначат.
 Ее головка золотая
 Кругла: белее горностая
 Чело, пробор же тонкий строг,
 Сполз низко головной платок.
 Под черными бровями, смехом
 Лучась, глаза могли б с успехом
 Пospорить с жемчугом; ни с чьим
 Был светлый блеск их несравним.
 Однако глаз тех нет в помине,
 На месте их лишь слезы ныне.
 Лицо румяное светло,

Прозрачней кожа, чем стекло.
Столь тонкой лепки ноздри были,
Словно руками их лепили.
Дивит Природу красота
Изогнутого в меру рта.
С подобной статью нет ни девы
2840 Другой, ни даже королевы.
Припухлы розовые губы
От поцелуев страстных; зубы
Более серебра и тесно
Прижаты, мелкие. Чудесно
Дыханье, что уста струят:
Неделю слышен аромат,
Им в понедельник подышав,
До воскресенья будешь здрав.
Точеный подбородок; шеи
Не видано досель стройнее.
Цветами ветка не белела
Так, как ее белеет тело.
Столь гибок стан и тонок был,
Как если б кто его слепил;
На гладких же руках персты
Прямые — редкой красоты.
Ценитель тонкий, будь он в зале,
Нашел бы в ней изъян едва ли.

Когда ввели в чертог их, все
2860 Дивились таковой красе,
И всякий, будь хоть как жесток,
Слез жалостных сдержать не мог.
Когда бы в большей были силе,
То приговор бы отменили,
Однако так эмир взбешен,
Что к жалости не склонен он:
Пусть, дескать, начинают суд,
Затем, связав, пусть отведут
На городскую площадь, там

Их передав трем палачам,
Костер разжегшим; по приказу
Пусть те в огонь их бросят сразу.
Бароны видят пленных в путах,
И мысли горькие гнетут их:
Проникла жалость в глубь сердец
И нежность; плачет весь дворец,
Шепча: «Как этот миг им тяжек,
Конец ужасный ждет бедняжек!»
И выкуп, денег не жалея,
2880 Все дали бы, будь посмелее.
Тут герцог, взявший перстень тот,
Что дева бросила, идет,
Рыдая горько, так растроган,
К эмиру, чтобы все, что мог он
Понять из слышанных речей,
Пересказать ему скорей.
Эмир их подвести дал знак:
Пускай расскажут, что и как.
В беседу он вступает с ними,
Флуара спрашивает имя.
Тот молвит: «Звать меня Флуар;
Пока я ездил в Монтуар,
Украли Бланшефлор, но мне
С ней встретиться у вас в стране
Все ж удалось. Она нямало,
Когда я появлюсь, не знала,
Клянусь святыми. Не должна
Погибнуть посему она.
Коль из-за дерзкого порыва
2900 Умру я, будет справедливо.
Она лишь по моей вине
Осуждена; весь грех на мне».
Невыносима ей услуга
Такая: «Я его подруга,
Я, только я всему виной,

Поднялся в башню он за мной.
Не тяготись я здешним пленом,
Он не пришел бы к этим стенам.
Смерть друга причинит мне боль.
Он из Испании; король —
Его отец. Будь справедлив
Ваш суд, не я б, а он был жив».
Флуар свое: «Вы ей не верьте;
Ей жить — меня предайте смерти».
— «Через мгновенье оба вы, —
Тот молвит, — будете мертвы.
Угодно вас мне самому
Казнить: с вас головы сниму».

Меч острый им из ножен вынут.

- 2920 Флуар, подругой отодвинут,
Вновь выдвигается вперед,
Ее коря: «Не ваш черед.
Достойно ли меня, мужчины,
Бессильно вашей ждать кончины?»
Шаг сделав, наклонил он шею,
Но за руку оттащен ею;
Вперед ее влечет порыв:
Льют слезы, шею наклонив.
Погибнуть каждый раньше хочет
И только о другом хлопочет.
И в зале плачет всяк навзрыд
Вассал, когда на них глядит:
Друг друга б не судили люди,
Будь жалостливы так все судьи.
И, наконец, их пожалев,
Эмир сменил на милость гнев:
Увидев, как вперед на шаг
Выходит каждый, первым так
Надеясь умереть, и плачет,
- 2940 Он жалости уже не прячет.
На это, плача, все глядят,

Растроган каждый столь и рад.
А герцог, перстень взят которым,
В него, любуясь, впился взором.
Теперь, он видит, есть пути
К тому, чтоб их совсем спасти,
И обращается к баронам:
«Да будет дано разрешено нам
Совет: покончив с делом, честь
Наш господин бы мог обрести.
Но чтоб для милости причину
Удобней было господину
Найти, пусть ничего не скроет
Флуар: умалчивать не стоит,
При помощи каких интриг
Он в башню к Бланшефлор проник.
Убитый же, что он расскажет?
Никто хвалою не уважит
За то, что отроки мертвы, —

2960 Лишь повод то для злой молвы.
Каким воспользовался планом,
Пусть лучше скажет, и обманом
Каким переступил порог
И кто во всем ему помог.
Эмир велит, коль будет дан
Отчет и выяснен обман,
В охране устранить изъян,
Чтоб не являлся, кто не зван.
Так, если мудр, поступит он».
Все говорят: «Никто урон
От их убийства не измерит.
Освободит, коль нам он верит!»
Эмир, извлекиши из похвал
Лишь суть, немедля б даровал
Прощенье им, но пусть вначале
Флуар покажет, дорога ли
Жизнь милой и своя ему,

- Дав объяснение всему.
«Не дам, — таков ответ Флуара, —
2980 Какая ни грози мне кара,
Коль тех, над кем у вас есть власть
И кто помог мне внутрь попасть,
Чьему совету и защите
Обязан я, вы не простите».
Эмир взбешен: к таким речам
Он не привык: «И я не дам!
Не столь я глуп, чтоб в одночасье
Дать просто так на то согласие».
Епископ на ноги вскочил,
Ибо исход счастливый мил
Ему: «Благой, нет смысла казни
Тех предавать, в ком нет боязни.
Прими совет, в него вассалы
Вложили разума немало.
Речей Флуара смысл такой,
Что он не под твоей рукой:
Не знает власти он, ни черт
Твоих, ни сколь ты милосерд.
Прости, коль можешь: будь послушен
3000 Совету и великодушен.
Разумней не убить детей,
Но вникнуть в хитрость их затей:
Несчастья горше нет на свете,
Чем если умирают дети.
Прекрасен облик их и стать,
Природе лучших не создать».
И все кричат: «Вот выход славный;
Прости их, благодей державный!»
Все молят, чтоб он не был строг.
Эмир не хочет поперек
Идти, в нем чувства благородны:
Прощает их, — они свободны.
Столь благодарность всех была

Великой, сколь и похвала.
Веселье отроков бескрайне.
Флуар повел повествованье
Так ясно, что прикован слух
К нему и тех, кто нем и глух.
Рассказ он начал с совпаденья
3020 У них с подругой дня рожденья;
Как стала та ему мила
И как похищена была.
Он рассказал, в каком был горе,
Как из дому уехал вскорее,
Как пересек морской простор
И сушу вслед за Бланшефлор;
Как в Вавилоне был привечен
Хозяином и им намечен
Какой был хитроумный план,
И как привратник на обман
Пошел; как поднят был в корзине
(Смех общий грянул посредине
Тех слов; эмир смеется сам);
Как в башне был не к тем дверям
Доставлен и, смятенный, там
Предстал кларисовым очам.
Тем кончив, положил поклон
И пал эмиру в ноги он:
Его за возвращенье милой
3040 Благодарить стал с новой силой,
Ибо, не будь ее, могилой
Свой завершил бы путь постылый.
Эмира сердце благородно:
Взять за руку ему угодно
Флуара, чтобы видел двор;
Взяв за руку и Бланшефлор,
Он на него глядит радушно
И говорит великодушно:
«Подругу возвращаю вам».

Флуар благодарит. К ногам
Эмира хочется припасть им
С лобзанием, так полны счастьем.
Прелестную он поднял пару:
Даруя рыцарство Флуару,
Он преподнес ему доспех
Прочней и краше, чем у всех.
Испытывал Приам, царь Трои,
Едва ли счастье такое
От лат: блистает пара шпор,
3060 Их пристегнула Бланшефлор;
Затем эмиром меч повязан,
Весь в золоте, по нем как раз он.
Застегнут плащ: мечтать вотще
Нам, смертным, о таком плаще;
Под мрамор плюш отделан новый,
С ним сочетается парчовый
Ультрамариновый подбой,
И тонко ткан узор золотой.
А после посвященья прямо
Вести эмир велит до храма
Их, чтоб женить. Пока же вниз
Велит он привести Кларис:
По бланшефлорову совету
Берет он в жены деву эту;
Но дело Бланшефлор ведёт
К тому, что пусть и минет год,
Кларис на казнь он не отправит,
Но в женах навсегда оставит;
Речь и Флуар о том ведёт.
3080 Был верен Бланшефлор расчет:
Эмир сказал, что милость явит
Жене и жить ее оставит.
Сейчас Кларис судьбу свою
Решит; ее ведут к ручью:
Переступает без опаски —

Осталась той же в нем окраски
Вода, а ведь светла струя,
Лишь если дева у ручья.
Как раз с ветвей цветов повис
И пал на голову Кларис.
Теперь уж должен по закону
На деву возложить корону
Эмир: из всех в казне корон
Прекраснейшую выбрал он.
Устроил свадьбу он богато,
Велел подать серебро и золото;
И вот, ее, под хор похвал,
Представив всем, короновал.

- Вассалы, все до одного,
3100 Кто в городе, на торжество
Собрались. Праздник же роскошен,
Изыскал, весел, суматошен:
Львов и медведей диких травят,
Жонглеры публику забавят.
Всех видов инструменты в лад
Снаружи и внутри звучат;
Потехи много и задору
На празднике. За день жонглеру
Дают, сколь ни был бы ледащ,
Серебра четыре марки, плащ
И лошадь выючную в награду.
Все веселятся до упаду.
Флуар хозяина спешит
Позвать, и страж им не забыт.
Тут воду каждому, кто просит
Умыться, камергер приносит.
Садятся наконец за пир.
Кларис подле себя эмир
Сажает в качестве жены,
3120 А Бланшефлор со стороны
Другой. Флуар счастливым взглядом

Следит за милою, сев рядом,
 И не согласен, хоть убей,
 Не приставать с лобзаньем к ней,
 Чем во дворце смешит он всех,
 И говорят ему сквозь смех:
 «Флуар, старайтесь, чтоб не мимо!
 Будь так и впредь она любима!»
 Пир многолюден и богат,
 Всем слуги услужить спешат;
 Златых с вином цветным и белым
 Так много чаш, что между делом
 От разносимого вина
 И челядь скоро вся пьяна.
 Такие подаются блюда,
 Что и не выдумаешь: груды
 Гусей, лебедек, стерхов, дроф,
 Павлинов, цапель; пирожков,
 Лапши, сластей нехватки нет;
 3140 С живыми птицами паштет
 Таков, что стоит разломиться,
 Выпархивает ввысь станица
 Птиц певчих; ловчих же гурьба —
 И соколы, и ястреба,
 И кобчики, и пустельги —
 Над ними делает круги.
 Звук песен и напев виольный
 Перекрывают шум застольный,
 Гостей беседа весела
 Вкруг пиршественного стола.
 Вдруг десять рыцарей предстали
 С письмом перед Флуаром в зале,
 Почтив приветствием сперва
 Эмира. Новость такова:
 Отец и мать его в могиле,
 Тоска и скорьбь их истомили.
 «Нас, господин, послала знать, —

- Те молвят, — вас домой позвать.
В краю у вас сейчас покой.
- 3160 Будь он под вашей впредь рукой!»
Флуар, услышав про кончину
Родительскую, впал в кручину.
«Цвет воинства, сонм мудрецов
И все, кто стол дает и кров!
Ах, мой отец родной! — стена,
Он начал. — Мать моя родная,
Вы тем мне причинили вред,
Что подали отцу совет.
Чтоб Бланшефлор не быть убитой,
Вы стать сумели ей защитой,
Отцу продать ее велел,
Когда он впал в тоску и гнев,
Считая, что она причина
Того, что он лишится сына.
В вас было верное чутье:
Я впрямь бы умер без нее.
В путь отправляя, вы надели
Кольцо на палец мне, чтоб к цели
Оно вело меня верней:
- 3180 Вы знали, что я встречу с ней.
Не позаботится отныне,
Не вспомнит с лаской мать о сыне.
Помилуй божья благодать
Отца и королеву-мать».
Излил немало горьких пеней
Флуар и нежных сожалений.
Скорбит с ним вместе Бланшефлор,
К эмиру обращен их взор:
Учтиво просят разрешить им
Уехать. Дел таким развитием
Эмир расстроен: «Вы едва ли,
Когда б остались, прогадали.
Я б вас короновать велел,

Богатый даровав удел:
Землей довольны были б тою,
Как и короной золотою».

Флуар сказал, что уезжает.

Тем, в чем нужда, эмир снабжает,
Впридачу, всех пленив поступком,

3200 Он шлет привратника за кубком
И в выкуп от своих щедрот
Сто марок золота дает.

Совет хозяина Флуар,

Чтоб дар вручить: десяток чар
Из злата и серебра радушно
Столь дарит, что берет послушно
Тот их; затем принять велит

Еще парчу и аксамит

По двадцать штук; семь кобылиц

Со сбруей; по сту багряниц

И мантий; золотой сосуд

Хозяйке Ликорис несут,

Дар драгоценный; также ей —

Десяток беличьих плащей.

Затем парчу и шелк домашним

Дает и с вежеством всегдашним

Прощается. К Флуару льнут

Придворные и прочий люд,

Эмир его сопровождает

3220 И пред отбытьем награждает

Лобзанием. И вот уж он

Сел на-конь, свитой окружен.

Все обнимают на дорогу

Его и поручают богу.

Прощаясь, выказал весьма

Он много чести и ума.

Весь путь Флуар и хмур, и весел,

Вот — весел, вот — главу повесил;

И то: как можно не страдать,

Коль умерли отец и мать;
Но и утешен он судьбою,
Коль Бланшефлор везет с собою.
Как видите, утрату бог
Искавшему вернуть помог.

- Флуар с подругой едет рядом,
И вскоре он, хоть нет преград,
Конца и путь весьма велик,
Отчизны, радостный, достиг.
Вассалами при въезде встречен
- 3240 Он был и радостно привечен:
Его принять корону просят,
Цветок из золота подносят.
Он отвечает, что отсрочит
Коронованье, ибо хочет
Креститься: в христианство он
Своей любовью обращен.
Архиепископы (их трое,
Суть христианской веры кои)
Корону прежде освятили
И, помолясь, его крестили.
Христианском став, созвал
Весь двор он: каждый-де вассал
Пусть примет по его примеру
Во истинного бога веру.
И побудил их сей призыв
Принять крещенье: возлюбив
Творца, крестилось большинство
До окончанья дня того.
Неделя минула, покуда
- 3260 Крещение простого люда
Свершилось: кто искал предлога
Крещенья избежать и в бога
Не верил, тех Флуар рассечь
Велел, снять кожу с них иль сжечь.
Когда была им вся страна

Ко господе обращена,
За герцога, который славен
И знатен был, и благонравен,
И столь богат, сколь и силен,
Мать Бланшефлор просватал он.
Та ошастливлена по воле
Фортуны, бедственной дотолле:
Была унижена она —
И ею же вознесена,
Корону дочка носит ныне,
Сама же — титул герцогини,
За что благодарит всечасно
Творца и славит сладкогласно.

Вот о Флуаре весь рассказ:

3280 Спаси, грядый во славе, нас!

Приложение

К

ороль покончить с нею хочет,
Мысль гибельная душу точит,
И вот им призван сенешаль.
«Друг, — говорит король, — печаль
Меня терзает и кручина
Невыносимо из-за сына,
Который так в нее влюблен,
Что ею лишь и занят он
И повезти хотел с собою,
Иначе нет ему покою.
Позор, грозящий нам, велик;
Я умереть хотел бы в миг,
Как станет королевой та:
Она нища и сирота;
В плен под Сант-Яго мною взятый
Отец оставил мать брюхатой.
Не знаю, право, как убью
Воспитанницу я свою.
Совет ваш — будь он принят мною —
20 Высокой оплачу ценою.
— «Что ж, господин, — Майдъен ему, —
Я меры нужные приму.
Она пленила королеву,
И, подлови вдвоем мы деву
На чем-то, та б ее спасла.
Но повернем мы так дела,

Чтоб по суду была она
Замучена и казнена.
А сделать нужно все, доколе
Флуар в неведении в школе
Находится, чтоб без помех
Достигнут нами был успех».
Король ответил, рад затее:
«Устраивайте все скорее».

- И сенешаль от короля
Уходит, Бланшефлор суля
Несчастья. Не прошло двух дней,
Как вот что выдумал злодей:
Шпигует ядом он змеиным
- 40 Жаркое и за челядином,
Слугой надежным, шлет тотчас:
«Пинель, исполни мой приказ.
Снеси-ка господину блюдо;
Скажи, коль спросит он, откуда,
Что Бланшефлор спекла сама, —
Он дару будет рад весьма.
Тот, не промешкав по дороге,
Был в скором времени в чертоге:
У короля как раз обед.
Гонец приблизился, вошел:
«Вам дар послала Бланшефлор» —
Так начинает разговор
С почтительностью он великой.
Был брошен острый взгляд владыкой:
План вероломный не забыт;
Благодарить ее велит,
А мясом одного из свиты
Он потчует, мол, ешь досыта.
Награда же за дар щедра:
- 60 Из золота и серебра
Шлет кубок ей через Пинеля
Король, исполнившись веселья.

А кто из свиты выбран им,
Тот с нашпигованным жарким
Стоит: безумец, коль вкусит он.
Но план искусно был рассчитан.
Кусок он проглотить спешит:
Глаза полезли из орбит,
И на пол, вытянувшись, тело
При всех безжизненно осело.
Король из-за стола стремглав
Выходит, рыцарей подняв.
Вид сделал, будто бы разгневан,
В душе весьма повеселев, он.
Владыка молвит: «С неких пор
Вы здесь встречались с Бланшефлор,
Сеньоры, выращенной нами.
Злодейство видели вы сами:
С тем был мне послан ею дар,
80 Чтоб смертный нанести удар.
Сын взял бы власть, ее же цель —
Стать госпожой моих земель.
Я жду от вас ей приговора,
От вас, которым я опора». —
И почитающих закон
Вассалов слово слышит он:
«Пусть деву приведут: доселе
Ей не поведано о деле;
Ждать вправе мы при ней суда».
Король в ответ: «Что за нужда!
Беспорный довод был представлен
Всем вам, что ею дар отравлен:
А должен тот, кто уличен
В таком злодействе, как закон
Велит, который заповедан
Нам предками, быть смерти предан».
Тут видит явственно весь двор,
Как невлюбил он Бланшефлор.

При рассмотрении судебном,
100 За столь жестокий план потребным
Так наказать сочли: она
В огне должна быть сожжена.
Король, услышав приговор
И поблагодарив свой двор,
Велит, чтоб призвана девица
Была, покуда разгорится.
«Владыка, — говорят бароны, —
Мы против спешки: есть резоны
Отсрочить тягостный сей шаг;
Уже вечерний сходит мрак».
Король, согласие дав на это,
Казнь отлагает до рассвета.

Порой вне стен, от врат вдали,
Съезжаться рыцари могли
На лобном месте для забав,
С собой оруженосцев взяв:
Туда король велел свезти
Возов не меньше десяти
С дровами и стоять с запалом
120 Пред сим костром, весьма немалым.
А вскоре слугам четверем
Приказ был отдан королем
За Бланшефлор идти: «И взять
С собой пусть не забудет мать».
Идут не шатко те, не валко,
Ибо весьма бедняжку жалко.

И вот они находят деву,
Та развлекает королеву;
Хватать ее не по душе им,
Их речь тиха: «Приказ имеем
Вас к королю вести скорей».
— «Меня зовет он?» — «Ей же, ей;
С собою приведите мать;
Чего он хочет, сам даст знать».

- Та собирается, доселе
Не зная ничего о деле,
И мнит, что выведет сейчас
Ее двору он напоказ.
Блино парчовое надела;
140 Под ним, как снег, белеет тело;
Головка в локонах светлей
Златого обруча на ней.
И, сим довольствуясь нарядом,
Выходит с герцогиней рядом.
Ее завидев, плачут все,
Дивясь девической красе:
«О боже! как печально это
Для девы в столь молодые лета!
Сколь тяжек, Бланшефлор, ваш рок!
Злосчастной смерти близок срок».
Ее так трогателен вид,
Что сам король вдруг говорит
Себе: «О, девы рок злосчастный!
Нет в мире более прекрасной!
Идти ей ныне к палачу;
Срамить закон свой не хочу.
Столь тягостна мне эта близость,
Что вынужден пойти на низость».
А та идет навстречь суду,
160 Так и не зная про беду.

И вот, на месте став открытым,
Глядит, как с видом все убитым
Сидят, не говоря, в чем дело, —
Ей дрожь пронизывает тело.
«Приблизьтесь, — говорит король. —
В неведенье глубоком столь
Я был, что выказал вам знаки
Любви. Пусть лучше б я собаке
Служил, чем вам, возвысив вас.
Вы с сына не сводили глаз

- Влюбленных, вид приняв сей внешний,
Чтоб обмануть его успешней.
Только едва ль дитя полюбит
Ту, кто отца его погубит.
Прощенья вашей нет вине:
Готовили вы гибель мне.
Вы дар послали мне злотворный
(Что видел каждый мой придворный),
Был коим мой слуга убит,
- 180 О чем душа весьма скорбит.
По рассмотренье дела суд
Решенье вынес: вас сожгут,
Чего мне очень жаль, не скрою,
Ибо воспитаны вы мною.
Но смерть заслужена, увы.
Другой казались сыну вы».
Тут, видя, что осуждена
И скоро примет смерть, она,
Пред королем став на колени,
Смиренно изливает пени:
«Благой король, на то дерзнуть,
Чтоб вас предать иль обмануть
Иль вашей добиваться смерти,
Я не решилась бы, поверьте.
Угодно вам сему концу
Меня предать — я, как отцу,
Доверюсь вам. Меня вы в холе
Растили, и, по вашей воле
Живя, умру пред вами, чтя
- 200 Вас, как родителя днтя».
Король внимает ей, послушной,
И, тронут речью простодушной,
Не подберет ответных слов,
Злодейский план проклясть готов.
Сознала герцогиня вдруг
Весь ужас пламени и мук,

Какие дочка примет вскоре,
И радость обратилась в горе.

Пред королем став на колени,
Целует ноги и моленье
Возносит: «Смилуйтесь, благой
Король! Вам верной быв слугой,
Прибегну к вашей я защите:
Простите Бланшефлор; велите
Покинуть ей страну, а мне
Вместо нее сгореть в огне.

Пусть я терплю ту муку злую!»

— «Одна никак спасти другую
Не может, — ей ответил в злобе

220 Король. — Вы здесь умрете обе».

Тут, в залу из покоев вышед,

Речь эту королева слышит

И, слезы по пути лия

В отчаянье, до короля

Доходит и взывает с жаром:

«Спасите деву! Вашим даром

Сия, творившая мне благо,

В плен взятая вблизи Сант-Яго,

Была. Чтоб казнь произошла,

Не допустите; бойтесь зла».

Столь тягостно глядеть баронам

На то, как ждет она с поклоном

Униженным, что крика всем

Не удержать. Король же нем.

«Велите, чтоб под выкуп взята

Была, и мы дадим вам злата

Груз тяжелей ее в семь раз,

Пополнив тем казны запас».

Король в ответ: «В том нет нужды;

240 Мне ваши мненья не нужны.

Хотите вы попать устон.

Оставьте все меня в покое».

И он клянется, что любого
Из подданных своих, кто слово
Промолвить впредь о том решит,
Всего имущества лишит.
Тут все из города выходят;
Обеих дам к костру подводят
Вплотную, чтобы казнь их сразу
По королевскому приказу,
Как запалют огонь, начать:
Останется им лишь кричать.
Утеши, боже всемогущий,
Их в час страдания грядущий!

Теперь о королевском сыне.

Он в тяжелой пребывал кручине:
Не едет милая; тоской
Объят, он потерял покой.
Идет к учителю проститься,
На доброго коня садится
И, к городу скача верхом,
Придворного встречает, в ком
Видны и доблесть, и манеры:
Родня ему и той же веры.
«Соотчич, что ваш вид уныл?
Что в городе?» — Флуар спросил.
— «Там есть чему дивиться: хочет
Сжечь Бланшефлор король. Порочит
То деву, что дала вчера
Ему отраву. Ей костра
Не избежать». Услышав весть,
Флуар, не в силах перенести
Удар и злую боль терпя,
С коня без чувств упал. В себя
Придя, излил немало пеней
Он и о деве сожалений:
«Ах, Бланшефлор, из-за любви
Моей кончат вам дни свои

До срока, горе королю!
280 Соотчич, вас помочь молю.
— «Сын, — молвит тот, — помог бы я-то,
Да презрит он серебо иль злато».
— «Ни в золоте, — Флуар в ответ, —
Ни в серебре нужды и нет:
Оружье дать, чтоб я к защите
Готов был, соблаговолите».
— «Нет, господин мой, — тот сказал. —
Жесток отец ваш: я вассал
Его, и коль на то решусь,
Всего имущества лишусь».
Пал ниц Флуар среди дороги,
Облобызать желая ноги,
Но поднят родственником он;
Его слезами тот смущен:
«Пусть, — молвит, — были бы должны
Меня за это из страны
Изгнать, оружие я дам,
Хоть и юнец вы по годам».
В свои пятнадцать лет на диво
300 Флуар был рослым и ретиво
На копьях бился и мечях,
Не зная, что такое страх.
Принес тот по размеру точно
Броню: легка и сшита прочно;
Король Маглонский в ней пред тем
Ристал. Шнурует светлый шлем
Эмира персов, в оно время
В дар данный князем Чужеземья
Ему: украшено забрало
Фигурой девы и вассала
Целующимися; Флуар
Немедля оценил сей дар.
И меч предложенный изряден:
У Амюстала был украден,

И, надписи коль доверять,
Содержит мощи рукоять;
Владеет кто по праву им,
Из схваток выйдет невредим.
Советы родича учтивы:

320 «Сынок, владеть им не должны вы:

Так ценит вас отец, что сам
Даст рыцарское званье вам
И сам мечом вас препояшет,
Чем честь великую окажет».
Мольба Флуара горяча:
«Коль не повесите меча,
Чтоб мне в бою не быть побиту
И дать возлюбленной защиту,
То мне позора не избежь;
Повесьте, ваша милость, меч:
Оруженосцами мы служим,
Чтоб рыцарей снабжать оружием».
И вот повязан меч стальной,
И, в полной сбруе, боевой
Конь подан, в яблоках гнедой,
С сияющей во лбу звездой.
В том ценность крепкого седла,
Что кость слоновая пошла
На луки; взят для перекладин

340 Не хуже матерьял; наряден
Чепрак искусного шитья,
Чьи по земле мели края.
Уздечка с золотым узором
В прозрачных вся камнях, которым
Так место найдено, что вид
Их, тонко вправленных, слепит.
Голов, когда узда надета,
Звериных краше нет, чем эта.

Флуар, поводья ухватив,
Вскочил в седло, нетерпелив,

Ибо к возлюбленной спешит;
Ему немедля подан щит,
На коем выкованы тонко
Из золота и серебра три львенка:
Края сняют, словно пламя,
А самый центр украшен львами.
Отделан сарацинским золотом
Ремень, и выглядит богатым
По шелку новому шитье.

- 360 И подают ему копьё;
Так он им бьет, что, сколь ни крепки
Преграды, все разбиты в щепки,
И молвит: «Господин, копьё
Пусть в снаряжение мое
Пойдет, с ним я легко сумею
Сломать в сраженье вражью шею».
Тот, к радости его великой,
Снабдил еще надежной пикой:
Сталь острая была клинком,
А яблоневый ствол древком.
И он, вооружен столь грозно,
Пустился тотчас, ибо поздно,
В путь, поскакав во весь опор;
Страдает из-за Бланшефлор,
Боясь, что не успеет к сроку.
«Эй, конь, — кричит, — прибавь-ка скоку!
Во всю помчаться надо мочь:
Коль не удастся ей помочь,
Как жить тому, на ком сей грех?

- 380 Вовек не знать ему утех».
Желая свой приезд ускорить,
Коня не устает он шпорить,
Чтоб ей успеть помочь, пока
Возможно, — ибо смерть близка.

Приносит королю известье
Майдьен: «Все сделал честь по чести,

Дрова уж занялись огнем.
Тот говорит: «Итак, начнем».
Обеих дам хватают сразу
По королевскому приказу;
К огню ведут их прямым.
Едва ль кто в страхе был таком,
Как королева, и в тревоге:
Без чувств упала дамам в ноги.
Народ весь плачет; больше ста
Людей свалила дурнота.
Для Бланшефлор же мука злая
Глядеть, как мать, в огне желая
Сгореть пред ней, спешит туда;
400 Но речь учтива, как всегда:
«Зоветесь правым вы владыкой!
Смерть матери виной великой
Вас отягчит. Велите мне,
Чтоб не смотреть, сгореть в огне
Пред ней. О, сенешаль, жестоки
Не будьте столь, продлите сроки;
Творцу я вознесу мольбу,
Чтоб он простил свою рабу!»
Майдъен в ответ: «Продлить-то можно,
Да только дело безнадежно,
Вас все же предадут костру,
А прах развеют на ветру».
На небо, преклонив колени,
Она взглянула в умиление:
«Царь славы и господь, в дни оны
Нам даровавший все законы,
Творец земли и неба правый,
Благословенье миру давший,
И рыб, и птиц, и всех зверей
420 Создавший волею своей.
Вы грешных ангелов, в гордыне
На вас восставших, благостыни

Лишили, сбросив их с высот
В столь горестный приют невзгод
И бед, что сердцем не помыслить
И языком не перечислить
Всей маеты и злых докук,
И страхов, и бесчисленных мук.
Чтоб, отданная под начало
Деннице, та не пустовала
Юдоль, был создан человек,
Но он соблазна не избег:
Велели с ним делить досуги
Вы женщине, жене, подруге,
Ее из мужнина ребра
Создав, когда пришла пора.
С ним быть во всем единодушной
Ей приказав и вам послушной,
В священном поселить краю
440 Решили их, то бишь в раю.
К священному свели их саду
И дерево открыли взгляду,
Сказав, что на себя же суд,
Плодов отведав, навлекут.
Когда дошла до сатаны
Весть, что они сотворены
И что в юдоли поселили
Их той, где он доныне в силе,
Весьма озлился лиходея
И поспешил, как мог скорей,
Попасть намеренье имея
Сперва к жене под видом змея:
Сказал, что коль плода вкусят
Они, то множество услад
Изведать могут в соучастье
И приобщиться вашей власти.
Был плод в безумье съеден ею:
Поняв лукавую затею,

Адаму съестъ его дала,
460 Тем причинив изрядно зла.
Быв в дивные одеты платья
Там наверху, они, поняты
Вдруг получив о наготѣ,
Ушли из рая, бросив те
Места, где пребывать дотолѣ
Могли вдвоем по вашей волѣ.
Так первые отец и мать
И нас, владыко, пребывать
Оставили, пойдя неправым
Путем и сведавшись с лукавым,
В столь долгой с благостью разлуке,
Терпя опасности и муки.
На уговор и на позор
Дьявол, коль захочет, скор.
Чтоб искупить все зло их шага,
Вы дали высшее им благо.
Терять вы не желали тех,
Кто из-за яблока впал в грех.
Нам обещает ваш завет,
480 Что кто, крещение прошед,
При этом веря в вас всецело,
Вкусит святое ваше тело,
Всечудно будет тот спасен,
Коль примет дар достойно он.
Вас исповедав без боязни,
Теперь я жду грядущей казни!
Моих помиловать отца
И мать прошу я в час конца».
Молитвой помолясь такую,
Крест правой положив рукою,
Взглянув назад пред тем, как встать,
Лишилась чувств, увидев мать,
Она. В отчаяньѣ великом
Мать отозвалась скорбным криком,

На дочку обратив свой взор:
«Помилуйте дитя, сеньор!
Очнуться дайте и забаву
Продолжите, коль вам по нраву!
Ах, дочка, Бланшефлор, за что ж,
500 Страдая, нынче ты умрешь!
Исусе велеименитый,
Чье имя служит нам защитой!
Ты знаешь все: подобных дум,
Чтоб короля убить, на ум
Вовек не приходило деве;
Но он на нас за что-то в гнев.
Наветчик ненавидит нас,
И вот пришел наш смертный час.
Мария, к твоему мы лику
Взываем: умоли владыку!
. . . . .
Когда, скорбя, умрет в темнице.
Его со други упокой
В своей обители благой!»
На том ее умолкло слово.
Глядь, Бланшефлор уж дышит снова,
И принесен большой ковер,
На коем девушку в костер
Через мгновенье слуги бросят.
520 Заставив лечь ее, уносят:
Вот-вот свершится зло из зол!
Вдруг трепет по рядам прошел,
Замечен юный всадник всеми:
Главу в остроконечном шлеме
Пригнув, копьё на крупе, щит
В руке, стремительно летит.
Пришлось раздвинуться народу:
Коня, чтоб деве дать свободу,
Во всю на сенешаля прыть
Пустил, намерен пикой бить.

Отпущена им вмиг девица —
Так он за жизнь свою боится.
Кто должен был ковер волоочь,
Все тотчас убежали прочь.
Подругу одадь торопливо
Отвел, хоть и весьма учтиво,
Взяв правою рукой, Флуар,
Ибо вблизи был пылок жар.
«Угрозы, — молвит, — нет в помине,

- 540 Спокойны можете отныне
Быть: сам король вам умереть
Велит — я буду с вами впредь».
— «Благодарю», — та говорит.
Но сенешаль весьма сердит;
К владыке обращает речь он:
«Вы видите, как дерзким встречен
Придворных ваших приговор?
На дом ваш навлечен позор.
Ему лишь угодить бы даме,
А нас считает он глупцами.
Пусть будет схвачен баламут
И прежде них его сожгут».
Тут к королю Флуар с толковым
И мудрым обратился словом:
«Владыка, делать так не след,
Наветчику доверья нет.
Я еду из родного края,
Дела по силе выбирая
Себе с баронами пятью,
- 560 Мне верными, и узнаю
О здешнем зле, что, всех печая,
Кладет вину на сенешаля,
Который как бы по суду
Вовлек их в тяжкую беду:
Ведь было бы весьма бесчестно
Ту умертвить, что столь прелестна.

Я ей защитник, и любовью,
Кто хочет, выйдет пусть на бой».
Внимают все с добросердечьем
Ему, пленившись красноречьем.
Король сказал: «Гласит скрижаль
Законов наших, сенешаль,
Что быть нельзя тому убиту
Так просто, кто нашел защиту:
Иль отпустите без волюнки
Ее, иль бейтесь в поединке».
Ему ответил тот укладкой:
«Решать не стоит дело схваткой,
Неровен час, меня сразят,
580 А право, я не виноват».
Король же молвил: «Мальчугана
Бояться ль вам? Вы бьетесь рьяно,
Меж тем весьма еще он юн,
Недолго выстоит драчун.
Едва ль, как бы ни бился яро,
Он нанесет вам два удара:
В таких неопытен простак
Делах и попадет впросак».
— «Владыка, — сенешаль изрек, —
Я ради вас был столь жесток.
Закон досель блюдя исправно,
Впредь не унижу и подавно,
И за себя я постою,
Как трудно б ни было в бою».
Велит он для лихой потехи
На место лобное доспехи
Нести: блио из аксамита
Кольчугой сетчатой закрыто —
Крепка и нетяжка совсем;
600 Блестящий пришнурован шлем,
Повязан острый меч Майдьену,
Сему клинку все знают цену:

Того он крепче, что Флуар
От родственника принял в дар.
Для боя мерин выбран с толком,
Весь круп покрыт тяжелым шелком,
И, на коня вскочив верхом,
Вооружился он щитом,
Украшенным серебром и золотом,
С узором из цветов богатым.
Затем копьё зажал в руке
С пером зеленым на древке.

А королева озидала
Доспехи крепкие вассала,
Боясь, что не готов юнец
К борьбе и дрогнет под конец.
Она, за алый прячась щит,
Ему украдкой говорит:
«Спокойно бейтесь, без оглядки —
620 Все будет с дамами в порядке.
Коль схватку правильно вести
. . . . . »
Флуар же мать лишь взглядом смерил,
Ни ей он, ни отцу не верил,
Поблажек не прося себе,
Пока не победит в борьбе.
Поехал юноше навстречу
Майдьен и обратился с речью:
«Скажите, рыцарь, — начал он, —
Ту есть ли хоть какой резон
Освободать, кому по нраву
Давать властителю отраву?
Не порицали б этих кар,
Увидь вы сами, что за дар
Был прислан королю и свите.
И вот какую вещь поймите:
То ваш позор, коль вгорячах
За деву испытали страх.

Вы юны, не пришли в понятие:
640 Доверьтесь мне и курс меняйте».

Тот молвит: «Вещи таковы,
Что, захоти король и вы
В своем злодействе повиниться,
Чтоб спасена была девица,
Я вас оставил бы в покое.
А нет — меня забыть о бое
Вы бы заставить не могли
За все сокровища земли».

В ответ звучат слова Майдьена:
«Суда немислима отмена.
Что ж, защищайтесь! С этих пор
Бесплоден всякий разговор».

Король велит рядам раздаться,
Двум храбрецам же в бой кидаться.
Изъяна ни в одном доспехе
Нет у Флуара, ни прорехи.
Все говорят: «Прекрасно он
Для лет своих вооружен».
Щиты прижаты; на попону

660 Ложатся копья; для разгону
Есть место более арпана;
Коней пришпоривают рьяно,
И, мстя за милую, Флуар
Наносит первым свой удар.
Щит и кольчуга вмиг пробиты,
Нет от копья его защиты;
Был столь он яр, врага тесня,
Что не спасла того броня, —
Напор силен, в песок он сброшен,
Чем двор немало огорошен:
«Юнец-то — доблестный боец;
Плох сенешаль, борьбе конец,
Большое слишком превосходство».
Король не чужд был благодетства:

Глядит на то, как сенешаль
Лежит под лошадью, и жаль
Ему беднягу, и обидно,
Он поднял бы его, да стыдно.
Поняв, что чуть был не убит,
680 Встать поскорей Майдьен спешит,
На луг глядит: тот ярко-ал,
И страх тут на него напал.
Он видит над собой Флуара,
Что замахнулся для удара,
И способ отвести беду
Придумывает на ходу.
Его слова красноречивы:
«Юнец отважный, вам поживы
Здесь нет, по мнению моему,
Коль даже бой я и приму.
Из схватки с пешим, пусть победной,
Вы выйдете с наградой бедной;
Но если снова на коне
Я буду, с вами наравне,
Ждет и награда побогаче,
И честь вас, в случае удачи».
Тот молвит: «С пешим толкотня
Мужицкая — не для меня;
Я вам, препятствий не чиня,
700 Дам сесть спокойно на коня».
Майдьен верхом садится, счастлив,
Что прост юнец и не опаслив.
Все, кто смотрел со стороны,
И сам король изумлены
И смущены, что в одночасье
Тот, не подумав, дал согласие.
Сын короля, отъехав вдаль,
Поправил латы. Сенешаль,
Еще не отойдя от таски,
Унынья полон и опаски:

Покрепче сев, копые подняв,
Помчался к юноше стремглав
И выпуклость щита рассек,
Причем удар был столь жесток,
Что и кольчуге вред изрядный
Нанес. В атаке беспощадной
Ему пробить ее насквозь
И бок поранить удалось.
И впрямь, он в схватке был отважен,
720 Теперь уж тот с седла им ссажен.
Вассалы молвят: «Нет, едва ль
Ему уступит сенешаль.
Хватает доблести обоим.
Кто лучше? Последим за боем».
Встает упавший, огорчен
Тем, что, как видит, ранен он.
А сенешаль заносит меч
Двумя руками, чтоб рассечь
Его тотчас. Флуару туго,
Но, обращая без испуга
Взор благородный на него
И лошадь, молвит такэво:
«Спаси господь нас, рыцарь славный,
Идете вы на шаг злонравный.
Вы здесь недавно разговор
Вели о том, что лишь позор
Заслужит и себя уронит
Боец, коль пешего он тронет.
Иль дайте на коня мне сесть,
740 Иль сами соизвольте слезть».
Майдъен же думает иначе:
«И речи, и дела ребячьи
У вас. Я вижу, что вы плут
И трус; конец ваш будет лют.
Да вы б сочли глупцом меня,
Когда б вернул я вам коня».

- Бросается к нему, но встречен
Флуаром грозно: поднял меч он,
Напасть на сенешаля смог
И первый отразил наскок.
Дивясь, сколь ярость в сенешале
Сильна, коль он в таком запале,
Флуар на деву перенес
Свой взор: лила потоки слез
Та, чуя смертную тугу.
Флуар, взъярясь, шагнул к врагу,
На этот раз не столь оплошен:
Ударом щит на землю сброшен
И срублен меч по рукоять,
760 Чтоб впредь не мог он фехтовать.
Майдьен на свой пробитый щит
И рассеченный меч глядит,
Весьма испуган и растерян;
Но он в копье своем уверен
И, сжав его, готов к броску.
Флуар, однако, начеку:
Ведя себя отнюдь не низко,
Но видя, что соперник близко,
Он вспрыгнул на коня, не дав
Тому словчить, кто столь лукав.
И, меч подняв, щитом прикрытый,
Пред ним возник: плохой защитой
Был шлем остроконечный в схватке
Столь жаркой, ибо до подкладки
Пробит, и, разрубив чепец,
Сталь сокрушила сто колец.
Тот, чувствуя, что дрянь дела,
Склонился на луку седла:
На месте конь стоять не хочет,
780 Так что никак он не соскочит.
Флуар же пристально следит
За ним, потом, весьма сердит,

Кричит: «Вы, рыцарь, что, уснули?
Меня вы подло обманули,
Умчавшись от меня стремглав,
А разрешения не взяв.
Вернитесь рассказать о даре
Злосчастном, за который каре
Подвергли деву без вины:
Покончить с этим мы должны».
Звучат его упреки, жала
И угнетая сенешалья.
На ту он, распрямясь, глядит,
Из-за которой терпит стыд.
Вот поднял обнаженный меч:
Знать, силы удалось сберечь,
Ибо, дыру в блестящем шлеме
Пробив, чуть не задел он темя.
Ответил выпадам мгновенно
800 Флуар, фехтует он отменно:
Столь мощен был удар меча,
Что чуть не разрубил плеча.
Тот молвил: «Выпад был счастливым
Для вас. Позор, коль дам уйти вам».
Вмиг подскакав с мечом в руках
И сделав яростный замах,
Сумел по крупу рубануть
Так, что коня рассек по грудь.
Конь подогнул тотчас колени:
Хоть ловко было приземленье
Флуара, все, велик и мал,
Вскричали: «Юный проиграл!»
Рыдает горько Бланшефлор,
И королева, и весь двор.
И королю уж не утеха
Провал юнца: ему успеха
Готов был пожелать в бою,
Да верить не хотел чутью;

- Знай правду он, возможность схватки
820 Исчезла бы в самом зачатке.
Майдъен кричит: «Кровопротилъте
Лишь бегством вы предотвратите:
Но, чтоб свести на нет отпор,
Начну вблизи я разговор».
— «Сеньор,— поняв, к чему он клонит,
Тот молвил, — быстрый конь догонит
Любого беглеца, коль пеш он,
К тому ж я латами увешан.
Не бегства я искать пути
Сюда пришел, но ту спасти,
Которую оклеветали, —
Что обтолковано вначале.
Нет, сколько б ни осталось жизни,
Я не подвергнусь укоризне
За то, что, дорожа собой,
Бежал, пока не кончен бой».
Майдъен жалеет, что мороку
Затеял: от копья нет проку;
И к замершему на лугу
- 840 С тем же оружием врагу
Летит, исполнившись отваги.
Злосчастней в мире нет бедняги!
Флуар приблизиться дает
Ему и так копье вперед
Бросает, что покров кольчужный
Был вещью, стало быть, ненужной:
Плоть между ребер двух рассек,
Доспехи разрубив, клинок.
Тот сброшен наземь; столь сурово
С ним обойдьясь, готов он снова
Напасть. Охотно б тот вскочил,
Да шевельнуться нет уж сил:
Сталь рану сделала сквозную.
Флуар, приблизившись вплотную,

Стоял с мечом настороже,
Но тот был при смерти уже.
Король разгневался немало,
Узрев поверженным вассала:
Пускай тот менее удал,
860 Ему он смерти не желал.
Чтоб с меньшим кончить бой уроном,
Велит бежать к нему баронам.
Флуар же, слыша, что их ссоре
Конец, наверно б умер с горя,
Коль от возмездия уйти
Смог тот, кто им убит почти.
С поспешностью заносит меч он:
Со шлемом заодно рассечен
Чепец кольчуги; до зубов
Разрублен череп; тот готов!
А он затем клинок железный
Отер, весьма ему любезный,
На сенешалева коня
Вскочил и, набок шлем клоня,
Чтоб услышала королева,
Сказал смеясь: «Дается дева
Вам под защиту и во власть,
Свою ж возьму позднее часть».
А Бланшефлор ему: «Умело
880 И с честью повели вы дело,
Вступили в схватку ради дам;
Воздаст Флуар сторнцей вам».
— «Храбрец, — король пред ним хлопочет, —
Останьтесь здесь: когда захочет
Флуар стать рыцарем, тотчас
В советники возьмет он вас».
Но речь Флуарова тверда:
«Я прибыл не за тем сюда.
Я не могу признать сеньором
Того, кто верит наговорам,

Весьма плохая вещь — клеветы,
Но хуже — поощрять наветы:
Взять с головы или с хвоста —
Дрянное дело клевета.
Я отбываю в свой удел,
Все совершив здесь, что хотел.
Меня ждут спутники бароны,
И незачем чинить препоны».
Король от близких и родни
Совета ждет: пусть-де они
Искусный для задержки ход
Найдут; он хочет знать, кто тот,
Что столь с мечом и пикой ловок.
Но путник против остановок
В пути: отъехал миг спустя,
Простясь учтиво; за дитя
Того не принимают боле,
Кто так был смел на бранном поле.
Он встрече с милой рад, но муки
Испытывает от разлуки.
Столь бурно день был прожит им,
Что ныне он тоской томим
Такой, что в меньшем был томленье
Парис, страдая по Елене.
Король, скорбя о сенешале,
К ней будет милостив едва ли.
Держась уверенно в седле,
Флуар примчался в Монтелье,
Где, тотчас с радостью от лат
920 Избавясь, родственником взят
Был под руку: на шлем и щит,
В бою помятые, глядит
Тот, все поняв, и молвит: «Сменен
Мой конь. Пусть будет откровенен
Ответ ваш: бились вы, небось?»
И он: «От смерти удалось,

Сеньор, подругу уберечь:
Ее хотели нынче сжечь».
Флуара просит после встряски
Тот отдохнуть; кладет повязки
На раны, средь которых нет
Глубоких: был он лишь задет.

Оставим юношу теперь,
Который вышел без потерь
Из приключения. Владыкой
Займемся: он в тоске великой.
Бароны, видевшие бой,
Взывают все наперебой
К нему: «Сеньор, владыка правый,
940 Отец ваш был увенчан славой,
Себя держал он безупречно
И свой народ любил сердечно.
Тех, кто в злодействе уличен,
Подвергнуть каре наш закон
Велит: сей приговор заслужен
И быть не может пересужен.
Вы видели же, сколь была
Затея сенешаля зла;
Но, совершись здесь правосудье,
Впредь кары б не боялись люди».
И с ними, сдерживая боль,
Все ж соглашается король.
Снимают с сенешаля латы,
В них тело мертвое; расплаты
Обидчик девы не избег:
Так гибнет низкий человек.

Дополнение

Бертран де Борн

В

новь лучезарный парадиз
Весны, явив себя в цветах
И радости, запел, запах,
И я сирвенте верный тон
Задам, встревожив Арагон,
Поскольку в ней
Гнуснейшего из королей
Хотел бы набросать эскиз:
Он трус, наемник, блюдолиз.

Начавший снизу рухнет вниз,
Как в заключительных строках
Лэ — очутясь на рубежах
Исходных: вновь он втащит трон
В Карлат, хоть во главе колонн
В Тир путь прямей;
Но разве соблазнит трофей
Того, кто даже в легкий бриз
Не поплывет за ближний мыс?

Прованс на волоске повис,
Там носят Санчо на руках,
Пока король как на дрожжах

Толстеет, въехав в Руссильон,
Где Джауфре всех прав лишен;
    Тулузой всей
За ложь он был гоним взашей,
И всякий, кто держался близ
Него, довольно быстро скис.

В Кастилии Кастрохерис,
Дворец в Толедо — есть размах
У короля, но лучше б страх
Нагнал на Барселонца он,
Ему чинящего урон;
    По мне, честней
Король мошенников, чем сей
Владыка, чей любой маркиз
Ведет дела из-за кулис.

Король Рамирес мог на бис
Взять Арагон да, жаль, зачах;
Наваррцем добрым хват Монах
И позже был бы побежден,
Когда бы тот в борьбе сторон
    Взял курс верней;
Лазури золотой ценней,
И тот, кто свой смирил каприз,
Достойней короля подлиз.

Его супруге первый приз
Я отдал бы; в ее речах
Такое есть, чем мой замах
Удержан и удар смягчен,
Иначе Беренгьеров стон
    Забыть злодей
Не мог бы до скончанья дней:
Предательство — его девиз,
И меч, разя родню, ослиз.

Императрице он сюрприз
Устроил: далеко не прах
Был в мануиловых дарах,
И вот, квинталов миллион
Добра сложил не глядя он
    В казне своей —
И зелен плод, и поспелей —
А госпожу и греков из
Страны изгнал чуть не без риз.

Ричард Львиное Сердце

Поскольку речи пленного напор
Не свойствен, как и речи тех, кто хвор,
Пусть песнь утешно вступит в разговор.
Друзьям, не шлющим выкупа, позор!
Мне из-за тех, кто на дары не скор,
    Быть две зимы в плену.

Пусть знает каждый в Англии сеньор,
В Анжу, в Гаскони, словом, весь мой двор,
Что я их безотказный кредитор,
Что мной тюремный отперт бы запор
И нищим был, скажу им не в укор,—
    А я еще в плену.

У пленных и у мертвых, искони
Известно, нет ни друга, ни родни.
Я брошен. Злата и серебра ни-ни,
Все ждут. Но будут — даже извини
Я их — обвинены они одни,
    Коль я умру в плену.

Сеньор мой вверх страну в раздор, сродни
Чему раздор в душе. Меж нас грызни

Не должно быть, по слову клятв: они
Обоими давались в оны дни.
Но вырвусь скоро я из западни,
Не век мне быть в плену.

Сестра графиня! Бог, вам давший все
Дары, да будет милостив к красе,
У коей я в плену.

Джауфре Рюдель

Длиннее дни, алей рассвет,
Нежнее пенье птицы дальней,
Май наступил — спешу я вслед
За сладостной любовью дальней.
Желаньем я раздавлен, смят,
И мне милее зимний хлад,
Чем пенье птиц и маков поле.

Я верой в господу согрет —
И встречу я с любовью дальней.
Но после блага жду я бед,
Ведь благо — это призрак дальний.
Стать пилигримом буду рад,
Чтоб на меня был брошен взгляд,
Прекраснейший в земной юдоли.

Услышать на мольбу в ответ
Жду, что готов приют мне дальний;
Я мог бы, если б не запрет,
Быть рядом с ней и в дали дальней;
Польются наши речи в лад
И близь и даль соединят,
Даря усладу после боли.

Печаль и радость тех бесед
Храню в разлуке с дамой дальней,
Хотя и нет таких примет,
Что я отправлюсь в край тот дальний:
Меж нами тысячи лежат
Шагов, дорог, земель, преград...
Да будет все по божьей воле!

Даю безбрачия обет,
Коль не увижусь с дамой дальней,
Ее милей и краше нет
Ни в ближней нам земле, ни в дальней.
Достоинств куртуазных клад
Сокрыт в ней — в честь ее я рад
У сарацинов жить в неволе.

С творцом, создавшим тьму и свет,
Любви не позабывшим дальней,
Я в сердце заключил завет,
Чтоб дал свиданье с дамой дальней,
Чтоб стали комната и сад
Роскошней каменных палат
Того, кто ныне на престоле.

Мой только тот правдив портрет,
Где я стремлюсь к любви дальней.
Сравню ль восторги всех побед
С усладой любви дальней?
Но стать горчайшей из утрат —
Ибо я крестным был заклят —
Ей предстоит. О злая доля!

О сладость горькая утрат!
Будь крестный мой врагом заклят!
Страсть без ответа — что за доля!

Комментарий

Первая версия романа сохранилась в четырех рукописях. Три из них хранятся в Парижской Национальной библиотеке и содержат относительно полный текст памятника; это рукописи «А» (fg. 375, апс. 6987), «В» (fg. 1447, апс. 7534) и «С» (fg. 12562, апс. 540). Четвертая рукопись содержит лишь большой фрагмент книги, соответствующий стихам 131—1596 нашего издания. Это рукопись «Р» Ватиканской библиотеки в Риме (Pal. Lat. 1971). Рукописи «А» и «С» носят следы пикардского диалекта и, видимо, восходят к одному источнику. Первая из них датируется концом XIII в., вторая — началом XV в. Рукопись «В» написана на диалекте Иль-де-Франса (так называемый франсийский диалект) и датируется XIV в. Наконец, ватиканская рукопись, «Р», относится к XIII в. и написана на англо-нормандском диалекте старофранцузского языка.

Все исследователи лучшей считают рукопись «А». Она обычно кладется в основу критических изданий первой версии романа. Их уже осуществлено шесть:

Floire et Blanceflor, altfranzösische Roman nach der Uhandischen Abschrift. Herausgegeben von Im. Bekker. B., 1844;

Floire et Blanceflor. Poèmes du XIIIe siècle. Publiés par E. du Méril. P., 1856;

Floire et Blanceflor. Première version. Publiée par M. M. Pelan. P., 1937 (2-me éd.: 1956);

Floire et Blanceflor nach der Pariser Handschrift 375 mit Glossar neu herausgegeben von W. Wirtz. Frankfurt, 1937.

Li Romanz de Floire et Blanceflor in beiden Fassungen nach allen Handschriften mit Einleitung, Namenverzeichnis und Glossar neu herausgegeben von F. Krüger. B., 1938;

Le conte de Floire et Blanceflor, édité par J.-L. Leclanche. P., 1980.

Переводчик пользуется случаем принести глубокую благодарность З. Н. Волковой за консультации во время работы над текстом.

В двух из шести изданий (Э. дю Мериль и Ф. Крюгера) даны обе версии нашего романа. Вторая версия была, кроме того, дважды издана отдельно:

Floire et Blancheflor. A critical edition of the Popular Version («version des jongleurs»), with a study of its origins and of its relation to the Aristocratic Version. By E. H. Robinson. Manchester, 1935;

Floire et Blancheflor. Seconde version, éditée par M. M. Pelan. P., 1975.

Для нашего издания мы выбрали публикацию Э. дю Мериль, так как этот ученый сделал попытку дать критический текст памятника, базируясь на всех известных рукописях его, т. е. дополняя или корректируя рукопись «А» данными других рукописей. Впрочем, Э. дю Мериль был не всегда последователен, а порой — слишком субъективен. Поэтому мы включили в основной текст ряд больших пассажей, которые Э. дю Мериль считал позднейшими интерполяциями, хотя они и присутствуют в самой надежной рукописи «А» (соответственно стихи 785—990, 1902—1926, 3163—3186 нашего издания). Было сделано еще несколько мелких уточнений, конъектур и дополнений (преимущественно в конце памятника) — также вопреки чтению, предложенным Э. дю Мерилем. Мы пользовались изданием Ф. Крюгера, почти дипломатически воспроизводящим текст рукописи «А», и изданием М. М. Пелан — для второй версии романа. К сожалению, мы не смогли воспользоваться новейшим изданием нашего памятника, осуществленным Ж.-Л. Лекланшем.

Цифры перед каждым реальным комментарием указывают номера стихотворных строк.

10. *Их дочка Берта...* — имеется в виду франкская королева Берта (Бертрада) Большеногая (ум. 783), жена короля франков Пипина Короткого, первого представителя династии Каролингов (правил в 751—768 гг.). В действительности Берта не была, конечно, дочерью героев нашего романа; ее отцом был Карибер, граф Лаонский. Однако народная традиция, широко отразившаяся в литературе, делала Берту дочерью не только венгерских королей, но даже византийского императора.

В одной из рукописей романа после 10-го стиха уточнено:

Жена отважного барона
Пипина — родила Карлона.

Действительно, у Берты и Пипина Короткого было двое сыновей — старший, Карл Великий (742—814), и младший, Карломан (751—771). После смерти отца оба брата царство-

вали вместе, пока ранняя смерть Карломана не оставила Карла одного на троне.

11. *Майн* — имеется в виду французская провинция Мен (запад страны). Не приходится удивляться, что эта провинция упомянута в нашем романе наравне с Францией: под последней в XII в. нередко подразумевался лишь «королевский домен», т. е. провинция Иль-де-Франс с центром в Париже (впрочем, иногда королевские владения оказывались даже меньше этой провинции).

25—26. *...владел венцом он царским Венгерским, так же как болгарским...*— Автор романа делает его героя потомком венгерских и болгарских королей, что, конечно, никак не подкрепляется историческими фактами. Более того, в описываемую в романе эпоху (начало VIII в.) мадьярские племена еще не осели в придунайских землях.

41. *Фессалия* — плодородная равнина на северо-востоке Греции, в долине реки Пеней. Здесь издавна получило развитие скотоводство, а следовательно, и выделка очень ценящихся по всей Европе шерстяных тканей.

55. *В Испании король один...*— Здесь и далее речь идет, конечно, не о каком-то реальном короле-язычнике Фелисе (Феликсе), а о персонаже вымышленном. Между тем в романе верно изображена неухающая борьба христиан и мусульман на территории средневековой Испании. Последняя была в очень короткий срок (711—714) почти целиком завоевана арабами, которые основали на полуострове мусульманский эмират.

58. *Галисия* — провинция на крайнем северо-западе Испании; она также находилась под мавританским (арабским) владычеством, но здесь, на окраине, власть завоевателей не была столь тверда, как в центре страны. К тому же в описываемое романом время (первая половина, даже начало VIII в.) христианское население Галисии не попало еще под безраздельное господство захватчиков. Да и вообще арабские власти предоставляли христианам известные свободы (чтобы не разрушать экономику страны).

93. *...брел к Иакову святому...*— Имеется в виду популярнейшая на протяжении всего зрелого Средневековья христианская святыня — собор в Сантьяго-де-Компостела (на северо-западе Испании), хранящий останки св. Иакова. Уже в раннем Средневековье (в VIII—IX вв.) возникла легенда, связавшая христианизацию Испании с именем апостола, чей прах был перевезен верными учениками из Яффы, где он принял мученическую смерть, в Ирна Флавия (современный Эль Падрон). Поблизости от этого места в 872 г. по повелению ко-

роля Астурии Альфонса III была воздвигнута церковь и основан монастырь; существующий и ныне величественный собор построен в 1078—1120 гг. Соответственно церковная легенда сделала апостола Иакова основным помощником христиан в их борьбе с арабским завоеванием Испании. Поэтому паломничество в Сантьяго-де-Компостела было самым популярным в Европе, соперничая с паломничеством в Иерусалим. В Сантьяго вели четыре паломнические дороги, вдоль которых возникли многочисленные культовые сооружения.

119. *Неаполь* — Этот итальянский город не был, разумеется, постоянным владением арабов, однако последние совершали на него набеги (в X в.), равно как и норманны (в XI в.), основавшие там могущественное королевство.

161. *В цветущий праздник предпасхальный...* — Герои романа родились в Вербное воскресенье, отмечаемое за неделю до Пасхи.

174. *Монтуар* — Предполагается, что этот город находился в Испании. Во второй версии романа место, куда Флуар послан учиться, называется Монтелье. Оба топонима имеют довольно большое распространение и не поддаются однозначной локализации, хотя попытки в этом направлении и делались.

238. *Мандрагора* — многолетнее растение; ряд его разновидностей имеет ароматные ягоды, богатые витаминами. Уже в древности с этим растением связывали различные легенды; самой популярной была легенда о том, что настой из ягод мандрагоры (либо из ее листьев, корней и т. п.) обладает чудесной способностью рождать любовное чувство.

297. *Эмир* — На средневековом Западе не очень хорошо разбирались в чужеземных чинах и званиях, называя «эмиром» (*amiral, almansor, amasour* и т. д.) не только восточного «царя», но также правителя области, военачальника и т. п.

352. *Камергер* — В разных рукописях романа этот придворный называется по-разному. Так, в рукописи «В» он именуется «сенешалем» (так назывался глава дворцовой челяди). Упомянутый в основной рукописи «*sambrelenc*» (вар. *chambrelain, chamberlenc*) также обозначал одну из высших должностей замковой свиты феодала и поэтому может быть соотнесен с более поздним понятием «камергер» (впрочем, в немецких землях «камергеры» возникли достаточно рано).

357. *Йорас* — Этот персонаж, герцог Монтуара и дядя Флуара, упоминается только в нашем романе. Это лицо вымышленное, как и другие персонажи произведения.

402. *...томить недолго будут сына.* — Во второй версии ро-

мана здесь вклинивается большой эпизод, который мы приводим в «Приложении».

405. *Вавилон* — Так в Средние века европейцы называли обычно Каир. Вместе с тем, как увидим ниже, в описании Вавилона присутствует воспоминание о легендарном городе Двуречья. Во второй версии романа имеется в виду «Новый Вавилон», т. е. Каир.

427. *Марка* — одна из основных (и универсальных) денежных единиц в средневековой Европе. Правда, вес этой монеты и соответственно ее стоимость различались; наибольшее хождение имели кельнская, парижская и турецкая марки. Их вес равнялся приблизительно 233 г.

430. *Блио* — вид верхней одежды. У женщин — нарядное платье, обычно из цветной шелковой ткани. Делалось с пышными рукавами, украшавшимися вышивкой. Поверх блио надевали жилет, поддерживавший грудь и подчеркивавший стройность стана. У мужчин — вид длинной рубахи, стягиваемой на талии поясом.

437. *Вулкан* — Имя этого римского божества огня (у греков — Гефест) часто встречается в западноевропейских средневековых памятниках, особенно в тех, в которых разрабатывались античные сюжеты.

440. *Вид Трои* ... — Далее идет краткое изложение основных событий Троянской войны, которые были хорошо известны в средневековой Европе по латинским пересказам «Илиады», а затем по обработкам этого сюжета на новых языках (так, в середине XII в. англо-нормандским трувером Бенуа де Сент-Мором был написан обширнейший «Роман о Трое»), а также по «Энеиде» Вергилия.

448. *...ее супруг...* — т. е. Менелай.

452—453. *...Венеру и Палладу с Юноною...* — Этот сюжет («Суд Париса») был в Средние века весьма популярен; мы находим его отражение не только в большом числе литературных произведений, но и в памятниках прикладного искусства. Показательно, что поэты не только излагают этот сюжет непосредственно, но еще охотнее и изобретательнее описывают его изображение на тканях, коврах, кубках и т. п.

465. *...Юноной — домою изобильным...* — Юнона была римским божеством, покровительницей женщин и домашнего очага. В древней Греции ей соответствовала Гера.

466. *...Палладой — знанием веселым...* — Афина Паллада, как у древних греков, и, вслед за ними, у остальных европейских народов, так или иначе усвоивших их мифологию и культуру, почиталась богиней мудрости и покровительницей наук.

467. ...*Венерой же — прекрасной дамой...*— Венера (у греков — Афродита) была богиней женской красоты и любви. Показательно, что в восприятии средневекового человека греческие и римские имена богов путались, хотя предпочтении отдавалось, конечно, римским.

477. *Карбункул* — разновидность граната, за красоту и за блеск ценившаяся достаточно высоко уже древними и очень популярная в средневековой Европе.

482. *Иссон* — полукустарник, распространенный на юго-западе Европы; благодаря содержащимся в нем эфирным маслам используется как пряность, в том числе при изготовлении некоторых лекарственных настоев.

550. ...*фризским златобоем...*— Автор романа делает одного из мастеров, создавших мнимое надгробие героини, фризом, т. е. выходцем из германского племени, обитавшего на севере Европейского континента (на территории современных Голландии, Дании и ФРГ). Это племя вело активную борьбу за независимость с Карлом Великим. Среди фризов, возможно, действительно были отменные золотых дел мастера, но их упоминание в романе, как и вообще в средневековой литературе, конечно, чисто условно: под Фризией понимали обычно далекую или очень богатую страну (нередко оба эти качества совпадали).

603. *Эбеновым звалось...*— Древесина некоторых видов тропических деревьев имеет темно-зеленый или черный цвет и обладает исключительной прочностью. Изделия из такого дерева были известны в средневековой Европе и ввозились из стран Востока.

606. *Терпентин* — декоративный кустарник из рода фиштакхов, во время цветения покрывается крупными метельчатыми соцветиями.

647. ...*аравийским златом...*— Среди полезных ископаемых Аравии золото (особенно в древности и в Средние века) занимало заметное место (добывалось в районе Медины). Почти неизвестная Европе (вплоть до XVIII в.), Аравия была в сознании европейцев страной легенд, баснословных богатств и т. д.

777. *По расцветающему лугу...*— т. е. в раю.

805. *Денье* — широко распространенная в средневековой Европе серебряная монета. Впервые ее начали чеканить при Пипине Коротком; при Карле Великом из фунта серебра изготавливали 240 денье. Затем стоимость и вес денье много раз менялись; самым распространенным был парижский денье, который чеканили при Филиппе-Августе (1180—1223), т. е. вскоре после создания нашего романа (и в период воз-

никновения самых старых из сохранившихся его рукописей).

838. *Бородач* — Эта кличка (Barbarin) происходит скорее не от слова «борода» (barbe), а от слова «варвар» (barbare), но бесспорно в повседневном употреблении обе эти семы могли сливаться. Такое прозвище было особенно распространено на юге Франции.

863. *Туаз* — старинная французская мера длины, равная 1 м 95 см.

931—932. *Мы знаем о таком примере В истории.* — Здесь, вне всяких сомнений, имеется в виду библейский рассказ о Данииле, которого царь Дарий по наущению своих придворных и сатрапов приказал бросить в ров со львами, но те не тронули Даниила (Книга пророка Даниила, VI, 16—22). В Средние века этот сюжет был разработан в латинской пьесе «Danielis Ludus». Полагают также, что в описанной сцене могла быть использована легенда о святом Евстафии, согласно которой мальчик Евстафий был утащен львом, не причинившим, однако, ему никакого вреда благодаря божественному заступничеству.

1025. *Радамант, Минос, Эак* — Тут перечислены упоминаемые в мифах классического периода трое судей, определяющие в Аиде дальнейшую судьбу умерших и налагающие на их души наказания. Во французском тексте Эак назван Фоасом: автор романа (или один из его переписчиков) спутал имя судьи в загробном мире с именем одного из сподвижников Ахилла по Троянской войне.

1029. *Дидона с Библидой...* — Имеются в виду римское сказание о карфагенянке Дидоне, убившей себя после того, как ее покинул Эней (этот сюжет был хорошо известен в средневековой Западной Европе как по поэме Вергилия — кн. IV, так и по ее переделкам на новых языках), и сказание о Библиде, полюбившей своего брата Кавна и повесившейся из-за того, что он не разделял ее чувства (см. об этом «Метаморфозы» Овидия — кн. IX, 453—665).

1099—1101. *Читаем в книге у Катона, Что не пойдут на мысль препоны Тому, кто страстью вдохновен.* — Имеется в виду очень популярная в Средние века книга «Disticha Catonis» («Собрание моральных изречений»), приписываемая без достаточных оснований Катону Утическому, известному политическому деятелю древнего Рима, ревнителю гражданских свобод и высоких моральных норм.

1182. *Ковер багряный из Кастилии...* — Кастилия была испанским графством, затем королевством, граничащим с владениями арабов на Пиренейском полуострове. Она стала аван-

постом реконквисты. Богатая пастбищами Кастилия была знаменита выделкой шерсти.

1185. *Путлица* — ремни, к которым в упряжи верховой лошади прикрепляются стремяна.

1186. *Троки* — ремни для крепления седла, подпруги.

1233—1234. *...готов Всегда был приотить купцов.* — Во второй редакции романа здесь начинается большой эпизод, отсутствующий в первой. В нем рассказывается, как герой прибывает в приморский город Фузис (его идентификация спорна), где правит император Санон. Сын императора Диоген с друзьями нападает на Флуара и его спутников. Завязывается сражение, в ходе которого императорский сын оказывается убитым. Отец хочет сурово покарать пришельцев, но, выслушав правдивый рассказ Флуара, признает, что он имел право на защиту; он только просит юношу поскорее уехать, чтобы своим видом не усугублять его горя.

1251. *...хозяин достославный...* — В некоторых рукописях романа этот персонаж имеет имя — Ришье (Richier).

1264. *Святой Мартин* — епископ Тура (ум. 397), христианизатор Галлии, он много ездил и поэтому считается патроном путешественников.

1281. *Инфант* — В средневековой Европе (а не только в Испании) так называли знатного молодого человека, сына сеньора, который еще не вступил во владение наследственным фьефом.

1380. *Багдах* — По всей вероятности, имеется в виду Багдад. Средневекового автора и его читателей нисколько не смущало, что реальный Багдад (который хорошо был известен в Европе, так как торговля со странами Ближнего Востока была весьма оживленной) находится очень далеко от моря.

1432. *Прево* — так назывались разные должностные лица в средневековой Франции; прево могли выполнять и таможенные функции. Но на Востоке они назывались, конечно, иначе.

1493. *...Ад — название края.* — Так действительно сказано в тексте. Здесь имеется в виду некая местность на побережье между Багдадом и Вавилоном (нет необходимости пояснять, что оба эти города на морском берегу не находятся). Автор романа называет эту местность «Адом», вероятно, потому, что в представлении средневекового европейца и ад, и рай находились на Востоке, возможно как раз в районе Двуречья.

1495. *Монфелис* — т. е. «Счастливая Гора» (Montfelix, Monfelis).

1537. *Соль* — крупная денежная единица в средневековой

Франции. Номинальная стоимость ее менялась; во время создания нашего романа равнялась 12 денье.

1566. *...четыре брал денье налога...*— Это так называемые «мостовые деньги», один из видов денежного обложения в средневековой Европе.

1633. *Так шло сражение...*— В средневековой литературе был очень распространен особый жанр «спора», например души с телом, разума с любовью и т. п. Этот прием использовался и в произведениях других жанров для передачи противоречивых чувств персонажа, их борьбы в его душе. Эти чувства и побуждения как бы отделялись от персонажа, персонифицировались; иначе изображать человеческую психологию в Средние века не умели.

1675. *Дайрес* — Имя этого персонажа несомненно является воспоминанием о персидском царе Дарии, который стал известен средневековому читателю по многочисленным вариантам «Романа об Александре».

1715. *Ликорис* — Это имя жены Дайреса встречается только в нашем романе; этимология его понятна: это «лакрица», «лакричное дерево».

1773—1774. *Имеет под рукой своей Сто пятьдесят он королей* — Видимо, здесь отразилось представление европейцев о многочисленности арабских племен.

1784. *Пятнадцать ростов* — В средневековых постройках человеческий рост нередко употреблялся в качестве меры высоты.

1788. *...восемь дней недели* — Во Франции продолжительность недели традиционно исчисляется от понедельника до понедельника включительно.

1789. *...внутренних коль башен счет...*— Имеются в виду донжоны, внутренние автономные башни замка. Иногда такие укрепленные постройки возводились и в средневековых городах, служа жилищем находящемуся в городе феодалу.

1794. *Альмансор* — Этот термин в средневековой Европе связывался с именем политического и военного деятеля ал-Мансура (находился у власти в 978—1002 гг.), при котором могущество арабов в Испании достигло своего пика.

1811. *Пюиль* — итальянская провинция Апулия; ее портовые города (где широко развивались всевозможные ремесла) были важными центрами торговли Европы с Востоком.

2329—2330. *Она была дочь короля Германского...*— Это, конечно, вымышленный король. Но следует отметить желание автора романа изобразить его события на широком политическом фоне своего времени.

2345. *Кларис ту звали...*— Разные рукописи романа дают

различные варианты имени этого персонажа. Так, в некоторых рукописях и в ряде иноязычных обработок принято написание Глорис. Таким образом, в первом случае имя подруги Бланшефлор восходит к прилагательному «светлая», во втором — может быть переведено как «славная». Второе чтение представляется нам ошибочным.

2621—2622. *Открыл: доказывает вид, Что все ж мужчины там лежат.*— Во второй версии нашего романа, любящей, как известно, более пикантные детали, эта сцена разработана гораздо подробнее: «Он увидел на груди у девушки,— говорится в этой версии,— два поднявшихся бугорка, а у Флуара он не увидел ничего, ибо у него ничего и не могло **быть**. Он еще приподнял одеяло и удостоверился, что это **женщина** и юноша» (ст. 2927—2934).

2658. *Бароны* — Типичный для сознания эпохи анахронизм: автор романа не знает, как называются приближенные мусульманского владыки, и называет их на западный лад.

2721. *Гайфьер Нубийский* — Нубия, страна в Северной Африке между первым и шестым порогами Нила. В VII в. была завоевана арабами. Контакт с Западом у Нубии было, естественно, немного, хотя там уже с VI в. стало распространяться христианство. В представлении средневекового европейца Нубия была далекой, почти сказочной страной.

2797. *Когда бы с Ледой...*— Далее перечисляются персонажи античных мифов и разрабатывающих их художественных произведений. Показательно, что рядом с мифологическими (Леда, Елена, Парис, Антигона, Исмена) и легендарными (Партенопей, Ипомедон) персонажами античности, встречающимися в сказаниях о Трое, об Эдипе и о войне семерых против Фив (названные сказания были хорошо известны на средневековом Западе по латинским пересказам и по обработкам на новых языках, например по французским «Роману о Фивах» и «Роману о Трое»), тут упомянут и библейский герой — сын царя Давида Авессалом. Все эти персонажи отличались поразительной красотой; автор романа упоминает их как раз поэтому.

2989. *Епископ* — В описываемой в романе мусульманской стране, конечно, не могло быть епископов (как и постоянно упоминаемых «вассалов» или «баронов»); здесь автор просто изобразил представителя местного духовенства, не зная точно, как он должен называться.

3098. *...короновал.* — Здесь описан западный ритуал коронации (точно так же как и выше — обряд посвящения Флуара в рыцари).

3147. *...напев виольный...* — Виола была популярным смыч-

ковым инструментом в средневековой Европе, хотя расцвет ее еще был впереди (начиная с XV в.). Появилась виола, видимо, в Провансе («виула»).

3208. *Аксамит* — вид бархата.

3240. *...Он был и радостно привечен...*— В рукописи «А» (где чтение Э. дю Мериль не считал в данном случае авторитетным) здесь сказано также и о матери героини: «А мать Бланшефлор с этого дня пребывала в великой радости, ибо ей была возвращена свобода; ведь она так печалилась на чужбине».

Приложение

Приводимый нами эпизод взят из второй версии романа (стихи 359—1314 по изданию Э. дю Мериль), содержащейся в рукописи Ig. 19152 Парижской Национальной библиотеки.

21. *Майдьен* — Так зовут сенешаля.

42. *Пинель* — Это имя часто встречается в средневековых памятниках как имя сарацина.

305. *Король Маглонский...*— Как полагают исследователи, здесь имеется в виду выдающийся далеко в море Маглонский мыс (южнее французского города Монпелье); на этом мысу уже в XI в. находилась церковь Св. Петра, бывшая центром местного епископства.

308. *Чужеземье* — Во французском тексте сказано «Averse» и подразумевается какое-то мусульманское государство (этим словом нередко обозначались земли язычников в средневековом эпосе, например в «Песни о Роланде»).

314. *Амюсталь* — видимо, титул мусульманского принца от араб. *амир*.

417. *Творец земли...*— Далее Бланшефлор в своей молитве перечисляет основные события, о которых говорится в первых главах Книги бытия,— создание земли и человека, грехопадение, изгнание Адама и Евы из рая и т. д. (см. Бытие, I—III). Примеров сходных молитв очень много в средневековой литературе, в том числе и французской.

510. *...умоли владыку!* — Далее строка в рукописи пропущена и не поддается гипотетическому восстановлению.

621. *...правильно вести...* — Далее в рукописи также пропуск одной или нескольких строк.

661. *Арпан* — старинная французская земельная мера; различались «парижский», «узаконенный» и «обычный» арпаны; их величина равнялась примерно соответственно 34, 51 и 42 арам.

918. *Монтелье* — комментаторы полагают, что это реальное место недалеко от Каркассона, на юге Франции.

Дополнение

Публикуемые произведения провансальских поэтов созданы в те десятилетия XII в., когда был написан и роман «Флуар и Бланшефлор». Эти стихи отражают как поэтику эпохи — так называемый «весенний зачин» (у Бертрана де Борна и Джауфре Рюделя), мотив любви к прекрасной сарацинке (Рюдель), которыми отмечены и наш роман, и политические события того времени. Например, в сирвенте (политической песне) Бертрана де Борна говорится о феодальных усобицах, раздиравших Прованс и сопредельные королевства, княжества и графства, и этому противопоставляется правое дело — крестовый поход на Тир (в Палестине). В песне Ричарда Львиное Сердце звучат жалобы пленника — эта песня в известной мере сопоставима с началом незавершенной версии нашего романа, где ярко описаны переживания французских дворян, оказавшихся в сарацинском плену.

Бертран де Борн (ок. 1140—1215) — известный провансальский трубадур, прославившийся прежде всего своими сирвентами.

...Гнуснейшего из королей... — Бертран имеет в виду Альфонса II Арагонского (1164—1196); поэт примыкал к враждебной ему феодальной клике.

Лэ (также — дескорт) — одна из форм провансальской лирики, стихотворение, раскрывающее затаенные переживания влюбленных; обычно тема первой строфы повторялась в последней.

Карлат — замок в Арагоне. Альфонс II был внуком владелицы этого замка, Дульси графини Прованской и Рамона Беренгьера III графа Барселонского.

Джауфре — граф Руссильонский; со смертью в 1172 г. его сына, не оставившего наследников, графство было присоединено к Арагону.

...есть размах у короля... — Имеется в виду король Кастилии Альфонс VIII (1158—1214).

...на Барселонца... — т. е. Альфонса Арагонского, который после смерти своего отца Рамона Беренгьера IV стал графом Барселонским (1162), а после отречения в его пользу матери его Петронильи, арагонской королевы, — королем Арагона (1164).

Рамирес — Имеется в виду Гарсия Рамирес IV, король Наварры. Он мог претендовать на корону Арагона после

смерти своего дяди Альфонса I (1102—1134), так как другой его дядя, Рамиро, был в то время монахом. Однако папа разрешил последнему покинуть монастырь и стать королем Арагона под именем Рамиро II — к нему и относится кличка Монах. В 1137 г. Рамиро возвратился в монастырь после рождения у него дочери Петронильи, матери Альфонса II.

Его супруга...— Имеется в виду Санча, жена Альфонса II Арагонского и сестра Альфонса VIII, короля Кастилии.

...Беренгьеров стон...— Имеется в виду Рамон Беренгьер Прованский, убитый в 1181 г. не без участия Альфонса II.

Императрице он сюрприз Устроил...— В последней строфе сирвенты Бертран упоминает следующие политические события: в 1173 г. Альфонс II просил руки царевны Евдоксии, дочери византийского императора Мануила (1143—1180); однако, когда греческое посольство вместе с невестой и богатыми подарками прибыло к арагонскому двору, Альфонс вступил в брак с Санчей Кастильской.

квинтал — старая европейская мера веса, равная 100 кг.

Ричард Львиное Сердце (1157—1199) был сыном английского короля Генриха II Плантагенета, после смерти которого сам стал королем. При жизни отца он враждовал с ним, а также с братьями Генрихом Молодым и Иоанном. В эти ссоры известную роль сыграл Бертран де Борн, наускивавший отца на сына. Ричард принял участие в Третьем крестовом походе, но постоянно ссорился с двумя другими вождями крестоносцев — французским королем Филиппом-Августом и немецким — Фридрихом Барбароссой. Возвращаясь из похода, Ричард был захвачен австрийским герцогом Леопольдом и провел в плену более года (с декабря 1192 по февраль 1194 г.). Это стихотворение, сохранившееся в двух редакциях — провансальской и французской, — написано в плену.

Сеньор мой...— Имеется в виду Филипп-Август; Ричард считался его вассалом, так как владел рядом графств на территории французского королевства.

Сестра графиня! — Эти слова обращены к Марии Шампанской, единоутробной сестре Ричарда, дочери французского короля Людовика VII и Альеноры Аквитанской (матери Ричарда).

Джауфре Рюдель (середина XII в.) — известнейший провансальский трубадур. Легендарное жизнеописание приписывает ему любовь к принцессе Триполитанской Мелиссанде, которую он полюбил, никогда ее не видав, но наслышавшись

рассказов паломников и поэтов. Он отправился в крестовый поход (Рюдель, видимо, действительно участвовал во Втором крестовом походе), но во время морского пути заболел и скончался, едва корабль вошел в порт.

...крестным был заклят...— Полагают, что здесь поэт имеет в виду своего предшественника, первого трубадура Гилье́ма Аквитанского (1071—1126).

Содержание

А. Д. Михайлов

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ РОМАН
О ФЛУАРЕ И БЛАНШЕФЛОРЕ,
ЕГО ИСТОЧНИКИ И ЕГО СУДЬБА

3

ФЛУАР И БЛАНШЕФЛОРЕ

35

ПРИЛОЖЕНИЕ

128

ДОПОЛНЕНИЕ

Бертран де Борн

155

Ричард Львиное Сердце

157

Джауфре Рюдель

158

КОММЕНТАРИИ

160

ФЛУАР И БЛАНШЕФЛОР

Редактор *Л. Ш. Рожанский*
Младший редактор *М. И. Новицкая*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 15283

Сдано в набор 01.02.85. Подписано к печати
30.07.85. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать вы-
сокая. Усл. п. л. 7,15. Усл. кр.-отт. 7,4. Уч.-
изд. л. 8,96. Тираж 40 000 экз. Изд. № 5679.
Зак. 2505. Цена 75 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Набрано
в Московской типографии № 5 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
129243, Москва, Мало-Московская, 21

Отпечатано
во 2-й типографии издательства «Наука»
121099 Москва Шубинский пер., 10

В ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выпущена книга

Виллардуэн Ж. де. Взятие Константинополя. Песни труверов. Пер. со старо-франц. 12 л.

Вниманию читателя предлагается впервые публикуемая в русском переводе французская хроника XII в. «Взятие Константинополя», созданная одним из крупнейших военачальников и политических деятелей своего времени Жоффруа де Виллардуэном. Во второй части книги помещены переводы посвященных походам на Восток песен французских труверов XII—XIII вв. Вошедшие в книгу произведения — исторические документы большой ценности, отражающие идеологию и культуру средневекового европейского рыцарства в их соприкосновении с Востоком, отличаются незаурядными литературными достоинствами.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117464. МОСКВА В-464, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГЛ. ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ»

ФЛУАР И БЛАНШЕФЛОР

Созданный во второй половине XII века неизвестным французским автором, этот роман о любви сарацинского принца Флуара и пленницы-христианки Бланшефлор принадлежит к наиболее значительным явлениям культуры той эпохи. К его сюжету и к его героям не раз возвращались литераторы и более позднего времени — от Боккаччо до Блока...

